

МАРК

ЛЕВИ

КАЖДЫЙ

ХОЧЕТ

ЛЮБИТЬ...

Сегодня Марк Леви один из самых популярных французских писателей, его книги переведены на 33 языка и расходятся огромными тиражами, а за право экранизации его первого романа Спилберг заплатил два миллиона долларов. В российском прокате фильм назывался «Между небом и землей» и вызвал огромный интерес широкой публики, а одноименная книга вышла в издательстве «Махаон».

Новый роман автора – об искренней дружбе и о бескорыстной любви, то есть о чувствах, единственно благодаря которым человек в состоянии преодолеть одиночество и отчужденность, стать счастливым и разделить свое чувство с окружающими. Эта удивительно теплая, пронизанная душевностью книга несет нам послание: любите, и мир вокруг преобразится!

•	Марк ЛЕВИ	
◦		
◦	I	
◦	II	
◦	III	
◦	IV	
◦	V	
◦	VI	
◦	VII	
◦	VIII	
◦	IX	
◦	X	
◦	XI	
◦	XII	
◦	XIII	
◦	XIV	
◦	XV	
◦	XVI	
◦	XVII	
◦	XVIII	
◦	XIX	
◦	XX	
◦	XXI	
◦	XXII	
◦	XXIII	
◦	ЭПИЛОГ	
•	notes	
◦	1	
◦	2	
◦	3	
◦	4	
◦	5	
◦	6	
◦	7	

- [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Марк ЛЕВИ

КАЖДЫЙ ХОЧЕТ ЛЮБИТЬ...

Париж

- Помнишь Каролину Леблон?
- Второй «А», всегда сидела на задних партах. Твой первый поцелуй. Сколько лет уже...
- Она была хороша до чертиков, эта Каролина Леблон.
- С чего ты о ней вспомнил именно сейчас?
- Вон, внизу, рядом с каруселью, та женщина на нее похожа, как мне кажется.

Антуан внимательно оглядел молодую мамашу, которая читала, сидя на стуле. Переворачивая страницу, она бросала быстрый взгляд на маленького сынишку, который хохотал, вцепившись в холку своей деревянной лошадки.

- Этой женщине у карусели рке за тридцать пять.
- Нам тоже за тридцать пять, – заметил Матиас.
- Думаешь, это она? Ты прав, чем-то она напоминает Каролину Леблон.
- Как же я был в нее влюблен!
- Ты тоже делал за нее задания по математике в обмен на поцелуй?
- Что за мерзости ты говоришь.
- Почему мерзости? Она целовала всех мальчишек, которые набирали от 14 до 20 [Ш](#).
- Я же сказал тебе, что был по уши влюблен в нее!
- Ну и ладно, самое время перевернуть страницу.

Сидя бок о бок на скамейке у площадки с аттракционами, Антуан и Матиас отвлеклись от молодой мамы и стали разглядывать мужчину в синем костюме, который пристроил большую розовую сумку у ножки стула и повел свою маленькую дочурку к карусели.

- Спорим, у него уже месяцев шесть срока, – изрек Антуан.

Матиас вгляделся в бедолагу. Молния на сумке была приоткрыта, и оттуда высовывались пачка печенья, бутылочка апельсинового сока и лапа плюшевого мишки.

- Давай! Три месяца, не больше!

Матиас протянул руку, Антуан хлопнул по ладони:

- Спорим!

Девчушка на лошадке с позолоченной гривой на секунду потеряла равновесие. Отец ринулся вперед, но служитель карусели подоспел раньше и посадил ее обратно в седло.

- Ты проиграл... – заверил Матиас.

Он подошел к мужчине в синем костюме и уселся рядом.

- Поначалу трудно, а? – снисходительно спросил Матиас.

- Еще как! – со вздохом согласился мужчина.

– Потом станет еще сложнее, вот увидите. Матиас бросил беглый взгляд на бутылочку без соски, торчащую из сумки.

- Давно вы разошлись?

- Три месяца...

Матиас похлопал его по плечу, с победоносным видом направился обратно к Антуану и сделал другу знак следовать за ним.

- С тебя двадцать евро! Вдвоем они двинулись прочь по аллее Люксембургского сада.
- Ты возвращаешься в Лондон завтра? – спросил Матиас.
- Сегодня вечером.
- Так мы даже не поужинаем вместе?
- Только если ты сядешь в поезд вместе со мной.
- Я завтра работаю!
- Перебейся работать туда.
- Не начинай по новой. Что, по-твоему, мне делать в Лондоне?
- Быть счастливым!

Лондон, несколько дней спустя

Сидя за рабочим столом, Антуан дописывал последние строчки письма. Перечитал его, остался доволен, аккуратно сложил и убрал в карман.

Свет прекрасного осеннего дня просачивался сквозь жалюзи окна, выходящего на Бьют-стрит, и стекал на светлый паркет архитектурного бюро.

Антуан накинул пиджак, висевший на спинке его стула, поправил рукава свитера и быстрым шагом направился к вестибюлю. По дороге притормозил и склонился над плечом одного из своих инженеров, чтобы рассмотреть чертеж, над которым тот корпел. Антуан переместил угольник и поправил линию в разрезе. Маккензи поблагодарил его простым кивком, Антуан ответил улыбкой и продолжил свой путь к двери, поглядывая на часы. На стенах были развешаны фотографии и чертежи проектов, осуществленных агентством со дня своего основания.

– Вы сегодня уходите в декрет? – спросил он у секретарши.

– Ну да, пора мне уже наконец произвести на свет этого ребенка.

– Мальчик или девочка?

Молодая женщина скорчила гримаску, положив руку на круглый живот.

– Футболист!

Антуан обошел стойку, обнял женщину и осторожно прижал к себе.

– Возвращайтесь скорее... не слишком быстро, и все же поскорее! В общем, возвращайтесь, когда захотите.

Он ласково помахал ей рукой, отошел и толкнул стеклянные двери, ведущие к лифтам.

Париж, тот же день

Стеклянные двери большого книжного парижского магазина распахнулись перед клиентом в шляпе и шарфе, обвязанном вокруг шеи. Он явно торопился и сразу направился в отдел школьных пособий. Продавщица, стоя на самом верху стремянки, громко выкрикала названия и количество стоящих на полке книг, а Матиас заносил данные в тетрадку. Без всякого вступления клиент поинтересовался не слишком приветливым тоном, где он может найти полное собрание сочинений Гюго в издании «Плеяды».

– Какой том – спросил Матиас, подняв глаза от своей тетрадки.

– Первый, – ответил мужчина еще суше.

Молоденькая продавщица перегнулась и ухватила книгу кончиками пальцев. Затем наклонилась, чтобы передать ее Матиасу. Мужчина в шляпе проворно выхватил книгу и пошел к кассе. Продавщица вопросительно взглянула на Матиаса, а он, сжав зубы, положил тетрадку на прилавок и бросился следом за клиентом.

– Здравствуйте, пожалуйста, спасибо, до свидания! – прорычал он, перекрывая тому доступ к кассе.

Измученный клиент попробовал обойти его, но Матиас вырвал у него из рук книгу и, не переставая твердить во все горло: «Здравствуйте, пожалуйста, спасибо, до свидания!», вернулся к прерванной работе. Несколько посетителей наблюдали за этой сценой, совершенно растерявшись. Разъяренный мужчина в шляпе покинул магазин, кассирша пожала плечами, молодая продавщица на своей верхотуре изо всех сил сдерживала смех, а владелица магазина попросила Матиаса зайти к ней до конца дня.

Париж

Антуан пошел по Бьют-стрит пешком. Когда он поравнялся с переходом, рядом с ним притормозил и остановился *blackcab*^[2]. Антуан кивком поблагодарил водителя и доехал до круга перед французским лицеем. Зазвонил колокол, и двор начальной школы заполнился тучей детворы. Эмили и Луи с ранцами на спине шагали бок о бок. Мальчик повис на отце. Эмили улыбнулась и отошла к ограде.

– Валентина не пришла за тобой? – спросил Антуан у Эмили.

– Мама позвонила учительнице, она запаздывает и хочет, чтобы я ждала ее в ресторане у Ивонны.

– Тогда пойдем с нами, я тебя отведу, и мы вдвоем что-нибудь перекусим.

Париж

Мелкий дождик отбивал дробь по блестящим тротуарам. Матиас плотнее запахнул плащ, поднял воротник и двинулся по переходу. Такси засигналило и едва не задело его. Шофер высунул руку в окно и недвусмысленным жестом выставил средний палец. Оказавшись на другой стороне, Матиас зашел в небольшой супермаркет. Серые отсветы парижского неба сменились яркими неоновыми огнями. Матиас поискал на стеллажах кофе, взял банку, в раздумье глянул на замороженные полуфабрикаты и в результате выбрал ветчину в вакуумной упаковке. Наполнив металлическую корзинку, подошел к кассе.

Хозяин вернул ему сдачу, но не улыбку; «доброе вечера» он тоже не дождался.

Когда он добрался до прачечной, там уже были опущены металлические шторы. Матиас вернулся к себе.

Лондон

Устроившись за столиком в пустом зале ресторана, Луи и Эмили рисовали что-то в своих тетрадках, не забывая лакомиться карамельным кремом, секрет которого был известен только хозяйке заведения Ивонне. Она как раз поднималась из винного погреба, Антуан шел следом, таща ящик с бутылками, две плетенки с овощами и три банки сметаны.

– Как ты умудряешься все это сама перетаскивать? – недоумевал Антуан.

– Уж как-то умудряюсь! – отвечала Ивонна, указывая ему место за стойкой, куда сложить все принесенное.

– Ты должна нанять кого-нибудь в помощники.

– А чем я буду расплачиваться с этим кем-нибудь? Я и одна-то едва концы с концами свожу.

– В воскресенье мы с Луи придем тебе на подмогу; хоть приведем в порядок твой склад, а то там черт ногу сломит.

– Оставь мой склад в покое; лучше отведи своего сына в Гайд-парк покататься на пони или сходи с ним в Тауэр, он уже сколько месяцев об этом мечтает.

– Он больше мечтает побывать в музее ужасов, а это далеко не одно и то же. И он еще слишком мал.

– Или ты слишком стар, – возразила Ивонна, расставляя бутылки бордо.

Антуан просунул голову в дверь кухни и с воодушевлением уставился на два огромных противня, водруженных на плиту. Ивонна потрепала его по плечу.

– Накрыть вам вечером на двоих? – спросила она.

– Возможно, на троих? – предположил Антуан, взглядом указывая на Эмили, прилежно склонившуюся над тетрадкой в глубине зала.

Но не успел он договорить, как мама Эмили, вся запыхавшаяся, влетела в бистро. Она обняла дочь, извиняясь за опоздание и объясняя, что ее задержало собрание в консульстве. Спросила, сделала ли Эмили домашнее задание, и та кивнула, очень гордая собой. Антуан и Ивонна наблюдали за ними от стойки.

– Спасибо, – сказала Валентина.

– Не за что, – хором ответили Ивонна и Антуан. Эмили собрала ранец и взяла мать за руку. На пороге они обернулись и попрощались.

Париж

Матиас поставил фотографию в рамке на кухонную стойку. Кончиками пальцев он провел по стеклу, будто лаская волосы дочери. На фотографии Эмили одной рукой держалась за мать, а другой махала ему на прощание. Это было в Люксембургском саду, три года назад. Накануне того дня, когда Валентина, его жена, покинула его, чтобы уехать вместе с дочерью в Лондон.

Стоя за гладильной доской, Матиас поднес руку к поверхности утюга, проверяя, достигла ли она нужной температуры. Среди рубашек, которые он разглаживал с завидной скоростью, лежал маленький пакет, завернутый в фольгу, и Матиас прогладил его с особым тщанием. Потом поставил утюг на подставку, выдернул шнур из розетки и развернул фольгу, под которой обнаружился дымящийся сэндвич с ветчиной и сыром. Матиас переложил его на тарелку и понес свой ужин к дивану в гостиной, прихватив по дороге газету с журнального столика.

Лондон

Если в начале вечера у стойки бара царило оживление, то обеденный зал оставался далеко не полным. Софи, молодая цветочница, которая держала магазинчик рядом с рестораном, зашла, придерживая обеими руками огромный букет. Очаровательная в своем белоснежном халатике, она расставила лилии в вазе на стойке. Хозяйка незаметно указала ей на Антуана и Луи. Софи направилась к их столику. Она поцеловала Луи и отклонила предложение Антуана присоединиться к ним: ей еще нужно прибраться в магазине, а завтра спозаранок отправляться на цветочный рынок на Коламбия-роуд. Ивонна подозвала Луи, чтобы он выбрал себе мороженое в холодильнике. Мальчик убежал.

Антуан достал письмо из кармана пиджака и незаметно передал его Софи. Та развернула листок и принялась читать с видимым удовольствием. Не прерывая чтения, подтянула к себе стул и уселась. Потом передала первую страницу Антуану.

– Можешь начать так: «Любовь моя...»

– Ты хочешь, чтобы я сказал «любовь моя»? – задумчиво переспросил Антуан.

– Да, а в чем дело?

– Ни в чем!

– Что тебя смущает? – недоумевала Софи.

– Мне кажется, это немного слишком.

– Слишком что?

– Ну, слишком, слишком!

– Не понимаю. Если я люблю кого-то настоящей любовью, то называю его «любовь моя»! – убежденно настаивала Софи.

Антуан взял ручку и снял колпачок.

– Это ты любишь, тебе и решать! И все-таки...

– Все-таки что?

– Если бы он был здесь, возможно, ты любила бы его немного меньше.

– Ну что за ерунда, Антуан. Почему ты вечно говоришь такие вещи?

– Потому что это так и есть! Когда люди видят нас ежедневно, они с каждым разом все меньше обращают на нас внимание... а через некоторое время и вовсе перестают замечать.

Софи уставилась на него в сильном раздражении.

– Отлично, значит, скажем: «Любовь моя...»

Он помахал листком, чтобы чернила высохли, и отдал его Софи. Она поцеловала Антуана в щеку, поднялась, послала воздушный поцелуй Ивонне, которая суежилась за стойкой. Она уже переступала порог, когда Антуан окликнул ее:

– Извини меня за все, что я наговорил. Софи улыбнулась и вышла.

Зазвонил мобильник Антуана, на экране высветился номер Матиаса.

– Ты где? – спросил Антуан.

– На собственном диване.

– Что-то у тебя голос тусклый или мне кажется?

– Нет, нет, – запротестовал Матиас, теребя уши плюшевого жирафа.

– Я сегодня забрал твою дочку из школы.

– Знаю, она мне сказала, я только что с ней разговаривал. Кстати, я должен ей перезвонить.

– Ты так по ней скучаешь? – спросил Антуан.

– Еще больше, когда вешаю трубку после разговора с ней, – с легкой грустью признал Матиас.

– Думай о том, как ей пригодится потом в жизни свободное владение двумя языками, и радуйся. Она замечательная и счастливая.

– Да, в отличие от ее папы... я все знаю.

- У тебя проблемы?
- Думаю, меня в конце концов уволят.
- Лишний повод перебраться сюда, к ней поближе.
- А на что я буду жить?
- В Лондоне тоже есть книжные магазины, и работы здесь хватает.
- А эти твои магазины не слишком английские?
- Мой сосед уходит на пенсию. Его книжная лавка расположена в самом центре французского квартала, и он ищет управляющего себе на замену.

Антуан признал, что магазин был куда скромнее, чем тот, в котором Матиас работал в Париже, на зато он будет сам себе боссом, что в Англии не считается преступлением... В целом заведение было очень приятным, хотя не мешало бы его слегка подновить.

- А много надо переделывать?
- Это уже по моей части, – заметил Антуан.
- И во сколько мне обойдется должность управляющего?
- Владелец прежде всего хочет, чтобы его детище не превратилось в закусочную. Он вполне удовлетворится небольшим процентом с продаж.
- А что именно, на твой взгляд, означает «небольшим»?
- Небольшим! Небольшим, как... то расстояние, которое будет отделять твое рабочее место от школы твоей дочери.
- Я никогда не смогу жить за границей.

– Почему? Или ты думаешь, что жизнь в Париже станет прекрасней, когда пустят трамвай? Здесь трава растет не только между рельсами, а вокруг полно парков... Вот, например, этим утром я кормил белок в своем саду.

- У тебя дни очень загружены?
- Ты прекрасно освоишься в Лондоне, энергия здесь бьет ключом, люди приветливы, а что до французского квартала, там просто чувствуешь себя в Париже... только без парижан.

И Антуан изложил исчерпывающий список всех чисто французских заведений, расположенных вокруг лица.

- Ты даже сможешь покупать свою любимую «А'Экин»^[3] и пить кофе со сливками на террасе кафе, не покидая Бьют-стрит.

- Ты преувеличиваешь!
- А по-твоему, почему лондонцы называли эту улицу «FrogAlley»^[4]? Матиас, здесь живет твоя дочь. И лучший друг тоже. Да к тому же ты сам все время твердишь, что жизнь в Париже – сплошной стресс Матиаса уже давно раздражал шум, доносившийся с улицы; он поднялся и подошел к окну: какой-то водитель поносил мусорщиков.

– Не вешай трубку, – попросил Матиас и высунул голову наружу.

Он заорал водителю, что если уж тому плевать на окружающих, то он мог бы по крайней мере проявить уважение к тем, кто занят тяжелой работой. Водитель из-за опущенного стекла выдал новую порцию ругани. В конце концов, мусорщик отъехал к обочине, и машина, скрежеща шинами, рванулась прочь.

- Что там случилось? – спросил Антуан.
- Ничего! Так что ты говорил о Лондоне?

Лондон, несколько месяцев спустя

Весна объявилась вовремя.

И если солнце в эти первые апрельские дни еще пряталось за тучами, то наступившее тепло не оставляло сомнений в том, что новое время года не за горами. В районе Южного Кенсингтона царило бурное оживление. Прилавки зеленщиков ломились от аппетитно разложенных фруктов и овощей, цветочный магазин Софи предлагал выбор на любой вкус, а ресторан Ивонны готовился открыть летнюю террасу. На Ан-туана навалилась куча работы. Сегодня ему пришлось перенести пару встреч, чтобы лично проследить за тем, как идут отделочные работы в прелестном маленьком книжном магазине на углу Бьют-стрит.

Витрины «Французской книготорговли» были занавешены пластиковыми полотнищами, предохранявшими их от брызг краски, и маляры уже клали последние мазки. Антуан с беспокойством глянул на часы и повернулся к своему сотруднику:

- Они к вечеру точно не закончат! В магазин зашла Софи.
- Я загляну попозже, чтобы поставить букет; цветы краску не любят.
- Судя по тому, как продвигается дело, можешь заглянуть завтра, – заметил Антуан. Софи подошла к нему:
- Он обалдеет от радости. И ничего страшного, если где-то останутся стремянка и пара банок шпаклевки.
- Нет, нужно все довести до конца, только тогда будет красиво.
- У тебя просто пунктик. Ладно, сейчас закрою магазин и приду помогать. В котором часу он придет?
- Представления не имею. Ты ж его знаешь, он уже четыре раза менял время выезда.

* * *

Устроившись на заднем сиденье такси, с чемоданом в ногах и свертком под мышкой, Матиас безуспешно пытался понять, о чем толкует шофер. Из вежливости он отвечал наугад то «да», то «нет», пытаясь определить правильность ответа по взгляду водителя в зеркальце. Пускаясь в путь, он записал адрес конечного пункта на обратной стороне железнодорожного билета и вот теперь вручил все сведения этому человеку, внушавшему полное доверие. Однако языковой барьер преодолевать становилось все труднее, а расположенный не с той стороны руль еще более усугублял картину.

Солнце пробивалось сквозь облака, и его лучи заставляли светиться Темзу, превращая ее волны в минную серебристую ленту. Переезжая через Вестминстерский мост, Матиас заметил на другом берегу очертания аббатства. На тротуаре молодая женщина, прислонившись к парапету, наговаривала свой текст, глядя в камеру.

– Более четырехсот тысяч наших соотечественников пересекли Ла-Манш, чтобы обосноваться в Англии.

Такси миновало журналистку и устремилось в самое сердце города.

Стоя за прилавком, пожилой английский господин складывал листки бумаги в старую кожаную папку, покрывшуюся за долгие годы верной службы мелкими трещинками. Он огляделся вокруг, глубоко вздохнул и вернулся к своему занятию. Незаметным движением включил механизм, открывающий кассовый аппарат, и прислушался к тонкому перезвону маленьких колокольчиков, звучащих, когда выщелкивалась коробочка с деньгами.

– Господи, как мне будет не хватать этого звука, – произнес он.

Его рука скользнула под старинный агрегат, высвобождая пружину, которая удерживала ящик-кассу. Он поставил ящик на табурет рядом с собой. Наклонился, чтобы достать из углубления маленькую книжку в алой выцветшей обложке. Имя автора было Г. Вудхуаз. Пожилой английский господин, известный как Джон Гловер, поднес книгу к лицу, вдохнул запах и крепко прижал ее к себе. Перелистал несколько страниц с осторожностью, граничащей с нежностью. Потом пристроил книгу на видное место на единственном стеллаже, не закрытом пластиком, и вернулся к себе за прилавок. Он закрыл кожаную папку и стал ждать, скрестив руки на груди.

– Все хорошо, господин Гловер? – спросил Антуан, поглядывая на часы.

– Требовать лучшего было бы нахальством, – отвечал старый книготорговец.

– Он скоро будет.

– Когда в моем возрасте откладывается неизбежная встреча – это доброе известие, – ровным голосом продолжил Гловер.

У бортика тротуара остановилось такси. Дверь книжного магазина распахнулась, и Матиас бросился в объятия друга. Антуан кашлянул и глазами указал на пожилого господина, который ожидал в глубине магазина, шагах в десяти от друзей.

– Ага, теперь я лучше понимаю, какой смысл ты вкладываешь в слово «маленький», – прошептал Матиас, оглядываясь вокруг.

Старый книготорговец выпрямился и протянул Матиасу руку.

– Господин Попино, полагаю? – проговорил он на почти безупречном французском.

– Зовите меня Матиас.

– Я очень рад видеть вас здесь, господин Попино. Возможно, поначалу вам будет немного сложно во всем разобраться, помещение кажется тесноватым, но душа этого магазинчика необъятна.

– Господин Гловер, меня зовут вовсе не Попино. Джон Гловер протянул Матиасу старую папку и раскрыл ее.

– В центральном отделении вы найдете все документы, подписанные нотариусом. Осторожней с молнией, после своего семидесятилетнего юбилея она стала до удивления капризной.

Матиас принял портфель и поблагодарил хозяина.

– Господин Попино, могу ли я попросить вас об одном одолжении, совсем незначительном, но мне оно доставило бы огромную радость?

– С большим удовольствием, господин Гловер, – замаявшись, ответил Матиас, – но, извините за настойчивость, мое имя не Попино.

– Как вам будет угодно, – приветливо отозвался книготорговец. – Не могли бы вы спросить меня, – вдруг, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, на моих полках найдется экземпляр книги «Этот неподражаемый Дживс».

Матиас повернулся к Антуану, пытаясь обнаружить в глазах друга хоть тень объяснения.

Антуан удовольствовался тем, что пожал плечами. Матиас кашлянул и с самым серьезным видом обратился к Джону Гловеру:

– Господин Гловер, скажите, не найдется ли у вас по какому-то невероятному стечению обстоятельств одной книги под названием «Этот неподражаемый Дживс»?

Книготорговец решительным шагом направился к стеллажу, который не был прикрыт пластиком, взял единственную книгу, которая лежала там, и гордо протянул ее Матиасу:

– Как вы можете заметить, цена, указанная на обложке, составляет полкроны. Увы, на сегодняшний день эта монета вышла из обращения, и, дабы мы могли провести нашу коммерческую операцию так, как это принято между джентльменами, я подсчитал, что сумма в пятьдесят центов на сегодняшний день идеально соответствует исходной, разумеется, если вы не имеете ничего против!

Растерявшийся Матиас принял предложение, Гловер передал ему книгу, Антуан выручил друга, одолжив ему пятьдесят центов, и книготорговец решил, что пора ознакомить нового управляющего с его местом работы.

Хотя книжный магазин занимал не больше шестидесяти двух квадратных метров – конечно, если включить сюда площадь, которую занимали книжные полки, и крошечную заднюю комнату, – осмотр длился добрых полчаса. На протяжении этого времени Антуан должен был подсказывать своему лучшему другу ответы на вопросы, которые время от времени задавал ему мистер Гловер, переходя иногда с французского на свой родной английский. Продемонстрировав, как прекрасно работает кассовый аппарат, а главное, как открыть ящик-кассу, когда пружина начинает шалить, старый книготорговец попросил Матиаса проводить его, что было традицией, и Матиас охотно исполнил эту просьбу.

Уже на пороге, и более не скрывая волнения – один раз можно себе такое позволить, – мистер Гловер обнял Матиаса и прижал его к груди.

– Я провел в этом месте всю жизнь, – произнес он.

– Я буду о нем заботиться, даю вам честное слово, – торжественно и искренне ответил Матиас.

Старый книготорговец приблизил губы к его уху:

– Мне только исполнилось двадцать пять, и я даже не мог отпраздновать эту дату, поскольку моего отца посетила прискорбная мысль умереть именно в день моего рождения. Должен вам признаться, его чувство юмора всегда было выше моего понимания. Назавтра я должен был взять на себя заботы о его книжном магазине, в то время он был английским. Книга, которую вы держите в руках, была первой, которую я продал. На наших стеллажах имелось два ее экземпляра. Этот я сохранил, поклявшись, что расстанусь с ним только в последний день моего пребывания здесь. Как я любил эту работу! Жить среди книг, проводить каждый день бок о бок с персонажами, обитающими на их страницах... Берегите их.

Господин Гловер бросил прощальный взгляд на книжку в красной обложке, которую Матиас держал в руках, и улыбнулся:

– Уверен, что Дживс приглядит за вами. Он откланялся и удалился.

– Что он тебе сказал? – поинтересовался Антуан.

– Ничего, – ответил Матиас, – можешь минутку присмотреть за магазином?

Не дожидаясь ответа, Матиас выбежал вслед за господином Гловером. Он догнал старого книготорговца в конце Бьют-стрит.

– Чем могу вам служить? – осведомился тот.

– Почему вы называли меня Попино? Гловер ласково взглянул на Матиаса.

– Вам следовало бы как можно скорее обзавестись привычкой никогда не выходить без зонтика в это время года. Погода у нас вовсе не такая суровая, как принято думать, но случается,

что дождик в этом городе идет без предупреждения.

Господин Гловер раскрыл свой зонтик и направился прочь.

– Мне хотелось бы поближе с вами познакомиться, месье Гловер. Я горжусь тем, что стал вашим преемником! – прокричал Матиас.

Человек с зонтом обернулся и ответил своему собеседнику улыбкой:

– Если возникнут какие-либо проблемы, найдите в глубине ящика-кассы номер телефона маленького домика в Кенте, куда я переезжаю.

Элегантный силуэт старого книготорговца исчез за углом. Пошел дождь, Матиас поднял глаза и посмотрел на затянутое тучами небо. Услышал за спиной шаги Антуана.

– Что ты от него хотел? – спросил тот.

– Ничего, – отмахнулся Матиас, забирая из его рук зонтик.

Матиас вернулся в свой магазин, Антуан – в свое бюро, и оба друга встретились в конце рабочего дня у школы.

* * *

Сидя у подножия огромного дерева, тень которого накрывала площадь, Антуан и Матиас дожидались звона колокольчика, означающего конец уроков.

– Валентина попросила меня забрать Эмили, ей пришлось вернуться в консульство, – сказал Антуан.

– Интересно, почему моя бывшая жена звонит моему лучшему другу, чтобы попросить забрать из школы мою дочь?

– Потому что никто не знал, в котором часу ты приедешь.

– Она часто опаздывает, когда нужно забирать Эмили?

– Вспомни, что в те времена, когда вы жили вместе, ты никогда не возвращался домой раньше восьми часов!

– Ты чей лучший друг – мой или ее?

– Когда ты начинаешь нести такое, я задаюсь вопросом, не тебя ли я должен забрать из школы.

Но Матиас больше не слушал Антуана. Из глубины школьного двора маленькая девочка улыбалась ему самой прекрасной в мире улыбкой. С бьющимся сердцем он вскочил на ноги, и на его лице расплылась такая же улыбка. Глядя на них, Антуан отметил про себя, что только сама жизнь могла изобрести столь прекрасное сходство.

– Это правда, что ты останешься? – спросила малышка, едва не задушенная поцелуями.

– Разве я когда-нибудь врал тебе?

– Нет, но у всего есть свое начало.

– Ты уверена, что не привираешь насчет своего возраста?

Антуан и Луи оставили их вдвоем. Эмили решила еще раз показать отцу свой квартал. Когда они появились рука об руку в ресторане Ивонны, Валентина ждала их, сидя за стойкой. Матиас подошел к ней и поцеловал в щеку, пока Эмили устраивалась за столиком, где она обычно делала домашние задания.

– Ты нервничаешь? – спросил Матиас, устраиваясь на соседнем табурете.

– Нет, – ответила Валентина.

– Неправда, я же вижу – у тебя напряженное лицо.

– У меня был нормальный вид, пока ты не спросил, но, если хочешь, я начну нервничать.

– Видишь, ты действительно напряжена.

– Эмили мечтала переночевать сегодня у тебя.

– У меня даже не было времени глянуть, на что похожа моя квартира. Мебели, прибудет только завтра.

– Ты что, не видел собственную квартиру до того, как переезжать?

– Времени не было, все получилось так быстро. Мне нужно было кучу дел уладить в Париже перед тем, как перебраться сюда. Почему ты улыбаешься?

– Просто так, – ответила Валентина.

– Я люблю, когда ты улыбаешься, как сейчас, просто так.

Валентина нахмурилась.

– Обожаю, когда у тебя так движутся губы.

– Хватит, – мягко остановила его Валентина. – Помочь тебе устроиться?

– Не надо, сам разберусь. Хочешь, пообедаем как-нибудь вместе? Ну, если у тебя есть время.

Валентина глубоко вздохнула и попросила у Ивонны «дьяболо» [\[5\]](#) с клубникой.

– Хорошо, пусть ты не нервничаешь, но ты явно чем-то огорчена. Это связано с моим переездом в Лондон? – гнул свое Матиас.

– Вовсе нет, – возразила Валентина, коснувшись рукой его щеки. – Наоборот.

Лицо Матиаса осветилось.

– Почему наоборот? – спросил он хриплым голосом.

– Я должна кое-что тебе сказать, – прошептала Валентина. – Но Эмили этого знать не следует.

Встревожившись, Матиас подвинул ближе свой табурет.

– Я скоро вернусь в Париж, Матиас. Консул недавно предложил мне возглавить отдел. Уже в третий раз мне предлагают ответственный пост на набережной Орсе [\[6\]](#). Я всегда отказывалась, потому что не хотела, чтобы Эмили меняла школу. Она уже привыкла к жизни здесь, и Луи ей стал почти братом. Она и так думает, будто я лишила ее отца, и я не хочу, чтобы она упрекала меня еще и в том, что потеряла друзей. Если бы ты сюда не переехал, я, возможно, опять бы отказалась, но теперь ты здесь, и все уладится.

– Ты дала согласие?

– Никто не может четыре раза подряд отказываться от повышения.

– Получилось бы всего три раза, если я правильно подсчитал! – возразил Матиас.

– Я думала, ты поймешь, – спокойно сказала Валентина.

– Я понял: я приехал, а ты уезжаешь.

– Ты же осуществишь свою мечту, будешь жить с дочерью, – проговорила Валентина, глядя на Эмили, которая что-то рисовала в тетрадке. – Мне ее будет не хватать до смерти.

– А что об этом подумает твоя дочь?

– Она любит тебя больше всех на свете, и потом, поочередная опека – это не обязательно неделя ты, неделя я.

– Ты хочешь сказать, что лучше, если будет три года ты, три года я?

– Мы просто поменяемся ролями, и теперь ты мне будешь присылать ее на каникулы.

Из кухни появилась Ивонна.

– Эй, парочка, у вас все в порядке? – спросила она, ставя перед Валентиной стакан «дьяболо» с клубникой.

– Все просто потрясающе, – в тон ей ответил Матиас.

Ивонна задумчиво оглядела каждого по очереди и вернулась на кухню к своей плите.

– Вы же будете счастливы вдвоем, разве нет? – заметила Валентина, потягивая через соломинку свой коктейль.

Матиас теребил в пальцах щепку, отколовшуюся от деревянной стойки.

– Если бы ты сказала мне об этом месяц назад, мы могли бы быть счастливы втроем... в Париже!

– Но ведь все будет хорошо? – спросила Валентина.

– Просто потрясающе! – проворчал Матиас, отдирая еще одну щепку. – Я уже влюбился в этот квартал. И когда ты собираешься сообщить об этом твоей дочери?

– Сегодня вечером.

– Потрясающе! А когда уезжаешь?

– В конце недели.

– Потрясающе!

Валентина приложила ладонь к губам Матиаса.

– Все будет нормально, вот увидишь.

Антуан зашел в ресторан и сразу заметил искаженное лицо друга.

– Все в порядке? – спросил он.

– Потрясающе!

– Я вас оставлю, – сказала Валентина, слезая со своего табурета, – у меня еще куча дел. Идем, Эмили?

Девочка поднялась, поцеловала отца, потом Антуана и пошла за матерью. Дверь ресторана закрылась за ними.

Антуан и Матиас сидели рядышком. Ивонна нарушила тишину, поставив на стойку бокал с коньяком.

– Ну-ка, выпей это, для поддержания духа... отлично.

Матиас поочередно посмотрел на Антуана и Ивонну.

– Как давно вы в курсе?

Ивонна извинилась и заторопилась на кухню – дел полно.

– Всего несколько дней, – признался Антуан, – и не надо на меня так смотреть, не я же должен был тебе это сообщать... да и все было не точно...

– А теперь точно! – заявил Матиас и одним махом допил коньяк.

– Хочешь, я покажу тебе твой новый дом?

– Полагаю, на данный момент там особо смотреть не на что, – заметил Матиас.

– Пока не пришла твоя мебель, я поставил в спальню раскладушку. Заходи к нам ужинать по-соседски, Луи будет счастлив.

– Пусть переночует у меня, – заявила Ивонна, прерывая их беседу, – я не видела его много месяцев, и нам есть о чем поболтать. Ступай, Антуан, тебя вон сын заждался.

Антуан замялся, не решаясь оставить друга, но Ивонна состроила ему страшные глаза, и он наконец решился, прошептав тому на ухо, что все будет...

– ...потрясающе! – заключил Матиас.

Проходя с сыном по Бьют-стрит, Антуан постучал пальцем в витрину Софи. Через несколько секунд она сшила и присоединилась к ним.

– Хочешь поужинать с нами дома? – спросил Антуан.

– Нет, я тебя обожаю, но мне еще надо закончить» дела в магазине.

– Давай помогу?

Луи пнул отца локтем, и это не ускользнуло от внимания молодой цветочницы. Она потрепала его за волосы.

– Бегите, уже поздно, и я знаю кое-кого, кому намного больше хочется посмотреть мультики, чем играть в цветочника.

Софи подошла поцеловать Антуана, и он тихонько сунул ей в руку письмо.

– Я вставил все, что ты просила, тебе осталось только переписать.

– Спасибо, Антуан.

– Ты когда-нибудь познакомишь нас с этим парнем, которому я пишу?

– Как-нибудь, обязательно!

Когда они дошли до конца улицы, Луи дернул отца за руку:

– Послушай, папа, если тебе скучно ужинать со мной вдвоем, ты можешь просто об этом сказать!

И поскольку сын прибавил шагу, чтобы отойти от него подальше, Антуан окликнул:

– Я приготовил нам ужин, который ты должен оценить: биточки по-домашнему и шоколадное суфле. И все это состряпал твой папа.

– Конечно, конечно... – ворчливо пробормотал Луи, залезая в их «остин».

– Знаешь, у тебя действительно паршивый характер, – заметил Антуан, пристегивая его ремнем безопасности.

– Весь в тебя!

– И в маму немного тоже, не воображай...

– Мама прислала мне мейл вчера вечером, – сообщил Луи, пока машина катилась по Олд Бромп-тон-роуд.

– У нее все хорошо?

– Судя по тому, что она пишет, это у людей, которые вокруг нее, все неважно. Она сейчас в Дарфуре. Это где именно, папа?

– По-прежнему в Африке.

* * *

Софи подобрала листья, которые смела со старинных каменных плиток пола. Поправила букет палевых роз в большой вазе на витрине магазина, навела порядок среди подвешенных над прилавком кашпо из плетеной рафии. Потом сняла белый халатик и повесила его на кованую вешалку. Из кармана высовывались три листка бумаги. Она достала письмо, написанное Антуаном, уселась на табуретку у кассы и принялась переписывать первые строчки.

* * *

Несколько клиентов заканчивали в зале свой ужин. Матиас ел в одиночестве у стойки. Ресторан закрывался, Ивонна приготовила себе кофе и уселась на табурет рядом с ним.

– Вкусно было? И если ты скажешь «потрясающе», то схлопочешь.

– Тебе знаком некий Попино?

– Никогда о нем не слышала, а что?

– Да просто так, – сказал Матиас, постукивая пальцами по стойке.

– А Гловера ты знала?

– Его в нашем квартале знали все. Скромный и элегантный мужчина, борец с конформизмом. Был совершенно влюблен в французскую литературу, не знаю уж, какая муха его укусила.

– Может, женщина?

– Сколько я его видела, он всегда был один, – довольно сухо ответила Ивонна, – и ты меня знаешь, я не задаю лишних вопросов.

– Тогда откуда ты берешь ответы на все вопросы?

– Слушаю больше, чем говорю.

Ивонна прикрыла своей рукой пальцы Матиаса и ласково их пожала.

– Ты обживешься здесь, не волнуйся.

– Ты слишком оптимистично настроена. Стоит мне сказать два слова по-английски, как моя дочь загибается от хохота!

– Уверяю тебя, в этом квартале никто не говорит по-английски!

– Значит, ты знала про Валентину? – спросил Матиас, допивая последние капли вина из своего бокала.

– Ты же приехал ради дочери! Ведь в твои расчеты не входило вновь сойтись с Валентиной, обосновавшись здесь?

– Когда любят, не рассчитывают, ты мне это сто раз говорила.

– Ты так и не оправился, а?

– Не знаю, Ивонна, мне ее часто не хватает, вот и все.

– Тогда почему ты ей изменил?

– Это было давно, я сделал глупость.

– Что верно, то верно, но за такие глупости расплачиваются всю жизнь. Воспользуйся этой лондонской историей, чтобы перевернуть страницу. Ты ведь довольно красивый парень; будь я лет на тридцать помоложе, уж я бы постаралась тебя подцепить. Если счастье улыбнется тебе, не отворачивайся.

– Не уверен, что это твое счастье знает мой новый адрес...

– Сколько встреч ты упустил за три последних года, потому что твоя любовь одной ногой стояла в сегодняшнем дне, а другой – во вчерашнем?

– Что ты можешь об этом знать?

– Я не просила тебя отвечать на мой вопрос, я только прошу тебя подумать об этом. А что до того, могу ли я об этом знать, то, как уже было сказано, я прожила на тридцать лет больше. Хочешь кофе?

– Нет, уже поздно, пойду спать.

– Дорогу найдешь? – спросила Ивонна.

– Тот же дом, что у Антуана, я там уже не раз бывал.

Матиас настоял на том, что заплатит по счету, собрал свои вещи, попрощался с Ивонной и вышел на улицу.

* * *

Ночь незаметно окутала витрину ее магазина. Софи сложила письмо, открыла шкафчик под кассой и поместила его в пробковую коробочку поверх пачки писем, написанных Антуаном. Потом бросила черновик только что переписанного письма в большой черный пластиковый пакет с опавшими листьями и срезанными стеблями. Выходя из магазина, она выставила его на тротуар, рядом с другим мусором.

* * *

По небу плыло несколько перистых облаков. Матиас с чемоданом в руке и свертком под мышкой спускался пешком по Олд Бромптон-роуд. Он на секунду остановился, засомневавшись, не прошел ли уже нужный поворот.

– Потрясающе! – пробормотал он, снова пускаясь в путь.

На перекрестке он увидел знакомую витрину агентства недвижимости и повернул на Клервил-роуд. По обеим сторонам переулка располагались разноцветные дома. На тротуаре ветер раскачивал ветки миндальных и вишневых деревьев. В Лондоне деревья растут беспорядочно, как им бог на душу положит, и пешеходам то и дело приходится выходить на мостовую, чтобы обогнуть величественную ветвь, преградившую дорогу.

Его шаги гулко звучали в тишине невозмутимой ночи. Он остановился перед домом номер 4.

В начале прошлого века он был разделен на две неравные части, но сохранил свое очарование. Фасад из красного кирпича украшала густая поросль глициний, которые добирались до самой крыши. Несколько ступенек вели к крыльцу с двумя входными дверями, по одной на каждого соседа. Четыре окна открывали доступ дневному свету, одно – в меньшую квартиру, где еще неделю назад обитал мистер Гловер, а три других – в большую, где жил Антуан.

* * *

Антуан посмотрел на часы и выключил свет на кухне. Старый деревенский стол из светлого дерева отделял ее от гостиной, где стояли два дивана, обтянутые суровым полотном, и низкий столик.

Чуть подальше, за стеклянной ширмой, Антуан устроил себе рабочий уголок, который делил с Луи, когда тому нужно было готовить уроки и куда Луи часто забирался тайком, чтобы поиграть на отцовском компьютере. Весь первый этаж с другой стороны выходил в сад.

Антуан поднялся по лестнице, зашел в комнату сына – тот давно уже спал. Он поправил сползшее одеяло, ласковым поцелуем коснулся лба, зарылся носом в ложбинку у шеи, чтобы ощутить запах детства, и вышел из комнаты, тихонько притворив за собой дверь.

* * *

Окна Антуана только-только погасли, когда Матиас поднялся на крыльцо, вставил ключ в замочную скважину своей двери и вошел к себе.

С его стороны первый этаж был совершенно пуст. Подвешенная к потолку на скрученном шнуре электрическая лампочка легонько покачивалась, испуская унылый свет. Он положил свой сверток на пол и поднялся по лестнице, чтобы осмотреть второй этаж. Двери двух комнат вели в ванную. Он бросил чемодан на раскладушку, которую поставил ему Антуан. На ящике, игравшем роль ночного столика, лежала записка от друга, который приветствовал его в новом жилище. Он подошел к окну; внизу узкой лентой газона на несколько метров расстилалась его часть сада. По оконному переплету потекли капли дождя. Матиас смял в кулаке записку Антуана и бросил на пол.

Ступеньки лестницы вновь закрипели под его ногами, он забрал сверток у входа, вышел и двинулся по улице в обратном направлении. За его спиной на окнах Антуана опустились шторы.

Вернувшись на Бьют-стрит, Матиас приоткрыл дверь в книжный магазин; внутри еще чувствовался запах краски. Он принялся снимать один за другим чехлы, которыми были закрыты стеллажи. Конечно, помещение было небольшим, но зато полки занимали все пространство до высоких потолков. Матиас заметил старинную стремянку, которая перемещалась по медным рельсам. Страдая с детства неизлечимыми сильными головокружениями, Матиас принял

решение, что все книги, до которых нельзя будет дотянуться рукой, то есть те, которые расположены выше третьей перекладины, будут предназначены не для продажи, а для украшения интерьера. Он вышел наружу и опустился на тротуаре на колени, чтобы распаковать свой сверток. Посмотрел на эмалевую табличку, появившуюся из-под бумаги, и потрогал пальцем надпись «Французские книги». Размер таблички идеально подходил к входной двери. Он вытащил из кармана четыре длинных шурупа, такие же старые, как и сама табличка, и раскрыл швейцарский складной нож. На его плечо легла рука.

– Погоди, – сказал Антуан, протягивая ему отвертку. – Эта побольше.

И пока Антуан держал табличку, Матиас изо всех сил налегал на рукоятку отвертки, заставляя шурупы вгрызаться в дерево.

– У моего деда была книжная лавка в Смирне. В тот день, когда город сгорел, он смог унести с собой только эту табличку. Когда я был маленьким, он иногда доставал ее из ящика буфета, клал на обеденный стол и рассказывал мне, как встретил бабушку, как влюбился в нее и как, несмотря на войну, никогда не переставал любить ее. Я так и не увидел бабушку, она не вернулась из лагерей.

Когда табличка заняла свое место, оба друга присели на парапет магазина. Под бледными лучами фонаря с Быот-стрит каждый слушал молчание другого.

Солнце заливало весь нижний этаж дома Антуан достал из холодильника молоко, налил в тарелку с мюсли и поставил перед Луи.

– Не наливай слишком много, пап, а то они совсем размокнут, – заныл Луи, отодвигая отцовскую руку.

– Это еще не причина, чтобы проливать молоко на стол! – возразил Антуан, хватаясь за губку, лежащую на бортике раковины.

В дверь забарабанили, Антуан прошел через гостиную. Едва дверь приотворилась, решительным шагом вошел Матиас в пижаме.

– У тебя кофе есть?

– Здравствуй!

– Здравствуй, – ответил Матиас, усаживаясь рядом с Луи.

Мальчик утонул носом в своей тарелке.

– Хорошо спал? – поинтересовался Антуан.

– Мой левый бок отлично выспался, а правому не хватило места.

Матиас взял хлеб из корзиночки и щедро намазал его маслом и джемом.

– Что привело тебя сюда в столь ранний час? – осведомился Антуан, ставя перед другом чашку с кофе.

– Ты заставил меня иммигрировать в Соединенное Королевство или в королевство Гулливера?

– Что случилось?

– Случилось, что в кухню проник луч солнца и вдвоем нам стало тесно, поэтому я пришел завтракать к тебе! Мед есть?

– У тебя перед носом!

– На самом деле, мне кажется, я понял, – продолжил Матиас, вгрызаясь в бутерброд. – Здесь километры превращаются в мили, Цельсий в Фаренгейта, а «маленькое» оборачивается «крошечным».

– Я два-три раза заходил на чай к соседу, и квартира показалась мне уютной!

– Так вот, она не уютная, а крошечная!

Луи вылез из-за стола и отправился в свою комнату за ранцем. Через несколько мгновений он спустился обратно.

– Я отвезу сына в школу, если ты не возражаешь. Ты не идешь в свой магазин?

– Я жду грузовик с вещами.

– Тебе помочь?

– Да нет, это займет пару секунд: всего-то выгрузить два стула и пуфик, и моя хибарка будет забита под завязку!

– Как хочешь! – сухо отозвался Антуан. – Захлопни дверь, когда будешь уходить.

Матиас догнал его, когда он уже вышел на крыльцо к Луи.

– У тебя есть где-нибудь чистые полотенца? Я приму душ здесь, в моем можно стоять только на одной ноге.

– Ты меня достал! – ответил Антуан, выходя из дома.

Луи забрался в «остин» на пассажирское место и сам пристегнул ремень безопасности.

– Он действительно достал меня, – проворчал Антуан, выезжая на улицу задним ходом.

Грузовик с надписью «Перевозки Делахью» разворачивался, пытаясь припарковаться рядом с его домом.

Десять минут спустя Матиас позвонил Антуану с призывом о помощи. Он хорошенько захлопнул дверь, как тот его и просил, но его собственные ключи остались лежать на обеденном столе. Ребята из службы перевозки ждали перед домом, а он стоял в пижаме посреди улицы. Антуан высадил Луи у школы и тут же повернул обратно.

Представителю компании «Перевозки Делахью» удалось убедить Матиаса дать его бригаде спокойно работать; размахивая руками и суетясь между грузчиками, он только их задерживал. Представитель пообещал, что, когда Матиас вечером вернется домой, все будет стоять на местах.

Антуан подождал, пока Матиас примет душ; когда он наконец был готов, они отбыли вместе в старом кабриолете с откидным верхом.

– Я подвезу тебя и сразу уеду; я и так уже здорово опоздал, – предупредил Антуан, съезжая с Клервил-гроув.

– Ты едешь к себе в бюро? – спросил Матиас.

– Нет, мне нужно заехать на стройку.

– Тогда нет смысла сворачивать к магазину, все равно там слишком воняет краской. Я поеду с тобой.

– Ладно, возьму тебя с собой, только води себя нормально.

– Зачем ты это говоришь? «Остин» устремился по Олд Бромптон.

– Тише ты! – заорал Матиас. Антуан сердито на него посмотрел.

– Не так быстро! – продолжал настаивать Матиас.

Антуан воспользовался тем, что остановился на красный свет, и наклонился, чтобы взять портфель, лежащий в ногах у Матиаса.

– Может, хватит за меня тормозить? – осведомился он, выпрямляясь.

– Зачем ты положил мне это на колени? – спросил Матиас.

– Открой и посмотри, что там лежит. Матиас с недоуменным видом вытащил какой-то документ.

– Разверни его!

Едва машина тронулась, архитектурный чертеж облепил лицо Матиаса, который тщетно пытался содрать его с себя на протяжении всего оставшегося пути. Наконец Антуан припарковался у края тротуара перед портиком из тесаного камня. Кованая чугунная решетка отгораживала тупик. Он забрал свой чертеж и вылез из «остина».

По обе стороны извилистой дорожки бывшие конюшни были переоборудованы в маленькие коттеджи. Раскрашенные фасады сплошь заросли вьющимися розами. Волнистые крыши были выложены деревянной черепицей или шифером. В глубине переулка возвышалось одно здание, более высокое, чем все остальные. Несколько ступенек вели к большой дубовой двери. Антуан поднялся к входу и поторопил друга, который тащился сзади.

– Надеюсь, крыс там нет? – подходя, спросил Матиас.

– Заходи!

Матиас увидел огромное пространство, освещенное льющим из больших окон светом, где трудились несколько рабочих. Расположенная в центре лестница вела на второй этаж. Высокий мужчина с непринужденным видом подошел к ним, держа в руке чертеж.

– Все ждут вас!

Шотландец по отцу, нормандец по матери, лет слегка за тридцать, Маккензи говорил по-французски с легким акцентом, не оставлявшим никаких сомнений в его смешанном происхождении. Указав на мезонин, он спросил Антуана:

– Ну, вы приняли решение?

– Еще нет, – ответил тот.

– Я никак не успею получить саноборудование вовремя. Мне нужно сделать заказ самое позднее сегодня вечером.

Матиас подошел к ним.

– Извините, – рассерженно бросил он. – Ты заставил меня проехать через весь Лондон, чтобы я помог тебе решить проблему с сортирами?

– Ты мне дашь одну секунду? – оборвал его Антуан и снова повернулся к своему инженеру:
– Ваши поставщики у меня уже в печенках, Маккензи!

– У меня они тоже в печенках, эти ваши поставщики, – заявил Матиас, зевая.

Антуан полоснул друга взглядом, Матиас расхохотался.

– Ладно, я возьму твою машину, а ты попросишь своего инженера подвезти тебя. Хорошо, Маккензи?

Антуан удержал Матиаса за рукав и притянул к себе:

– Мне нужно знать твое мнение – два или четыре?

– Сортира?

– Это бывший каретный сарай, который агентство купило в прошлом году. Я думаю, как лучше разделить его: на две квартиры или на четыре.

Матиас огляделся вокруг, задрал нос к мезонину, потом еще раз повернулся вокруг собственной оси и уперся руками в бока.

– Одну!

– Ладно, бери машину.

– Ты меня спросил, я ответил!

Антуан оставил его и подошел к каменщикам, которые копошились у старинного камина, пытаясь его разобрать. Матиас еще раз оглядел помещение, вскарабкался на второй этаж, ознакомился с чертежом, вывешенным на стене, вернулся к балюстраде мезонина, широко раскинул руки и воскликнул громовым голосом:

– Одна квартира, два сортира, и все счастливы! Изумленные рабочие задрали головы, а бедный Антуан в отчаянии схватился руками за свою собственную.

– Матиас, я работаю! – заорал он.

– И я тоже работаю!

Перескакивая через ступеньки, Антуан взбежал наверх к Матиасу:

– Что ты здесь устраиваешь?

– У меня идея! Внизу ты делаешь нам один большой зал, а здесь разделим этаж на две части... по вертикали, – добавил Матиас, проводя руками воображаемую разделительную полосу.

– По вертикали? – безнадежным голосом переспросил Антуан.

– Еще с тех пор, когда мы под стол пешком ходили, сколько раз мы мечтали жить под одной крышей; ты сейчас холост, вот тебе случай – лучше не придумаешь.

Матиас раскинул руки крестом, повторяя «раздел по вертикали».

– Мы давно уже вылезли из-под того стола! А если кто-то из нас придет домой с женщиной, как мы ее разделим? – смеясь, прошептал Антуан.

– Ну и что, если кто-то из нас вернется с женщиной, он вернется... куда-нибудь в другое место!

– Хочешь сказать, никаких женщин в доме?

– Вот! – заявил Матиас, чуть шире разводя руки. – Посмотри! – добавил он, размахивая чертежом. – Я, конечно, не архитектор, но даже я могу представить, какое райское местечко

можно из этого сотворить.

– Ладно, витай в своем раю, а у меня еще куча дел! – прервал его Антуан, выхватывая чертеж.

Спускаясь обратно, Антуан с расстроенным видом обернулся к Матиасу:

– Постарайся переварить свой развод раз и навсегда, а мне дай спокойно работать.

Матиас подбежал к балюстраде, чтобы окликнуть Антуана, который уже о чем-то заговорил с Маккензи.

– Вы с твоей женой когда-нибудь понимали друг друга так хорошо, как мы с тобой все последние пятнадцать лет? А разве наши дети не счастливы, когда мы все вместе уезжаем на каникулы? Ты же сам прекрасно знаешь, что все у нас получится! – убеждал Матиас.

Ошеломленные рабочие застыли, бросив свои дела, пока шел этот разговор. Один принялся подметать, другой углубился в техническую документацию, третий протирал инструменты.

Разъяренный Антуан оставил своего инженера и выскочил из здания в тупичок. Матиас скатился по лестнице, добродушно подмигнул Маккензи, чтобы его успокоить, и присоединился к другу, который уже сидел в машине.

– Не понимаю, с чего ты завелся? Мне кажется, это прекрасная мысль. Ну конечно, тебе-то что, это ведь не ты переехал в стенной шкаф.

– Залезай, или я оставлю тебя здесь, – вместо ответа заявил Антуан, распахивая дверцу.

Маккензи несся за ними, размахивая руками. Запыхавшись, он спросил, не могли бы они прихватить его с собой, а то у него тьма работы в бюро. Матиас вылез из машины, чтобы другой мог забраться внутрь. Несмотря на свой рост, Маккензи сумел как-то разместиться на подобии сиденья в задней части кабриолета, и «остин» устремился в лабиринт лондонских улиц.

С того момента, как они выехали из тупичка, Антуан не сказал ни слова. «Остин» припарковался на Бьют-стрит перед «Французскими книгами». Матиас наклонил переднее сиденье, чтобы выпустить Маккензи, но тот, задумавшись, не тронулся с места.

– Вообще-то, – пробормотал Маккензи, – если вы будете жить вместе, мою команду это устроит.

– До вечера, дорогой! – бросил развеселившийся Матиас, удаляясь.

Антуан тут же догнал его:

– Немедленно забудь все это. Мы и так уже соседи, куда дальше, верно?

– Каждый будет жить у себя, что ты так разволновался? – ответил Матиас.

– Да что на тебя нашло? – озабоченно поинтересовался Антуан.

– Проблема не в том, что ты холостяк, проблема – как жить одному.

– Но в этом и заключается принцип холостяцкой жизни. И потом, мы живем не одни, с нами наши дети.

– Одни!

– Ты так и будешь повторять?

– Я хочу жить в доме, где смеются дети, хочу возвращаться после работы туда, где кипит жизнь, и не хочу больше тоскливых воскресений, хочу уик-эндов со смеющимися детьми.

– Ты повторяешься!

– А что, тебе не нравится, когда они смеются два раза подряд?

– Тебе до такой степени одиноко? – спросил Антуан.

– Ладно, иди работай, а то Маккензи уже заснул в машине, – бросил Матиас, заходя в свой магазин.

Антуан прошел следом и преградил ему дорогу: – А какой мой интерес в том, чтобы мы жили под одной крышей?

Матиас наклонился подобрать почту, которую курьер подсунул под дверь.

– Не знаю, может, научишь меня наконец готовить.

– Именно это я имел в виду, ты никогда не изменишься! – заключил Антуан, уходя.

– Наймем няню, и чем мы рискуем, кроме пары веселых минут?

– Я против нянь! – проворчал Антуан, направляясь к машине. – Я уже лишился его матери, не хватало только, чтобы в один прекрасный день и сын ушел от меня, потому что я им не занимался.

Он уселся за руль и включил мотор. Рядом похрапывал Маккензи, уткнувшись носом в служебную записку. Стоя со скрещенными руками на пороге магазина, Матиас окликнул Антуана.

– Твое бюро как раз напротив!

Антуан растолкал Маккензи и открыл дверцу:

– А вы-то что здесь делаете? Я думал, у вас тьма работы!

Из своего магазинчика Софи наблюдала за разыгравшейся сценой. Покачав головой, она вернулась в подсобку.

Матиаса очень порадовали посетители, побывавшие в этот день в магазине. Хотя поначалу, едва зайдя, каждый клиент удивлялся отсутствию мистера Гловера, все они тепло приняли Матиаса. А число продаж за день его просто удивило. Ужиная пораньше у стойки Ивонны, Матиас размышлял о своем будущем, сулившем, как ему виделось, возможность возглавить небольшой, но приятный бизнес, который, в свою очередь, позволит ему в один прекрасный день отправить дочь учиться в Оксфорд, о чем он давно мечтал. Домой он вернулся пешком на склоне дня. Фредерик Делахью отдал ему ключи, и грузовик исчез за углом.

Он сдержал слово. Грузчики поставили диван и низенький столик на первом этаже, кровати и ночные тумбочки в двух крошечных комнатах наверху. Платяные шкафы тоже были расставлены, посуда нашла свое место в кухоньке, устроенной под лестницей. Для этого потребовался настоящий талант, помещение и впрямь было слишком маленьким, не больше пятидесяти квадратных метров, и каждый его квадратный сантиметр был теперь заполнен.

Прежде чем рухнуть на кровать, Матиас привел в порядок комнату дочери, почти совсем такую же, как та, где она проводила свои каникулы в Париже.

* * *

По другую сторону стены Антуан прикрыл за собой дверь комнаты Луи. История, которую он рассказывал сегодня вечером, взяла-таки верх над тысячью вопросов, которыми малыши непременно засыпал его, прежде чем отправиться в постель. И если отец радовался, что его мальчик заснул, то рассказчик, на цыпочках спускаясь по лестнице, мучился вопросом, на каком же месте сын перестал слушать, потому что именно с этого места потом предстояло начать повествование. Усевшись за обеденный стол, Антуан развернул чертеж бывшего каретного сарая и изменил несколько линий. Поздно ночью, прибрав на кухне, он отправил сообщение для Маккензи, назначив ему встречу завтра утром в десять часов.

* * *

Инженер прибыл вовремя. Антуан показал ему новый чертеж.

– Забудем на две секунды про ваши проблемы с поставщиками, скажите мне честно, что вы об этом думаете, – попросил Антуан.

Его сотрудник немедленно вынес свой вердикт. Если превратить помещение в одно большое пространство, то работы задержатся на три месяца. Потребуется заново получать все разрешения, пересмотреть сметы, а арендная плата, окупающая работы на такой площади, будет чудовищно высокой.

– Что вы называете чудовищно высокой? – спросил Антуан.

Маккензи назвал цифру, которая заставила его подскочить.

Антуан сорвал кальку, на которой набросал возможные изменения первоначального проекта, и выбросил в контейнер со строительным мусором.

– Отвезти вас в бюро? – предложил он инженеру.

– Мне и здесь надо кое-чем заняться, я подъеду в бюро к обеду. Итак, две или четыре квартиры?

– Четыре! – решил Антуан, покидая стройку. «Остин» выехал из тупичка. День был ясный, и Антуан решил проехать через Гайд-парк. На выезде из парка он в третий раз позволил светофору переключиться на красный, не пытаясь проскочить. Вереница машин за ним делалась все длиннее. Конный полицейский шагом двигался по аллее, которая шла вдоль дороги. Он остановился у кабриолета и оглядел Антуана, погруженного в свои мысли.

– Хороший денек, верно? – заметил полицейский.

– Великолепный! – откликнулся Антуан, бросив згляд на небо.

Полицейский ткнул пальцем в светофор, загоревшийся оранжевым светом, и поинтересовался у Антуана: «Эти цвета вам по чистой случайности ничего не напоминают?» Антуан глянул в зеркальце заднего вида и ужаснулся пробке, которую сам же создал. Он извинился, переключил скорость и рванул с места иод насмешливым взглядом всадника, которому пришлось спешиться, чтобы взяться за регулировку потока машин.

– И зачем только я уговорил его перебраться сюда? – ворчал Антуан, поднимаясь по Куинз-Гейт.

Он припарковался у магазинчика Софи. Молодая цветочница в своем белом халате походила на биолога. Она воспользовалась хорошей погодой, чтобы привести в порядок витрину. Огромные букеты лилий, пионов, белых и алых роз, расставленные в ведрах вдоль тротуара, состязались в красоте.

– Ты чем-то огорчен? – спросила она, едва его заведев.

– У тебя много народа сегодня утром?

– Я первая задала тебе вопрос!

– Нет, я абсолютно ничем не огорчен, – брюзгливо ответил Антуан.

Софи повернулась к нему спиной и зашла в магазин; Антуан последовал за ней.

– Знаешь, Антуан, – проговорила она, заходя за прилавок, – если тебе надоело писать эти письма, я придумаю что-нибудь еще.

– Да нет, это здесь ни при чем. Меня беспокоит Матиас, он устал жить один.

– Но он не будет больше один, ведь с ним будет Эмили.

– Он хочет, чтобы мы жили вместе.

– Ты шутишь?

– Он говорит, что это будет здорово для детей. Софи отвернулась, чтобы Антуан не видел ее лица, и скрылась в задней комнате. У нее был самый замечательный смех в мире и самый заразительный.

– Ну конечно, что может быть нормальней для ваших детей, чем иметь двух пап, – заметила она, утирая слезы.

– Тебе ли это говорить, ведь всего месяца три назад ты говорила мне, что готова родить от первого встречного.

У Софи в долю секунды переменилось лицо.

– Спасибо, что напомнил, как меня одолело одиночество.

Антуан подошел к ней и взял за руку:

– Чтобы в городе, где семь с половиной миллионов жителей, такие люди, как ты и Матиас, оставались холостыми или незамужними, – вот это действительно ненормально.

– Матиас только-только приехал сюда... А ты сам случайно не холостяк?

– Плевать на меня, – пробормотал Антуан. – Я просто не понимал, до какой степени ему одиноко.

– Мы все одиноки, Антуан, – будь то здесь, в Париже, или еще где-то. Пытайся сколько угодно убежать от одиночества, переезжай, встречайся с людьми... это ничего не меняет. В конце дня каждый возвращается к себе. Те, у кого есть пара, не осознают, как им повезло. Они

забыли о вечерах наедине с тарелкой, тоску наступающих уик-энд, воскресные дни в ожидании, чтобы хоть кто-нибудь позвонил. Нас таких миллионы во всех столицах мира. Единственное утешение – что ты не один такой. Антуан погладил волосы своей лучшей подруги. Она махнула рукой:

– Говорю тебе, иди работай, у меня еще дел полно.

– Придешь вечером?

– Не хочется, – ответила Софи.

– Я устраиваю этот ужин для Матиаса, Валентина уезжает в конце недели, ты должна прийти, я не хочу сидеть за столом один нос к носу с этой парочкой. И потом, я приготовлю твоё любимое блюдо.

Софи улыбнулась Антуану:

– Рожки с ветчиной?

– В половине девятого!

– Дети ужинают с нами?

– Рассчитываю на тебя, – бросил Антуан вместо ответа уходя.

* * *

Сидя за кассой в своем книжном магазине, Матиас просматривал дневную почту. Несколько счетов, рекламные проспекты и письмо из школы с информацией о дате следующего родительского собрания. Один пакет был адресован мистеру Гловеру; Матиас нашарил клочок бумаги в глубине кассового ящика и переписал на конверт адрес его владельца в Кенте. Пообещал себе, что сам отправит письмо в обеденный перерыв.

Он позвонил Ивонне, чтобы зарезервировать себе место. «Не дергай меня попусту, – ответила она. – Третий табурет слева у стойки теперь твой».

Звякнул колокольчик у входа. В магазин зашла прелестная юная женщина. Матиас отложил почту.

– У вас есть французские газеты? – спросила она.

Матиас указал на прилавок рядом с входом. Женщина взяла по экземпляру каждой и направилась к кассе.

– Скучаете по стране? – осведомился Матиас.

– Нет, пока еще рановато, – засмеялась та. Она поискала мелочь в кармане и заметила, что магазин просто очарователен. Матиас поблагодарил и взял у нее из рук газеты. Одри огляделась вокруг. Одна из книг на верхней полке привлекла ее внимание. Она потянулась к ней, встав на цыпочки.

– Это у вас там наверху Лагард и Мишар, антология литературы XVIII века?

Матиас подошел к книжному шкафу и кивнул.

– Могу я ее купить?

– У меня есть экземпляр в гораздо лучшем состоянии, прямо перед вами, – заверил Матиас, беря книгу со стеллажа.

Одри рассмотрела том, который протягивал ей Матиас, и тут же вернула.

– Это антология XX века!

– Верно, зато она почти новая! Разница в три века, естественно, это чувствуется. Посмотрите сами, ни одного сгиба, ни одного пятнышка.

Она от всего сердца рассмеялась и указала на том на самой верхней полке:

– Но мне нужна та книга.

– Я могу прислать вам ее, она очень тяжелая, – ответил Матиас.

Одри озадаченно посмотрела на него:

– Я иду во французский лицей, на том углу, так что лучше захвачу ее с собой.

– Как вам угодно, – сдался Матиас.

Он взялся за старинную деревянную стремянку, подкатил ее по медным рельсам так, чтобы она стала ровно под прямым углом к полке, на которой покоился труд Лагарда и Мишара.

Глубоко вздохнув, он поставил ногу на первую ступеньку, зажмурил глаза и начал подъем, изо всех сил стараясь не спутать порядок движений. Добравшись до нужной высоты, он пошарил рукой. Ничего не обнаружив, приоткрыл глаза, заметил необходимую обложку, ухватил книгу и повернулся, не в силах спуститься. Сердце вырывалось из груди. Совершенно парализованный, он изо всех сил вцепился в стремянку.

– Все в порядке?

Голос Одри прозвучал в его ушах как сквозь вату.

– Нет, – пробормотал он.

– Вам помочь?

Его «да» было таким слабеньким, что его едва можно было расслышать. Одри вскарабкалась к нему. Она аккуратно забрала из его рук книгу и бросила ее вниз. Потом положила поверх его рук свои и, подбадривая, потянула вниз. Ценой огромного терпения ей удалось заставить его спуститься на три ступеньки. Прикрывая его своим телом, она сумела убедить Матиаса, что пол уже близок. Он прошептал, что ему нужно еще немного времени. В тот момент, когда в магазин зашел Антуан, сплетенных Матиаса и Одри отделяла от пола всего одна ступенька.

Она разжала руки. Матиас, пытаясь сохранить остатки достоинства, подобрал книгу, положил ее в бумажный пакет и протянул Одри. От платы он отказался – не надо лишать его удовольствия сделать этот маленький подарок. Она поблагодарила и покинула магазин под любопытным взглядом Антуана.

– Я могу поинтересоваться, чем именно ты здесь занимался?

– Своей работой!

Антуан глядел на него в недоумении.

– Чем могу тебе помочь? – спросил Матиас.

– Мы договаривались вместе пообедать. Матиас заметил газеты, лежащие рядом с кассой.

Он схватил их, попросил Антуана секунду подождать и кинулся на улицу. Мчась на всех парах, он пронесся по Бьют-стрит, свернул на Харрингтон-роуд и, наконец, нагнал Одри на площади у школьного комплекса.

– Не стоило так беспокоиться, – сказала девушка, поблагодарив.

– Я, наверно, очень смешон, да?

– Вовсе нет; но головокружение ведь лечится, – заметила она, проходя через решетчатую ограду лицея.

Матиас смотрел, как она пересекает школьный двор; направляясь обратно в магазин, он обернулся и заметил, как она подходит к галерее. Несколько секунд спустя Одри в свою очередь обернулась, чтобы увидеть, как он исчезает за углом.

– У тебя продвинутое чувство коммерческой выгоды, – заметил Антуан, встречая его в магазине.

– Она попросила Лагарда и Мишара, направлялась в лицей, значит, она учительница, а потому нечего меня упрекать в том, что я всячески содействую образованию наших детей.

– Учительница или нет, но она даже за газеты не заплатила!

– Обедать идем? – спросил Матиас, закрывая за Антуаном дверь.

Софи зашла в ресторан и присоединилась к Ан-туану с Матиасом. Не дожидаясь заказа, Ивонна принесла им блюдо с сырной запеканкой.

– У тебя битком народу, – заметил Матиас, – дела идут неплохо!

Антуан толкнул его ногой под столом. Ивонна отошла, ничего не сказав.

– Что такое, я опять сказал что-то не к месту?

– Она еле выкручивается. Вечером здесь почти никого нет, – пояснила Софи, накладывая ему в тарелку кушанье.

– Обстановка немного устарела, не мешало бы подновить.

– Ты стал экспертом по дизайну? – спросил Антуан.

– Я хотел помочь. Согласись, это ж не вчера делалось, судя по всему!

– А судя по мне, когда я делался? – возразил Антуан, пожимая плечами.

– Вы двое просто пара несносных забияк!

– Но ты бы мог заняться отделкой, это ж твоя работа, ведь так? – не отставал Матиас.

– Ивонне это не по средствам, а кредиты она ненавидит, издержки старой школы, – сказала Софи. – И она по-своему права, вот если б я могла избавиться от тех кредитов, что взяла!

– Значит, так и будем сидеть и ничего не делать? – продолжал настаивать Матиас.

– А ты не мог бы пять минут поесть молча? – предложил Антуан.

Вернувшись в бюро, Антуан впрягся в работу, чтобы наверстать все накопившееся за последнюю неделю. Приезд Матиаса внес некоторую сумятицу в размеренное течение его жизни. Ближе к вечеру, когда за высокими окнами уже скрылось солнце, Антуан глянул на часы. Пора было ехать за сыном в школу, сделать кое-какие покупки и потом приготовить ужин.

Луи накрыл на стол и устроился в рабочем уголке, чтобы сделать домашние задания, пока Антуан суется на кухне, одним ухом рассеянно прислушиваясь к репортажу, который шел по стоящему в гостиной телевизору, настроенному на программу «ТВ-5 Европа». Если б Антуан поднял глаза, он, возможно, узнал бы молодую женщину, встреченную им несколько часов назад в книжном магазинчике Матиаса.

Валентина пришла первой вместе с дочерью, Софи позвонила в дверь несколькими минутами позже, а Матиас, как и положено доброму соседу, прибыл последним. Все расселись за столом, кроме Антуана, который не мог отойти от своих кастрюль. Облаченный в фартук, он достал из духовки горячее блюдо, поставил его на разделочный столик. Софи поднялась, чтобы помочь ему; Антуан протянул ей пару тарелок:

– Отбивные с зеленой фасолью для Эмили, тарелка с пюре для Луи! Твои рожки будут готовы через две минуты, а картофельная запеканка с мясом для Валентины вот-вот.

– А для номера семь что будет? – со смехом поинтересовалась Софи.

– То же, что для Луи, – сосредоточенно ответил Антуан.

– Ты собираешься ужинать с нами? – уточнила Софи, усаживаясь обратно за стол.

– Да, да, – пообещал Антуан.

Софи несколько секунд смотрела на него, пока Антуан не призвал ее к порядку: пюре Луи сейчас остынет. Ему пришлось отвлечься от стряпни, чтобы принести тарелки Матиасу и Валентине. Он поставил блюда перед каждым и задержался, дожидаясь их реакции. Валентину

содержимое ее тарелки привело в восторг.

– В своем Париже ты такого не попробуешь, – за-метил он, отправляясь обратно к своим конфоркам.

Почти сразу он вернулся с рожками для Софи и опять подождал, пока она попробует, прежде чем вернуться на кухню.

– Антуан, сядь наконец, – попросила она.

– Уже иду, – отмахнулся он, держа губку в руке. Подготовка Антуана вызвала бурное одобрение всего стола, но его собственная тарелка оставалась пустой. Подавая и убирая по мере надобности, он едва принимал участие в общей оживленной беседе. Когда дети начали позевывать, Софи ня минутку отлучилась, поднявшись на второй этаж, чтобы уложить их. Луи заснул на руках у своей крестной еще до того, как она успела укутать его одеялом. Она вышла на цыпочках и тут же вернулась обратно, не удержавшись от желания еще раз расцеловать его. Во сне мальчик приоткрыл глаза и пробормотал слово, напоминавшее «дар-фур»– Софи ответила: «Спи крепко, дорогой» и вышла, оставив дверь приотворенной.

Вернувшись в гостиную, она украдкой глянула на Антуана, который протирает посуду, не вмешиваясь в разговор Матиаса и Валентины.

Софи засомневалась, садиться ли ей обратно, но тут Антуан подошел к столу с большой миской шоколадного мусса.

– Ты когда-нибудь поделишься со мной рецептом? – спросила Валентина.

– Когда-нибудь! – обнадежил Антуан и снова исчез.

Вечер заканчивался. Антуан предложил оставить Эмили на ночь. Завтра он отвезет детей в школу. Валентина охотно согласилась, зачем же будить девочку. Было уже за полночь, шансов, что Ивонна осчастливит их неожиданным появлением, не осталось, и все разошлись.

Антуан открыл холодильник, положил на тарелку кусочек сыра и хлеба к нему и устроился за столом, чтобы наконец поужинать. На крыльце раздались шаги.

– Кажется, я забыла у тебя мобильник, – сказала, заходя, Софи.

– Я положил его на стойку в кухне, – ответил Антуан.

Софи нашла свой телефон, убрала его в сумку. Внимательно посмотрела на губку, лежащую на краю раковины, на секунду замялась, потом взяла ее в руку.

– Что с тобой? – забеспокоился Антуан. – Ты какая-то странная.

– Знаешь, сколько времени ты провел сегодня вечером вот с этой штукой в руке? – поинтересовалась Софи ровным голосом, помахивая губкой.

Антуан нахмурился.

– Ты беспокоишься о том, что Матиас одинок – продолжила она, – а о собственном одиночестве ты никогда не думал?

Она бросила ему губку, которая приземлилась точно посередине стола, и вышла из дома.

* * *

Софи ушла уже больше часа назад. Антуан по-прежнему бродил по гостиной. Подошел к стене, за которой проживал Матиас. Поскребся пальцем в перегородку, но с другой стороны в ответ не донеслось ни звука: его лучший друг, наверно, давно спал.

* * *

В один прекрасный день Эмили напишет в своем дневнике, что влияние Софи на ее отца сыграло решающую роль. Луи добавит на полях, что полностью с ней согласен.

Валентина обернула простыню вокруг талии и уселась верхом на Матиаса.

– У тебя сигареты есть?

– Я больше не курю.

– А я вот курю, – сказала она, роясь в своей сумке, брошенной у постели.

Она подошла к окну, и пламя зажигалки высветило ее лицо. Матиас не сводил с нее глаз. Он любил движения ее губ, когда она курила, завитки летящего дыма.

– На что ты смотришь? – спросила она, прижавшись лицом к стеклу.

– На тебя.

– Я изменилась?

– Нет.

– Это ужасно, ведь я буду так скучать по Эмили.

Он поднялся и подошел к ней. Валентина приложила руку к щеке Матиаса, поглаживая пробившуюся щетину.

– Оставайся! – прошептал он.

Она глубоко затянулась сигаретой, и раскаленный табак затрещал.

– Ты все злишься на меня?

– Перестань!

– Забудь, что я сейчас сказал.

– «Забудь, что я сказал», «сотри из памяти то, что я сделал» – ты уверен, что жизнь карандашный набросок?

– Если карандаши цветные, то получится не так уж плохо, а?

– Взрослей, старина!

– Если б я повзрослел, ты бы никогда в меня не злюбилась.

– Если б ты повзрослел после этого, мы до сих пор были бы вместе.

– Останься, Валентина, дай мне второй шанс.

– Это наказание для нас обоих; я еще могу иногда быть твоей любовницей, но женой больше нет.

Матиас взял пачку сигарет, замялся и бросил ее обратно.

– Не зажигай свет, – тихонько попросила Валентина.

Она распахнула окно и вдохнула прохладный ночной воздух.

– У меня завтра поезд, – проговорила она.

– Ты же сказала – в воскресенье, тебя кто-то там ждет, да?

– А что это меняет? .

– Я знаю его?

– Перестань причинять нам боль, Матиас.

– На этот раз скорей ты мне ее причиняешь.

– Значит, наконец ты сможешь понять, что я тогда почувствовала; и учти, в то время мы еще не расстались.

– А чем он занимается?

– Какое тебе до этого дело?

– А когда ты с ним спишь, тебе тоже хорошо; Валентина не ответила, выбросила на улицу окурки и закрыла окно.

– Извини, – пробормотал Матиас.

– Мне пора одеваться и уходить.

В дверь застучали, и оба они подскочили.

– Кто это? – спросила Валентина.

Матиас посмотрел на будильник, стоящий на ночном столике.

– Представления не имею, останься здесь, я спущусь посмотрю и принесу твои вещи.

Он повязал полотенце на бедра и вышел из комнаты. Стук во входную дверь усилился.

– Иду! – заорал он, спускаясь по лестнице.

* * *

Антуан, скрестив руки на груди, с решительным видом уставился на друга.

– Послушай меня хорошенько, в одном я ни за что не уступлю: никаких нянь и бебиситтеров в доме! Мы сами будем заниматься нашими детьми.

– О чем ты говоришь?

– Ты по-прежнему хочешь, чтоб мы жили под одной крышей?

– Да, но, может, выберем другое время?

– Что значит – «другое время»? Ты хочешь сказать, что мы будем жить по раздельному времени?

– Я хочу сказать, что мы могли бы поговорить об этом позже!

– Ну уж нет, поговорим прямо сейчас! Мы должны установить твердые правила и всегда их придерживаться.

– Мы поговорим об этом прямо сейчас, но завтра!

– Не начинай!

– Ладно, Антуан, я согласен на все твои правила.

– То есть как это ты согласен на все мои правила? Значит, если я скажу, что ты будешь каждый вечер выгуливать собаку, ты тоже будешь согласен?

– Ну нет, не каждый вечер!

– Вот видишь, ты не на все согласен!

– Антуан... у нас нет собаки!

– Перестань меня путать!

Валентина, завернувшись в простыню, перегнулась через перила лестницы.

– Все в порядке? – с беспокойством спросила она.

Антуан поднял глаза и кивнул ей, успокаивая. Валентина вернулась в комнату.

– Да, ты действительно очень одинок, как я заметил, – пробормотал Антуан, удаляясь.

Матиас закрыл за ним входную дверь. Не успел он и шага сделать в сторону гостиной, как Антуан забарабанил вновь. Матиас открыл.

– Она останется?

– Нет, она уезжает завтра.

– Главное, теперь, когда тебе перепала маленькая порция, не приходи ко мне плакаться еще полгода, как ты по ней скучаешь.

Антуан спустился по ступенькам крыльца, чтобы снова подняться к своей двери, и огонь на козырьке погас.

Матиас собрал вещи Валентины и пошел к ней в комнату.

– Что ему было нужно? – спросила она.

– Ничего, потом объясню.

Утром лондонская весна снова сговорила с дождиком. Матиас уже сидел за стойкой бара Ивонны. Валентина только что зашла, встряхивая мокрыми волосами.

– Я пообедаю с Эмили, мой поезд только вечером.

– Ты мне вчера уже это говорила.

– Ты справишься?

– В понедельник у нее английский, во вторник дзюдо, в среду я веду ее в кино, в четверг гитара, а в пятницу...

Валентина его больше не слушала. Сквозь стекло она заметила на противоположном тротуаре Антуана, который заходил в свое бюро.

– Что ему понадобилось в середине ночи?

– Ты будешь кофе?

Матиас рассказал ей о плане совместного проживания, подробно остановившись на всех преимуществах своего предложения. Луи и Эмили прекрасно ладили, как брат и сестра, жизнь под одной крышей гораздо легче организовать, особенно для него. Подавленная Ивонна предпочла оставить их наедине. Валентина несколько раз расхохоталась и слезла с табурета.

– Ты ничего не скажешь?

– А что ты хочешь, чтобы я сказала? Если вы так уверены, что будете счастливы!

Валентина отправилась к Ивонне на кухню и обняла ее:

– Я буду приезжать повидаться.

– Так всегда говорят, когда уезжают, – вздохнула Ивонна.

Вернувшись в зал, Валентина поцеловала Матиаса и вышла из ресторана.

Антуан подождал, пока Валентина повернет за угол. Он покинул свой наблюдательный пост у окна бюро, сбежал по лестнице, перебежал через улицу и зашел к Ивонне. Чашечка кофе уже ждала его на стойке.

– Как все прошло? – поинтересовался он у Матиаса.

– Отлично.

– Этой ночью я послал мейл матери Луи.

– Ты уже получил ответ?

– Сегодня утром, когда пришел в бюро.

– И что?

– Карина спросила, должен ли будет Луи в начале следующего учебного года поставить свое имя в графе «совместное проживание», заполняя классный журнал.

Ивонна забрала со стойки две пустые чашки.

– А с детьми вы уже говорили?

С экономической точки зрения перестройка *news*^[7] была невозможна, но Антуан, демонстрируя эскизы проекта, объяснил идею, которая пришла ему в голову ночью.

Перегородка, которая разделяла их дом, не несла никакой нагрузки. Достаточно снести ее, чтобы дом обрел первоначальный вид, а внизу можно создать одно большое общее пространство. Конечно, необходимы кое-какие переделки пола и потолка, но все работы займут не больше недели.

Две лестницы будут вести на второй этаж, что создаст у каждого ощущение, что он может подняться «к себе». Маккензи подъедет, чтобы на месте утвердить проект. Антуан отправился обратно в бюро, а Матиас в свой книжный магазин.

* * *

Валентина забрала Эмили из школы. Она решила, что отведет дочь обедать в «Медитерранео», где была одна из лучших итальянских кухонь города. Автобус с империалом довез их до Кенсингтон-Парк-роуд.

Солнце заливало улицы Ноттинг-Хилла. Они устроились на террасе. Валентина заказала две пиццы. Они пообещали друг другу звонить каждый вечер, чтобы обмениваться всеми новостями, и посылать «тонны» мейлов.

Валентину ждала новая работа, поэтому она не могла взять отпуск на пасху, зато летом они отправятся в большое путешествие – только девочки. Эмили успокоила маму: все будет хорошо, она приглядит за папой, будет проверять перед сном, заперта ли входная дверь и все ли выключено в доме. Она обещает всегда пристегиваться в машине, даже в такси, надевать шапочку по утрам, если будет холодно, не болтаться подолгу в книжном магазине, не забрасывать занятия гитарой хотя бы до следующих каникул, вот... Но когда Валентина отвезла дочь обратно в школу, то сдержала собственное обещание. Она не плакала, по крайней мере до того момента, пока Эмили не исчезла за дверями класса. В тот же вечер «Евростар» ^[8] доставил ее в Париж. С Северного вокзала такси отвезло ее в небольшую служебную квартиру в Девятом районе, где ей предстояло жить.

* * *

Маккензи просверлил две дырки в разделительной стене и был счастлив подтвердить Антуану и Матиасу, что она не была несущей.

– Мне действует на нервы, когда он так делает! – проворчал Антуан, отправляясь на кухню за стаканом воды.

– А что такого он сделал? – недоуменно спросил Матиас, идя следом за другом.

– Да этот его вечный номер со сверлом, чтобы проверить, правильно ли я сказал! Я еще могу отличить несущую стену от ненесущей, черт побери, я такой же архитектор, как и он, в конце-то концов!

– Ну конечно, – сдавленным голосом заверил Матиас.

– Не слышу особой уверенности в твоём голосе...

– Я не особо уверен в зрелости твоих мозгов. Зачем ты это говоришь мне? Скажи ему!

Антуан решительным шагом направился к своему коллеге. Маккензи как раз убирал очки в верхний карман куртки и не предоставил Антуану возможности заговорить первым.

– Полагаю, мы закончим месяца через три, и дом приобретет свой первоначальный вид. Мы даже можем сделать слепки карнизов... чтобы все увязать.

– Три месяца? Вы собираетесь сносить эту перегородку кофейными ложечками? – взвился

Матиас, интерес которого к разговору возрос вдвое.

Маккензи пояснил, что в этом квартале строительные работы требуют специальных разрешений. На все процедуры уйдет около восьми недель, по истечении которых агентство может запросить у службы парковки разрешение на стоянку грузовика с контейнером для строительного мусора. А что до сноса перегородки, на это уйдет не больше двух-трех дней.

– А если обойтись без разрешений? – изложил свою идею Матиас на ухо Маккензи.

Тот даже не дал себе труда ответить. Он забрал свою куртку и пообещал Антуану прямо с этого уик-энда начать подготовку бумаг для получения разрешений.

Антуан посмотрел на часы. Софи согласилась закрыть свой магазинчик, чтобы забрать детей из школы, но пора было сменить ее на посту. Два друга прибыли в цветочную лавку с получасовым опозданием. Сидя в костюмчике прямо на полу, Эмили помогала Софи ощипывать листочки с роз, а Луи за прилавком раскладывал по размерам плетенные из рафии веревочки. В качестве извинений оба отца пригласили всех поужинать. Софи приняла приглашение только при условии, что они отправятся к Ивонне. Таким образом Антуану, возможно, удастся поужинать вместе с ними. Он воздержался от комментариев.

В разгар трапезы Ивонна присоединилась к ним за столом.

– Завтра у меня будет закрыто, – предупредила она, наливая всем по стаканчику вина.

– В субботу? – удивился Антуан.

– Мне нужно передохнуть...

Матиас грыз ногти, Антуан шлепнул его по руке.

– Прекрати, слышишь!

– О чем ты говоришь? – с невинным видом спросил Матиас.

– Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю!

– Подумать только, и вы еще собираетесь жить вместе! – заметила Ивонна с легкой улыбкой на губах.

– Мы всего лишь снесем перегородку, нашли из-за чего раздувать целую историю.

* * *

Утром в субботу Антуан отвел детей в Челси Фармере Маркет. Прогуливаясь по отделу растений, Эмили выбрала два розовых куста, чтобы посадить их с помощью Софи в саду. Собиралась гроза, и было принято решение отправиться в Тауэр. Пока они ходили по музею ужасов, Луи служил им гидом; он счел своей обязанностью успокаивать отца перед входом в каждый следующий зал. Правда, не надо нервничать, ведь все эти фигуры из воска.

Матиас воспользовался свободным утром, чтобы подготовить заказы. Он просмотрел список книг, проданных за эту первую неделю, и остался доволен результатом. Пока он отмечал на полях своего реестра те названия, которые требовалось дозаказать, кончик карандаша остановился на строчке, где значился один экземпляр Лагарда и Мишара, XVIII век. Его глаза оторвались от тетради и остановились на старинной деревянной стремянке, закрепленной на медном рельсе.

* * *

Софи едва не вскрикнула. Порез прошел по всему пальцу. Секатор соскользнул со стебля. Она убежала в подсобку. Боль, которую вызвал чистый спирт, попав на рану, была нестерпимой.

Она глубоко вдохнула, снова смочила порез и переждала несколько секунд, приходя в себя. Дверь магазина отворилась, она быстро достала из аптечного шкафчика коробочку с бинтами, закрыла стеклянную дверцу и вернулась в магазин, чтобы заняться клиентом.

* * *

Ивонна закрыла дверцу туалетного шкафчика над раковиной. Она нанесла на щеки немного румян, привела в порядок волосы и решила, что без шарфика не обойтись. Пройдя через комнаты, взяла свою сумочку, положила туда солнечные очки и спустилась по маленькой лестнице, которая вела в ресторан.

Жалюзи были опущены; она приоткрыла дверь, ведущую во двор, удостоверилась, что путь свободен, и пошла вдоль витрин на Бьют-стрит, постаравшись побыстрее проскочить мимо витрины Софи. Добравшись до остановки автобуса, который ходил по Олд Бромтон-роуд, купила у кондуктора билет и устроилась на втором этаже. Если нет пробок, она успеет вовремя.

Автобус с империалом высадил ее перед оградой кладбища Олд Бромптон. Это место было окутано каким-то волшебством. В выходные дни дети катались здесь на велосипедах по зеленым аллеям наперегонки с бегунами. На старинных могильных камнях, чей возраст насчитывал несколько веков, белки без страха дожидались гуляющих. Сидя на задних лапках, они ловили орешки, которыми их угощали, и грызли их к великому удовольствию влюбленных, расположившихся под деревьями. Ивонна дошла по центральной аллее до ворот, выходящих на Филрэм-роуд. Это была ее любимая дорога к стадиону. Стенфордский стадион уже заполнялся народом. Как и каждую субботу, на несколько часов мирное существование кладбища будет нарушено криками с трибун. Ивонна извлекла из сумочки свой билет и солнечные очки.

* * *

На Портобелло-роуд молодая журналистка пила чай, устроившись на террасе ресторанчика «ЭлектрИк» в компании своего оператора. Утром того же дня в доме на Брик-Лэйн, арендованном телекомпанией, на которую работала, она просмотрела все материалы, отснятые за неделю при ее участии. Прделанная работа показалась ей вполне приличной. Такими темпами Одри скоро закончит свой репортаж и сможет вернуться в Париж, чтобы приступить к монтажу. Она расплатилась по счету, принесенному официанткой, и покинула своего напарника, решив посвятить остаток дня походу по магазинам, которых в этом квартале было немало. Встав, она посторонилась, пропуская мужчину с двумя детьми, голодными и усталыми после насыщенного дня.

* * *

Болельщики «Манчестер Юнайтед» ^[9] в едином порыве вскочили с трибун. Мяч угодил в штангу ворот «Челси» и отлетел в поле. Ивонна села обратно, досадливо хлопнув в ладоши.

– Это же надо, упустить такой случай! Просто позорище!

Сидящий рядом мужчина улыбнулся.

– Можешь мне поверить, во времена Кантоны ^[10] такого быть не могло, – гневно продолжила она. – Ты же не станешь спорить, что им просто не хватило слаженности, этим

дурням, иначе они забили бы!

– Я вообще молчу, – заметил мужчина ласковым голосом.

– Все равно ты ничего не понимаешь в футболе.

– Я предпочитаю крикет.

Ивонна положила голову ему на плечо.

– Ты ничего не понимаешь в футболе... но все равно мне хорошо с тобой.

– Ты хоть отдаешь себе отчет? Если бы в твоём квартале узнали, что ты болеешь за «Манчестер Юнайтед»? – прошептал мужчина ей на ухо.

– А как ты думаешь, почему я принимаю такие меры предосторожности, когда иду сюда!

Мужчина посмотрел на Ивонну, та не отводила глаз от поля. Он полистал буклет, лежащий у него на коленях.

– Это же конец сезона, верно?

Ивонна не ответила, слишком поглощенная матчем.

– Тогда, быть может, у меня есть надежда, что на будущие выходные ты все-таки приедешь ко мне? – продолжил он.

– Посмотрим, – ответила она, следя за нападающим «Челси», который на опасной скорости приближался к воротам.

Она приложила палец к губам своего спутника и добавила:

– Я не могу делать две вещи одновременно, и если кому-нибудь не придет наконец в голову остановить этого прыткого угря, то мой вечер пропал, и твой тоже!

Джон Гловер погладил руку Ивонны, покрытую коричневыми пятнами, которые на ней оставила жизнь. Ивонна пожала плечами.

– В молодости у меня были красивые руки. Ивонна вскочила с искаженным лицом, затаив дыхание. В последний момент мяч отклонился и был послан в другую сторону поля. Она выдохнула и села.

– Знаешь, я скучала по тебе всю неделю, – смягчившись, призналась она.

– Тогда приезжай на следующие выходные!

– Это ты вышел на пенсию, а не я!

Свисток арбитра обозначил конец первого тайма. Они встали с мест, чтобы выпить в буфете что-нибудь освежающее. Поднимаясь по ступенькам трибун, Джон поинтересовался, как дела в книжном магазине.

– Это только первая его неделя, привыкает твой Попино, если именно это тебя интересовало, – ответила Ивонна.

– Именно это я и хотел узнать, – повторил за ней Джон.

* * *

Вернувшись домой пораньше, дети играли у себя наверху в ожидании достойного полдника. Антуан, облаченный в клетчатый фартук, опершись на кухонную стойку, внимательно читал новый рецепт блинов. В дверь позвонили. Матиас ждал на крыльце, прямой, как кол. Антуан внимательно его оглядел, заинтригованный странным нарядом.

– Могу я полюбопытствовать, почему на тебе лыжные очки? – спросил он.

Матиас отодвинул его с прохода. Еще более озадаченный, Антуан не сводил с него глаз. Матиас уронил к ногам сложенный брезентовый чехол.

– Где твоя газонокосилка?

– Что ты собираешься делать с газонокосилкой в гостиную?

– Ты задаешь столько вопросов, что просто сил нет!

Матиас пересек комнату и вышел в сад с другой стороны дома. Антуан шел следом. Матиас открыл дверь маленького сарая, выкатил газонокосилку и ценой титанических усилий водрузил ее на два валявшихся неподалеку чурбана. Он удостоверился, что колеса не касаются земли и что вся конструкция достаточно устойчива. Установив сцепление на холостой ход, он дернул за стартер.

Двухтактный мотор заработал с оглушительным шумом.

– Я звоню врачу, – заорал Антуан.

Матиас двинулся в обратном направлении, прошел через дом, развернул чехол и исчез с ним у себя. Антуан остался стоять в одиночестве посреди гостиной, свесив руки и задаваясь вопросом, какая муха укусила его друга. От страшного удара затряслась перегородка. Второй мощный удар, и в ней образовалась дырка внушительных размеров, в которую выглядывала радостная физиономия Антуана.

– *Welcome home!* – провозгласил сияющий Матиас, расширяя еще больше отверстие в разделительной стене.

– Ты совершенно спятил, – завопил Антуан. – Соседи на нас пожалуются!

– Учитывая, какой грохот стоит в саду, меня б это удивило! Помоги лучше, чем орать. Вдвоем мы закончим еще до ночи!

– А дальше что? – продолжал вопить Антуан, глядя на гору строительной трухи, которая росла на полу его гостиной.

– А дальше мы сложим эту стенку в мусорные пакеты и уберем их в твой сарай и за несколько не-лель потихоньку от них избавимся.

Обрушился еще кусок стены; пока Матиас продолжал свое дело, Антуан уже прикидывал, какие отделочные работы необходимо будет срочно провести, чтобы его гостиная в один прекрасный день вновь обрела относительно нормальный вид.

На втором этаже Эмили и Луи включили в своей комнате телевизор, уверенные, что по новостям сейчас сообщат о землетрясении, потрясшем квартал Южный Кенсингтон. Спустилась ночь; разочарованные тем, что Земля и не собиралась дрожать, но гордые доверенным секретом и довольные тем, что им было позволено так поздно не спать, дети помогали нагружать строительным мусором мешки, которые Антуан уносил затем в глубину сада. Наутро по тревоге был вызван Маккензи. По голосу Антуана он оценил всю серьезность ситуации. Долг призывал, и он согласился присоединиться к ним, несмотря на воскресенье, и прибыл на грузовичке, принадлежащем бюро.

К концу выходных, несмотря на оставшийся незакрашенный потолок, Матиас и Антуан официально отметили начало совместного проживания. Вся компания была приглашена отпраздновать это событие, а когда Маккензи узнал, что Ивонна по такому поводу согласилась покинуть свой ресторанчик, он тоже решил остаться со всеми.

Первый спор между друзьями разгорелся по поводу обстановки дома. Соседство их мебели в одном помещении производило странное впечатление. По утверждению Матиаса, первый этаж мог соперничать с суровостью монашеской кельи. Напротив, доказывал Антуан, очень даже уютное местечко. Все помогали перетаскивать мебель. Круглый столик на ножке, принадлежащий Матиасу, обрел свое новое место между двумя клубными креслами, принадлежащими Антуану. Пятью голосами против одного (Матиас единственный проголосовал «за», Антуан же элегантно воздержался) ковер – персидский, по заверениям Матиаса, и сомнительного происхождения, по замечанию Антуана, – был свернут, перевязан и убран в садовую пристройку.

Во имя обеспечения мира в доме, руководство дальнейшими действиями принял на себя

Маккензи, и только Ивонна обладала правом вето на его предписания. Не то чтобы она так решила, просто стоило ей высказать свое мнение, как щеки того начинали подозрительно розоветь, а его словарный запас сводился к «Вы безусловно правы, Ивонна».

К концу вечера первый этаж приобрел новый облик. Оставалось разобраться со вторым. Матиас находил свою комнату куда менее привлекательной, чем комната своего лучшего друга. Антуан не понимал, чем именно, но пообещал заняться этим в самое ближайшее время.

Воскресную эйфорию сменила первая неделя совместной жизни. Началась она, разумеется, с завтрака по-английски, приготовленного Антуаном. До того как все семейство спустилось к столу, он тихонько подсунул записку под чашку Матиаса, вытер руки о фартук и прокричал всем заинтересованным лицам, что яйца сейчас остынут.

– А чего ты так орешь?

Антуан подскочил: он не заметил, как спустился Матиас.

– Никогда не видел, чтобы кто-то так сосредоточился на изготовлении двух тостов.

– В следующий раз поджаришь их себе сам! – ответил Антуан, протягивая ему тарелку.

Матиас встал, чтобы налить себе чашку кофе, и заметил записку Антуана.

– Это что такое? – удивился он.

– Успеешь прочесть, садись и ешь, пока все горячее.

Дети влетели ураганом и положили конец любым разговорам. Эмили по-командирски указала пальчиком на часы: «мы опоздаем в школу».

Матиас, с полным ртом, вскочил, накинул пиджак, схватил дочь за руку и потянул ее к двери. Эмили едва успела поймать на лету зерновой батончик, который Антуан кинул ей из кухни, как уже бежала с ранцем на спине по тротуару Клер-вил-гроув.

Когда они переходили через Олд Бромптон-роуд, Матиас прочитал записку, которую прихватил с собой, и остановился посреди дороги. Он тут же полез за мобильником и набрал домашний номер.

– Это что значит – приходить домой не позже полуночи?

– Что ж, начну сначала, правило номер один: никаких бебиситтеров; правило номер два: никаких женщин в доме, и правило номер три: время прихода можно продлить до половины первого, но это крайний срок.

– Я что, похож на Золушку?

– Ступеньки на лестнице скрипят, и я не хочу, чтобы ты будил всех остальных.

– Я буду снимать башмаки.

– Мне в любом случае хотелось бы, чтобы ты снимал их у входа.

И Антуан отсоединился.

– Чего он хотел? – спросила Эмили, изо всех сил дергая отца за руку.

– Ничего, – пробормотал Матиас. – Ну и как тебе понравилась семейная жизнь? – поинтересовался он у дочери, переходя на другую сторону.

* * *

В понедельник Матиас забрал детей из школы. Во вторник наступила очередь Антуана. В среду в обеденное время Матиас закрыл книжный магазин, чтобы в качестве сопровождающего родителя присоединиться к классу Эмили, который отправился на экскурсию в Музей естественной истории. Девочке пришлось призвать на помощь двух подружек, чтобы вытянуть папу из зала, где были выставлены муляжи обитателей юрского периода, выполненные в натуральную величину. Ее отец отказывался двинуться с места, пока механический тираннозавр не выпустит траходона, которого трепал в своей пасти. Хотя классная воспитательница была категорически против, Матиас настаивал, пока не добился своего, чтобы каждый ребенок вместе с ним хоть раз посидел в имитаторе землетрясения. Чуть позже, будучи уверен, что миссис

Уоллес воспротивится и тому, чтобы они посмотрели на рождение вселенной, которое показывали в двенадцать пятнадцать в планетарии, он подстроил так, чтобы в двенадцать одиннадцать они оторвались от нее, воспользовавшись тем, что она пошла в туалет. Когда начальник службы безопасности поинтересовался у нее, как она умудрилась потерять двадцать четыре ребенка зараз, миссис Уоллес вдруг сообразила, где они могут находиться. Выйдя из музея, Матиас угостил всех вафлями в качестве извинений. Учительница его дочери согласилась попробовать одну, а Матиас настоял, чтобы она взяла и вторую, на этот раз намазанную толстым слоем каштанового крема.

В четверг покупки были поручены Антуану, а в пятницу этим занимался Матиас. В супермаркете продавцы не понимали ни слова из того, что он пытался им втолковать, и он отправился за помощью к одной из кассирш, которая оказалась испанкой; ее сменила одна из покупательниц, которая тоже стремилась оказать поддержку, она была датчанкой или шведкой, Матиас так и не понял, но это никоим образом не решило его проблему. Исчерпав все возможности и выбор замороженных продуктов, Матиас взялся за мобильник и стал звонить Софи у четных рядов и Ивонне у нечетных. В конце концов он решил, что слово «котлета», написанное в его списке, вполне могло читаться как «курица», и он не виноват, что у Антуана такой неразборчивый почерк.

В субботу шел дождь, и все остались дома. Вечером в воскресенье в гостиной, где Матиас играл с детьми, раздался громовый взрыв хохота. Антуан поднял голову от чертежей, увидел радостное лицо своего лучшего друга и сказал себе, что в их жизни воцарилось счастье.

* * *

Утром в понедельник Одри подошла к ограде французского лицея. Пока она объяснялась с директором, ее оператор снимал школьный двор.

– Именно за этим окном генерал де Голль бросил свой призыв 18 июня, – произнес месье Бе-шеран, указывая на белый фасад нового здания.

Французский лицей имени Шарля де Голля обеспечивал качественное образование более чем двум тысячам учеников, начиная с младших классов и до экзаменов на бакалавра. Директор показал ей несколько классных комнат и предложил, если ей будет угодно, посетить учительское собрание, которое состоится как раз сегодня после полудня. Одри с воодушевлением согласилась. Для ее репортажа мнения воспитателей были бесценны. Она попросила разрешения взять интервью у нескольких преподавателей, и месье Ветеран ответил, что она может договориться напрямую с любым из них.

* * *

Как и всегда по утрам, на Бьют-стрит царило оживление. Сновали грузовички, доставлявшие товары в многочисленные магазинчики, расположенные вдоль улицы. На террасе небольшого кафе по соседству с книжной лавкой Матиас смаковал капучино, читая газету и слегка выделяясь на общем фоне мамаш, которые собирались там после того, как отвели детей в школу. На другой стороне улицы Антуан сидел в своем бюро. У него оставалось всего несколько часов, чтобы завершить подготовительный проект, который он должен был представить самым крупным клиентам агентства, к тому же он обещал Софи написать для нее новое письмо.

После напряженного утра и не менее насыщенной части рабочего дня он предложил своему

инженеру устроить небольшой, но вполне заслуженный перерыв на обед. Они перешли через дорогу и направились к Ивонне.

Передышка оказалась короткой. Клиенты должны были скоро появиться, а чертежи еще не были отпечатаны. Проглотив последний кусок, Маккензи убежал.

Уже на пороге он прошелестел: «До свидания, Ивонна», на что она ответила, не отрывая глаз от своей бухгалтерской книги: «Да, да, именно так, до свидания, Маккензи».

– Ты не хочешь попросить его оставить меня в покое, этого твоего инженера?

– Он в тебя влюблен. Что я могу поделать?

– Ты знаешь, сколько мне лет?

– Да, но он британец.

– Это не все оправдывает.

Она закрыла свой грессбук и вздохнула:

– Я собираюсь откупорить бутылочку хорошего бордо. Налить стаканчик?

– Нет, но мне бы хотелось, чтобы ты присела выпить его со мной.

– Лучше я останусь за стойкой, так удобней клиентам.

Антуан окинул взглядом пустой ресторан; смирившись, Ивонна открыла бутылку и присоединилась к нему со стаканом в руке.

– Что не так? – спросил он.

– Долго мне в таком духе не продержаться, я слишком устала.

– Возьми кого-нибудь себе в помощь.

– У меня не столько посетителей, если я кого-то найму, то останется только ликвидировать заведение, а оно и так, должна тебе признаться, на ладан дышит.

– Нужно бы подновить зал.

– Это хозяйку следовало бы подновить, – вздохнула Ивонна, – и потом, на какие деньги?

Антуан извлек из кармана механический карандаш и принялся чертить набросок на бумажной скатерти.

Ивонна нацепила очки на кончик носа, и ее глаза осветились полной нежности улыбкой.

– Ты давно уже подумываешь о моем зале?

Антуан подошел к телефону на стойке и позвонил Маккензи, попросив начинать встречу без него. Он немного задержится. Повесил трубку и повернулся к Ивонне:

– Ладно, могу я теперь тебе объяснить?

* * *

Пользуясь небольшим затишьем ближе к полудню, Софи навестила Матиаса в его магазине и принесла ему букет садовых роз.

– Легкое ощущение присутствия здесь женской руки не помешает, – заметила она, пристраивая вазу рядом с кассой.

– А что, тебе кажется, что здесь все слишком по-мужски?

Зазвонил телефон. Матиас извинился перед Софи и снял трубку:

– Конечно, я могу сходить на родительское собрание. Хорошо, я не буду ложиться, пока ты не придешь. Ты заедешь за детьми в школу? Да, и я тебя обнимаю!

Матиас положил трубку на рычаг; Софи поглядела на него внимательно и собралась обратно на работу.

– Забудь все, что я тебе сказала! – добавила она от дверей смеясь.

И закрыла за собой дверь магазина.

Матиас опоздал. Единственным его оправданием было то, что в книжном магазине скопилось полно народа. Когда он пришел в лицей, на школьном дворе уже никого не было. Три учительницы, которые болтали под портиком, разошлись по своим классам. Матиас прошел вдоль стены и встал на цыпочки, чтобы заглянуть в окно. Зрелище было довольно странное. За партами вместо школьников сидели взрослые. В первом ряду чья-то мама подняла руку, чтобы задать вопрос, а чей-то отец тянул свою, чтобы учительница его заметила. Решительно, первые ученики оставались ими на всю жизнь.

Матиас не имел никакого представления, куда ему идти; если он не сдержит обещания заменить Антуана на родительском собрании класса Луи, то пилить его будут месяца два, не меньше. К его великому облегчению, через двор шла молодая женщина. Матиас подбежал к ней.

– Мадемуазель, не скажете ли, где класс СМ2-А, пожалуйста? – спросил он, запыхавшись.

– Вы опоздали, собрание только что закончилось, я как раз с него иду.

Внезапно узнав свою собеседницу, Матиас поздравил себя с неожиданным везением. Захваченная врасплох, Одри пожала протянутую руку.

– Вам понравилась книга? – Лагард и Мишар?

– Я прошу вас об огромной услуге. Я сам в классе СМ2-Б, но отца Луи задержали в бюро, и он меня попросил...

Одри обладала неоспоримым обаянием, а Матиас отчасти лишился способности связно излагать свои мысли.

– Класс на этом этаже? – пробормотал он.

– Да, я полагаю...

Но беседа была прервана звоном школьного колокольчика. Дети уже заполнили двор. Одри сказала Матиасу, что ей было приятно снова его повидать. Она уже уходила, когда под большим платаном началось странное столпотворение. Они подняли головы: ребенок вскарабкался на дерево и теперь застрял на одной из самых высоких ветвей. Малыш едва сохранял хрупкое равновесие. Матиас бросился вперед и, не раздумывая, полез по стволу, быстро исчезнув в листве.

Одри услышала, как книготорговец прокричал сверху с фальшивой уверенностью:

– Порядок, я его держу!

С бледным лицом, вцепившись в верхушку дерева, Матиас придерживал мальчика, сидящего на ветке напротив него.

– Ну вот, отлично, теперь будем сидеть тут, как два дурака, – утешил он малыша.

– Мне здорово влетит? – пискнул ребенок.

– Если хочешь знать мое мнение, ты это заслужил на все сто.

Через несколько секунд листья зашуршали, и появился смотритель на верхней перекладине лестницы.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Матиас!

– Я спрашивал мальчика...

Мальчика звали Виктор. Смотритель взял его за руку:

– Слушай меня хорошенько, Виктор, здесь сорок семь перекладин, будем считать их вместе, а ты не будешь смотреть вниз, хорошо?

Матиас смотрел, как оба они исчезают в листве. Голоса затихли. Оставшись один, он застыл, вглядываясь в горизонт.

Когда зритель предложил ему слезть с дерева, Матиас совершенно искренне его поблагодарил. Уж коли он забрался так высоко, то хоть полюбуется видом. И тем не менее он высказал просьбу, возможно, не слишком обременительную, предоставить ему лестницу.

* * *

Встреча только что закончилась. Маккензи проводил клиентов до лестничной площадки. Антуан прошел через бюро и открыл дверь своего кабинета. Там он обнаружил Эмили и Луи, которые до того дожидались его на диване в приемной; наконец-то их мучения закончились. Пора было возвращаться домой. Этим вечером «Клюдо» [\[11\]](#) и картофель фри послужат компенсацией за нудное ожидание. Эмили согласилась на сделку, сложила свои книжки в ранец, а Луи уже бежал к лифтам, лавируя между кульманами. Малыш нажал сразу на все кнопки в кабине, и, посетив неожиданно для себя подвал, они в конце концов оказались в вестибюле здания.

Из-за витринного стекла Софи смотрела, как они поднимаются по Бьют-стрит: два ребенка держались за полы пиджака Антуана. С противоположного тротуара он послал ей воздушный поцелуй.

– А где папа? – спросила Эмили, увидев закрытый книжный магазин.

– На моем родительском собрании, – заявил Луи, пожимая плечами.

* * *

Из листвы возникло лицо Одри.

– Сделаем, как в прошлый раз? – успокаивающим голосом спросила она у Матиаса.

– Мы сейчас куда выше, да?

– Методика та же: переставляете одну ногу за другой и ни в коем случае не смотрите вниз, обещаете?

В это мгновение своей жизни Матиас пообещал бы луну любому, кто ее попросил. А Одри добавила:

– Когда в следующий раз вы захотите со мной повидаться, не надо лезть из кожи и забираться так высоко.

Они сделали передышку на двадцатой перекладине, потом еще одну на десятой. Когда их ноги наконец коснулись земли, двор уже опустел. Было почти восемь часов.

Одри предложила Матиасу проводить его до площади. Сторож запер за ними решетку.

– Уж на этот раз я действительно выставил себя дураком. Верно?

– Нет, вы были смелым...

– Когда мне было пять лет, я соскользнул с крыши.

– Правда? – спросила Одри.

– Нет... неправда.

На его лицо вернулись краски. Она долго смотрела на него, ничего не говоря.

– Я даже не знаю, как вас благодарить.

– Вы только что это сделали. Порыв ветра заставил ее поежиться.

– Ступайте, вы простудитесь, – пробормотал Матиас.

– Вы тоже простудитесь, – ответила она.

Она уходила, а Матиасу хотелось, чтобы время остановилось. На этом пустынном тротуаре,

сам не зная почему, он уже скучал по ней. Когда он окликнул ее, она успела сделать двенадцать шагов – и никогда не признается, что считала каждый шаг.

– Кажется, у меня есть издание XX века Лагар-да и Мишара!

Одри обернулась.

– А мне кажется, что я проголодалась, – ответила она.

Они утверждали, что голодны, но, убирая со стола, Ивонна забеспокоилась, увидев, что их тарелки почти нетронуты. Наблюдая из-за своей стойки за тем, какими глазами Матиас следил за движением губ Одри, она поняла, что качество ее стряпни тут ни при чем. Весь вечер они рассказывали друг другу о своих увлечениях: Одри – о любви к фотографии, Матиас – о страсти к старинным рукописям. В прошлом году он приобрел письмо, написанное Сент-Экзюпери. Это была всего лишь записка, нацарапанная пилотом перед тем, как отправиться в полет, но для настоящего коллекционера, каким являлся Матиас, держать ее в руках было несказанным удовольствием. Он признался, что в одиночестве своей парижской квартиры доставал записку из конверта, с бесконечными предосторожностями разворачивал листок, потом закрывал глаза, и воображение переносило его на взлетную полосу где-то в Африке. Он слышал голос механика, который кричал: «Есть контакт!», склоняясь к лопасти винта, чтобы запустить мотор. Двигатель урчал, и ему достаточно было откинуть голову, чтобы почувствовать, как ветры пустыни секут песчинками его щеки. Одри понимала, что чувствовал Матиас. Когда она перебирала старые фотографии, ей тоже случалось ощутить себя в 1920-х годах, почувствовать, что она идет по улочкам Чикаго. Устроившись в глубине бара, она выпивала рюмочку с молодым трубачом, гениальным музыкантом, которого приятели называли Сэчмо [\[12\]](#).

А когда выдавалась спокойная ночь, она ставила пластинку и Сэчмо вел ее по нотным строчкам старых партитур. В иные вечера другие фотографии погружали ее в раскаленную атмосферу джазовых клубов; она отплясывала бешеный регтайм и пряталась от полицейских рейдов.

Часами разглядывая фотографии, сделанные Уильямом Клакстоном [\[13\]](#), она открыла для себя историю музыканта сколь красивого, столько же и страстного, что влюбилась в него. Уловив в голосе Матиаса нотки ревности, она добавила, что Чет Бейкер [\[14\]](#) погиб, выпав из окна своего номера гостиницы в Амстердаме. Это произошло в 1988 году, а было тогда музыканту пятьдесят девять лет.

Ивонна слегка покашляла из-за стойки, давая понять, что ресторан уже закрывается. Зал был пуст. Матиас расплатился по счету, и оба оказались на Бьют-стрит. Витрина позади них погасла. Матиасу захотелось прогуляться вдоль реки. Было уже поздно, ей пора возвращаться. Завтра предстоял тяжелый день, у нее много работы. Оба осознали, что за весь вечер они ни словом не обмолвились ни об их жизни, ни о прошлом, ни о работе. Но они разделили мечты и полет воображения; для первого раза это был чудесный разговор. Они обменялись телефонами. Провожая ее до Южного Кингстона, Матиас пел дифирамбы профессии учителя: посвятить свою жизнь детям – это свидетельство невероятной душевной щедрости; а что касается родительского собрания, он разберется. Придется что-нибудь придумать, когда Антуан станет его расспрашивать. Одри не понимала ни слова из того, что он говорил, но ей было хорошо, и она со всем соглашалась. Он неловко протянул ей руку, она легким поцелуем прикоснулась к его губам; и вот такси уже везет ее в квартал Брик-Лэйн. С легким сердцем Матиас направился в Олд Бромптон.

Когда он свернул на Клервил-гроув, то мог бы поклясться, что деревья, склоняющиеся под ветром, приветственно кивают ему. Каким бы глупым это ни выглядело, счастливый и трогательно открытый, он кивнул им в ответ. На крыльцо он поднялся крадучись; ключ

медленно повернулся в замке, дверь еле слышно скрипнула, и он вошел в гостиную.

Экран компьютера освещал кабинет, где работал Антуан. С тысячью предосторожностей Матиас снял плащ. Держа башмаки в руке, он двинулся к лестнице, когда голос соседа по дому заставил его подскочить.

– Ты на часы смотришь?

Антуан испепелил его взглядом. Матиас развернулся и отправился в кабинет. Взял с письменного стола бутылку воды, выпил ее залпом и поставил на место, изобразив зевок.

– Ладно, я пошел, – сказал он, потирая руки. – Я совсем умотался.

– А куда именно ты пошел? – поинтересовался Антуан.

– Ну, к себе, – пояснил Матиас, указывая на второй этаж.

Он снова надел плащ и направился к лестнице, но Антуан снова его окликнул.

– Как все прошло?

– Хорошо, мне кажется, – ответил он с видом человека, не совсем понимающего, о чем идет речь.

– Ты видел мадам Морель?

С напряженным лицом Матиас застегнул верхнюю пуговицу плаща.

– Откуда ты знаешь?

– Ты был на родительском собрании, да или нет?

– Разумеется! – уверенно заявил тот.

– Значит, ты видел мадам Морель?

– Ну разумеется, я видел мадам... Морель!

– Отлично! А поскольку ты задал вопрос, отвечаю: я знал об этом, поскольку сам попросил тебя с ней повидаться, – продолжил Антуан нарочито рассудительным голосом.

– Конечно! Вот именно, ты меня об этом попросил! – воскликнул Матиас, с облегчением уловив свет в конце длинного темного туннеля.

Антуан встал и принялся расхаживать по кабинету; сцепленные за спиной руки придавали ему профессорский вид, что вызывало у его друга очевидное беспокойство.

– Итак, ты виделся с учительницей моего сына, и это хорошо; теперь давай сосредоточимся, сделай еще одно, последнее, усилие и изложи мне, о чем же говорилось на родительском собрании.

– А-а... Так ты для этого меня ждал? – с невинным видом спросил Матиас.

По взгляду, который бросил на него Антуан, Матиас понял, что времени для импровизаций у него практически не осталось, спокойствия Антуана надолго не хватит, а как известно, нападение является лучшим способом защиты.

– Скажите на милость, я отправился выполнять твое же задание, так с какой стати ты тут распетушился? Что ты хочешь, чтоб я тебе сказал?

– Для начала неплохо бы услышать, что именно тебе говорила учительница, да и для конца тоже... учитывая, который теперь час.

– Он просто образцовый ученик! У твоего сына отличная успеваемость по всем предметам. Его учительница даже немного опасалась в начале года, что он окажется вундеркиндом. Это лестно для родителей, но довольно сложно для учителей. Но могу тебя успокоить, Луи просто великолепный ученик. Вот, теперь я все сказал, и ты знаешь столько же, сколько я. Я был так горд, что даже намекнул ей, что я его дядя. Ты доволен?

– Просто на седьмом небе! – заверил Антуан, в ярости усаживаясь обратно.

– Невероятно! Я говорю тебе, что твой сын один из лучших в школе, а ты дуешься... тебе не просто угодить, старина.

Антуан открыл ящик, достал оттуда листок бумаги и принялся вертеть его в пальцах.

– Я в себя не приду от радости! Я – отец ребенка, у которого «неуд» по истории и географии, еле-еле натянутые 11 баллов по французскому и ровно 10 баллов по арифметике, так что я действительно удивлен и польщен тем, какие комментарии это вызвало у его учительницы.

Антуан положил школьный дневник Луи на стол и подтолкнул его в сторону Матиаса, который задумчиво взял его в руки, полистал и тут же положил обратно.

– Ну, это какая-то административная ошибка, они то и дело случаются со взрослыми, поэтому дети от них не застрахованы, – пустился он в абсолютно неискренние и даже граничащие с нахальством объяснения. – Ладно, я пошел спать, ты какой-то нервный, а я не люблю, когда ты нервный. Спокойной ночи!

На этот раз Матиас направился к лестнице решительным шагом. Антуан окликнул его в третий раз. Он возвел очи к небу и неохотно обернулся.

– Ну что еще?

– Как ее зовут?

– Кого?

– Это ты мне скажи... Ну, ту, из-за которой ты не пошел на родительское собрание. Она хоть красивая?

– Очень! – наконец признался Матиас в смущении.

– Хоть что-то! И как ее зовут? – не отставал Антуан.

– Одри.

– Тоже красиво... А дальше как?

– Морель... – выдохнул Матиас едва слышным голосом.

Антуан наострил уши, питая слабую надежду, что плохо разобрал имя, которое только что произнес Матиас, но на лице его уже проступала тревога.

– Морель? Немного напоминает мадам Морель?

– Совсем чуть-чуть... – подтвердил Матиас, смущенный уже по-настоящему.

Антуан встал и посмотрел на друга, не без сарказма отдавая честь совершенному подвигу.

– Я тебя попросил сходить на родительское собрание, и ты действительно принял мою просьбу близко к сердцу!

– Ну вот, я так и знал, что не нужно было с тобой об этом говорить! – бросил Матиас, удаляясь.

– Чего? – взревел Антуан. – Это называется «ты со мной поговорил»? Лучше успокой меня и скажи: ты уже исчерпал список тех глупостей, которые делать нельзя никогда и ни при каких обстоятельствах, или у тебя еще осталась одна-две в запасе?

– Послушай, Антуан, не надо преувеличивать, я вернулся один и даже до полуночи!

– Ага, ты еще хвалишься тем, что не привел к нам в дом учительницу моего сына? Потрясающе! Спасибо, по крайней мере, он не увидит ее слегка раздетой, когда будет завтракать!

Не найдя лучшего способа сбежать, Матиас начал подниматься на второй этаж. Каждый его шаг по ступенькам, казалось, отбивал такт очередному всплеску Антуанового возмущения.

– Ты просто смешон! – прокричал тот ему в спину.

Матиас поднял руку в знак того, что сдается:

– Ладно, хватит, все нормально, я что-нибудь придумаю!

Когда он уже закрывал дверь в свою комнату, то услышал, как Антуан снизу кричит, что у него вдобавок еще и очень плохой вкус. Он растянулся на кровати и вздохнул, расстегивая верхнюю пуговицу плаща.

В своем кабинете Антуан с силой ударил по клавише компьютера. На экране машина «Формулы-1» с разгону врезалась в заградительную балку.

В три часа ночи Матиас все еще расхаживал по своей комнате. В четыре он уселся за секретер, стоящий у окна, и принялся грызть ручку. Чуть позже он набросал первые слова письма, адресованного мадам Морель. В шесть мусорная корзинка приняла в свои недра одиннадцатый черновик, который Матиас туда отправил. В семь, взлохмаченный, он перечитал последний раз свое творение и запечатал его в конверт. Ступеньки лестницы закрипели, Эмили и Луи спускались на кухню. Приклеившись ухом к двери, он слушал звуки завтрака, пока голос Антуана не поторопил детей ехать в школу, тогда он спешно вошел в махровый халат и сбежал по лестнице вниз. Матиас отловил Луи на крыльце. Он протянул ему послание, но не успел и слова сказать в объяснение, как Антуан выхватил письмо и попросил Эмили и Луи подождать его чуть подальше на тротуаре.

– Что это такое? – спросил он, размахивая конвертом.

– Прощальное письмо, ты ведь этого хотел, да?

– А ты что, не можешь обойтись без посредников? Тебе обязательно нужно вмешивать в это наших детей? – прошипел Антуан, отводя Матиаса подальше в сторону.

– Я думал, так будет лучше, – пролепетал тот.

– К тому же еще и трус! – хмыкнул Антуан, прежде чем присоединиться к детям.

Садясь в машину, он все-таки убрал записку в ранец сына. Кабриолет отбыл, Матиас запер дверь и пошел к себе собираться на работу. Когда он заходил в ванную, на его губах играла странная улыбка.

* * *

Дверь магазинчика отворилась. Уже из подсобки Софи узнала шаги Антуана.

– Пойдем кофе попьем? – предложил он.

– Судя по лицу, у тебя не лучший день, – заметила она, вытирая тыльную сторону руки о халат.

– Что ты с собой сделала? – спросил он, разглядывая марлевую повязку с темными пятнами крови на пальце Софи.

– Ничего, простой порез, но кровь никак не останавливается, это из-за того, что я все время с водой вожусь.

Антуан взял ее за руку, отклеил пластырь и скорчил гримаску. Не давая Софи времени на споры, он подвел ее к аптечному шкафчику, промыл ранку и заново наложил повязку.

– Если через два дня не пройдет, отведу тебя к врачу, – проворчал он.

– Ладно, пойдем пить твой кофе, – заявила Софи, помахивая марлевой бульбой, которая теперь красовалась на кончике ее указательного пальца, – а ты мне расскажешь, что тебя беспокоит?

Она заперла дверь, убрала ключ в карман и потянула друга за руку.

* * *

Перед книжным магазином топтался нетерпеливый клиент. Матиас пешком спускался по Бьют-стрит, Антуан и Софи шагали ему навстречу; лучший друг даже не посмотрел в его сторону и скрылся в ресторанчике Ивонны.

– Что между вами стряслось? – спросила Софи, отодвигая чашку кофе со сливками.

– У тебя усики!

– Спасибо, очень мило, что предупредил! Антуан взял салфетку и вытер Софи губы.

– Мы утром слегка поцапались.

– В семейной жизни, старина, солнце светит не каждый день!

– Ты надо мной издеваешься? – осведомился Антуан, глядя на Софи, которая с трудом сдерживала смех.

– И на какой предмет поцапались?

– Не важно, плюнь.

– Лучше б ты плюнул, судя по твоей физиономии. Ты и вправду не хочешь рассказать мне, в чем дело? Женский совет еще никому не мешал, ведь так?

Антуан глянул на подругу и не смог устоять перед улыбкой, которую она больше не скрывала. Он порылся в кармане и протянул ей конверт.

– Держи, надеюсь, оно тебе понравится.

– Они мне всегда нравятся.

– Я только переписываю то, что ты просишь меня написать, – заметил Антуан, перечитывая текст.

– Да, но ты это делаешь своими словами, и поэтому мои слова приобретают смысл, который мне самой не удастся в них вложить.

– Ты уверена, что этот парень действительно тебя достоин? Я тебе одно могу сказать, и не потому, что это я их пишу: если бы я получал такие письма, то наплевал бы на любые личные или профессиональные обязательства. Клянусь, я бы приехал и похитил тебя.

Софи отвела взгляд.

– Я не то хотел сказать, – огорченно спохватился Антуан и обнял ее.

– Видишь, не мешало б тебе иногда думать, что говоришь. Не знаю, в чем причина вашей ссоры, но вы только попусту тратите время, так что бери телефон и звони ему.

Антуан поставил чашку с кофе.

– А почему это я должен звонить первый? – брюзгливо поинтересовался он.

– Потому что если каждый из вас задастся этим вопросом, то день будет испорчен для обоих, причем на пустом месте.

– Очень может быть, но в данном случае неправ был он.

– Ну что такого он мог натворить?

– Я вправе сказать только, что он сделал глупость, но это еще не повод его выдавать.

– Двое мальчишек! И ни один не хочет уступить другому! Он извинился?

– Ну, некоторым образом, да... – признался Ан-туан, думая о записке, которую Матиас вручил Луи.

Софи сняла трубку с телефона на стойке и подтолкнула ее к Антуану:

– Позвони ему!

Антуан пристроил трубку обратно на подставку.

– Лучше я зайду к нему, – проговорил он, поднимаясь.

Он заплатил за два кофе, и они вышли на Бьют-стрит. Софи помедлила и зашла к себе в магазин, только когда увидела, как Антуан закрывает за собой дверь книжной лавки.

– Чем я могу тебе помочь? – поинтересовался Матиас, отрываясь от книги, которую читал.

– Ничем, я зашел просто так, посмотреть, все ли хорошо.

– Все хорошо, благодарю, – кивнул Матиас, переворачивая страницу.

– Народу много?

– Ни души, а что?

– Мне скучно, – прошептал Антуан. После чего повернул маленькую табличку, висящую на двери стороной «закррито». – Пошли прогуляемся.

– Я думал, у тебя работы не продохнуть.

– Ну что ты все время цепляешься!

Антуан вышел из магазина, сел за руль машины, припаркованной у витрины, и дважды нажал на клаксон. Матиас недовольно отложил книгу и вышел вслед за ним.

– Куда поедем? – спросил он, забираясь в кабриолет.

– Работу прогуливать.

«Остин» покатил по Куинз-Гейт, пересек Гайд-парк и направился к Ноттинг-Хиллу. Матиас нашел место для парковки у входа на рынок Портобелло. Тротуары были заставлены прилавками с подержанными вещами. Друзья прошли по улице, останавливаясь у каждой лавки. У одного из старьевщиков Матиас примерил пиджак в широкую полоску и каскетку с аналогичным рисунком и повернулся к Антуану, чтобы спросить его мнение. Но тот уже отошел подальше, потому что стоять рядом ему было слишком неловко. Матиас повесил пиджак обратно на вешалку и заявил продавщице, что у Антуана нет ни капли вкуса. Они устроились на террасе ресторанчика «Электрик». По улице шли две красивые молодые женщины в летней одежде. Их взгляды встретились, и женщины улыбнулись им, проходя мимо.

– Я забыл, – сказал Антуан.

– Если ты о бумажнике, не беспокойся, я угощаю, – успокоил его Матиас, забирая с блюдечка счет.

– Вот уже шесть лет как я живу в шкуре папы-наседки и только теперь понял, что совершенно забыл, как знакомятся с женщиной. В один прекрасный день мой сын попросит меня научить его кадриться, а я не буду знать, что ему сказать. Без тебя мне не обойтись, ты должен объяснить мне все с самого начала.

Матиас залпом допил томатный сок и поставил стакан на стол.

– Разберись сначала, чего ты хочешь, это ведь ты запретил женщинам появляться в нашем доме!

– При чем здесь это, я же говорил об уходе за собой. Ладно, забудь!

– Хочешь начистоту? Я и впрямь тоже все забыл, старина.

– Если совсем начистоту, думаю, что я никогда и не умел! – вздохнул Антуан.

– Сумел же ты с Кариной, ведь так?

– Карина родила мне сына и уехала заниматься детьми других. В качестве победы на любовном фронте можно подыскать пример получше, не так ли? Ладно, вставай, пошли работать.

Они спустились с террасы и двинулись по улице.

– Ты не будешь возражать, если я еще раз померяю этот пиджак, а ты честно скажешь, идет он мне или нет?

– Если поклянешься, что будешь носить его в присутствии детей, я готов сам подарить его тебе!

Вернувшись в Южный Кенсингтон, Антуан припарковал «остин» перед своим бюро. Он выключил мотор и помедлил несколько секунд, прежде чем вылезти из машины.

– Извини за вчерашний вечер, я немного переборщил.

– Нет, нет, успокойся, я понимаю, почему на тебя это так подействовало, – заверил Матиас напряженным голосом.

– Ты сейчас не очень искренен!
– Вот еще, почему не искренен!
– Я так и думал, ты все еще на меня злишься!
– Послушай, Антуан, если хочешь что-то сказать по этому поводу, говори, а то мне действительно пора на работу!
– Мне тоже, – буркнул Антуан, вылезая из машины.
Заходя в бюро, он услышал, как Матиас сказал ему в спину:
– Спасибо, что зашел, я очень тронут.
– Не люблю, когда мы ссоримся, ты же знаешь, – ответил Антуан, оборачиваясь.
– Я тоже не люблю.
– Не будем больше об этом говорить, проехали.
– Да, проехали, – поддержал Матиас.
– Ты сегодня поздно придешь?
– А что?
– Я обещал Маккензи отвести его к Ивонне поужинать... в благодарность за то, что он помог нам с домом, так что, если ты можешь посидеть с детьми, это было бы отлично.
Вернувшись в книжный магазин, Матиас снял трубку и позвонил Софи.

* * *

Зазвонил телефон, Софи извинилась перед клиенткой.
– Конечно, могу, – сказала Софи.
– Тебе это не очень неудобно? – продолжал настаивать Матиас на том конце трубки.
– Если честно, мне не нравится мысль врать Антуану.
– Я не прошу тебя врать ему, просто не говори ничего.
С точки зрения Софи, грань между враньем и умалчиванием была совсем тоненькой, но она все же согласилась выручить Матиаса. Она закроет магазин пораньше и придет к семи часам, как договорились. Матиас повесил трубку.

Ивонна воспользовалась послеполуденным затишьем, чтобы немного навести порядок в подвале, где хранились припасы. Она посмотрела на стоящий перед ней ящик, «Шато Лабе-горс-Зеде» было ее любимым вином, и она тщательно берегла оказавшиеся в ее распоряжении слишком редкие бутылки, оставляя их только для особых случаев. Но особых случаев для праздника у нее не было уже много лет. Она провела рукой по тонкому слою пыли, покрывающему дерево, и с волнением вспомнила тот майский вечер, когда «Манчестер Юнайтед» выиграл кубок Англии. Внезапно ее пронзила резкая боль под грудью. Ивонна согнулась, пытаясь втянуть в себя воздух, которого неожиданно совсем не осталось. Она оперлась о лестницу, ведущую в зал, и попыталась нащупать лекарство в кармане передника. Онемевшие пальцы никак не могли удержать флакон. С трудом она сумела открыть крышечку, высыпала три таблетка на ладонь и положила их в рот, откинув голову назад, чтобы легче проглотить.

Обессилев от боли, она села прямо на пол и стала ждать, когда подействует химия. Если сегодня Господь не ждал ее, сказала она себе, то через несколько минут сердце успокоится и все будет хорошо; ей еще столько всего нужно сделать. Она поклялась себе, что примет следующее приглашение Джона и съездит к нему в Кент, конечно, если он еще раз пригласит ее, ведь она столько раз отказывала. Несмотря на присущую ей стыдливость и все ее отказы, этот мужчина был нужен ей. Просто с ума сойти, как же он был ей нужен. Неужели люди должны отдалиться, чтобы осознать, какое место они занимают в жизни? Каждый полдень Джон появлялся в зале ее ресторана; интересно, замечал ли он, что содержимое его тарелки отличалось от того, что подавалось другим клиентам?

Наверняка догадывался, Джон всегда был скромным и сдержанным, как и она сама, но обладал великолепной интуицией. Ивонна очень радовалась, что Матиас сменил его в книжном магазине. Когда Джон сообщил ей, что собирается удалиться от дел, именно она заговорила о преемнике, чтобы не пропало дело всей его жизни. К тому же она решила, что это прекрасная возможность для Матиаса обосноваться рядом со своими; тогда она подсказала эту мысль Антуану и стала ждать, пока и мысль, и Ан-туан созреют до такой степени, чтобы тот решил, будто сам все придумал. Когда Валентина поделилась с ней своим намерением вернуться в Париж, Ивонна сразу же представила себе все последствия для Эмили. Она терпеть не могла вмешиваться, но на этот раз она правильно сделала, что приняла участие, пусть самое ненавязчивое, в судьбе тех, кого любила. Но без Джона все переменялось. Однаж-лы она с ним обязательно поговорит.

Она подняла голову. Электрическая лампочка, подвешенная к потолку, начала вращаться, увлекая за собой, как в хороводе, каждый предмет в комнате. По стенам прошла волна, и чудовищная сила навалилась на нее, откидывая назад. Лестница вырвалась из рук, Ивонна глубоко вздохнула и закрыла глаза, прежде чем ее тело завалилось набок. Голова ее медленно опустилась на колышущийся пол. Она услышала, как удары сердца отдаются в барабанных перепонках, потом все кончилось.

На ней была короткая цветастая юбочка и хлопчатая блузка. В этот день ей исполнилось семь лет, папа держал ее за руку. Чтобы доставить ей удовольствие, он купил два билетика в кассе огромною деревянного колеса обозрения, и, когда предохранительная планка захлопнулась перед их кабинкой, она почувствовала себя такой счастливой, как никогда в жизни. Когда они оказались на самой высоте, папа указал пальцем вдаль. У него были чудесные руки. Охватив одним жестом крыши города, он сказал ей волшебные слова: «Отныне жизнь

принадлежит тебе, и не будет для тебя ничего невозможного, если ты действительно этого захочешь». Она была его гордостью, смыслом его существования, самым прекрасным, что он сделал в своей мужской жизни. И он взял с нее обещание, что она ничего не скажет матери, а то вдруг та почувствует легкую ревность. Она засмеялась, потому что знала, что папа любит маму так же крепко, как ее саму. Следующей весной холодным утром она бежала за ним по улице. Двое мужчин в темных костюмах уводили его из дома. И только в день ее десятилетия мать рассказала ей правду. Отец не уезжал в деловую поездку. Его арестовала французская полиция, и больше он не вернулся.

Все годы оккупации в маленькой каморке под лестницей, которая служила ей комнатой, маленькая девочка мечтала, что ее папе удалось бежать. Пока гадкие люди смотрели в другую сторону, он развязал свои путы и сломал стул, на котором его пытали. Собрав все свои силы, он скрылся через подzemелья комиссариата, куда пробрался через незапертую дверь. Потом он присоединился к Сопротивлению и уехал в Англию. И пока она и ее мать пытались выжить как могли в печальной Франции тех лет, он воевал рядом с генералом, который отказался сдаться. И каждое утро, просыпаясь, она представляла себе, как отец мечтает позвонить ей. Но в каморке, где они скрывались с матерью, не было телефона.

В день ее двадцатилетия в дверь позвонил офицер полиции. В то время Ивонна жила в однокомнатной квартирке над прачечной, где работала. Останки ее отца были найдены во рву в глубине леса Рамбуйе. Молодой человек был искренне смущен тем, что принес столь грустную весть, а еще больше тем, что по данным вскрытия пули, которые пробили ее отцу череп, вылетели из французского пистолета. Ивонна, улыбаясь, успокоила его. Он ошибся, ее отец, возможно, и умер, поскольку она не получала от него известий с конца войны, но похоронен где-то в Англии. Его арестовала полиция, но ему удалось бежать и добраться до Лондона. Полицейский собрал все свое мужество в кулак.

В кармане трупа были обнаружены документы, так что личность погибшего установлена и не вызывает сомнений.

Ивонна взяла бумажник, который протягивал ей инспектор, открыла пожелтевшее удостоверение с пятнами крови, погладила фотографию, все еще с улыбкой на лице. И, закрывая за полицейским дверь, она лишь сказала мягким голосом, что ее отец, наверно, обронил бумажник во время бегства. Кто-то подобрал его, вот и вся разгадка.

Она дождалась вечера, прежде чем достать письмо, которое лежало под кожаной подкладкой. Прочла его, повертела в пальцах маленький ключик от камеры хранения, который был вложен в него.

После смерти первого мужа Ивонна продала прачечную, которую в свое время выкупила ценой стольких часов ежедневного труда, что ни один из членов профсоюза, к которому она принадлежала, никогда бы не поверил, что такое возможно. В Кале она села на паром, который перевез ее через Ла-Манш, и однажды летом пополудни прибыла в Лондон с единственным чемоданом, в котором был весь ее багаж. Она пришла к большому зданию с белым фасадом в районе Южного Кенсингтона. Встав на колени у подножия дерева, отбрасывающего тень на площадь с автомобильным кругом, она руками выкопала ямку. Положила туда удостоверение с пятнами крови и прошептала: «Ну вот мы и добрались».

Когда полицейский спросил ее, что она делает, она выпрямилась, в слезах, и ответила:

– Я привезла отцу его документы. Мы не виделись с войны.

Ивонна пришла в себя и медленно поднялась. Сердце билось в нормальном ритме. Она вскарабкалась по лестнице и, оказавшись в зале, решила сменить фартук. Пока она завязывала новый на спине, зашла молодая женщина и присела за стойку. Она заказала рюмку алкоголя – самого крепкого, какой найдется. Ивонна оценила ее походку, налила ей стакан минеральной

воды и присела рядом.

Эния эмигрировала в прошлом году. Она нашла себе работу в одном из баров Сохо. Жизнь здесь была такой дорогой, что ей пришлось делить однокомнатную квартиру с еще тремя студентами, которые, как и она сама, перебивались случайными заработками то здесь, то там. Эния уже давно нигде не училась.

Южноафриканец, хозяин ресторана, который ее нанял, соскучился по родине и закрыл заведение. С тех пор она зарабатывала на пропитание в булочной по утрам, кассиршей в фаст-фуде в обеденное время и раздачей рекламных проспектов в конце дня. Без документов ее судьбой была неустроенность. За две недели она потеряла все свои приработки. Она спросила у Ивонны, нет ли для нее чего-нибудь: она могла бы подавать в зале и вообще не боится работы.

– Ты так пытаешься найти работу официантки – заказывая выпивку у стойки? – поинтересовалась Ивонна.

Сама она не имела возможности нанять кого бы то ни было, но пообещала девушке поспрашивать у других коммерсантов в квартале. Если что-нибудь подвернется, она даст знать. Пусть Эния заходит время от времени. Желая дополнить список своих достоинств, Эния вспомнила, что работала и в прачечной. Ивонна обернулась и внимательно на нее посмотрела. Помолчав несколько секунд, она объявила Энии, что в ожидании лучших времен та может иногда обедать или ужинать здесь; счет ей выставяться не будет при условии, что она никому об этом не скажет. Молодая женщина не знала, как ее благодарить. Ивонна заявила, что благодарить как раз не надо, и вернулась к своим кастрюлям.

* * *

В начале вечера Антуан уселся за столик в компании Маккензи, который не сводил с Ивонны зачарованных глаз. Он достал свой мобильник и послал Матиасу весточку: *Спасибо, что остался с детьми. Все ли в порядке?*

Ответ пришел незамедлительно: *Все ОК. Дети поужинали, чистят зубы, через 10 минут в постели.*

Через несколько мгновений пришло второе сообщение: *Можешь не торопиться, работай спокойно, я все сделаю.*

В зале кинотеатра «Фулхем» погас свет и начался фильм. Матиас отключил мобильник и сунул руку в пакет с попкорном, который протянула ему Одри.

* * *

Софи открыла дверцу холодильника и оглядела содержимое. На верхней решетке она обнаружила ярко-красные помидоры, выстроенные в таком идеальном порядке, что они напоминали батальон солдат времен Империи. Ломти нарезанного холодного мяса, сложенные аккуратнейшей стопкой и упакованные в целлофан, соседствовали с набором сыров, банкой огурчиков и стаканчиком майонеза.

Дети спали на втором этаже. Каждый получил свою сказку и свой поцелуй.

В одиннадцать часов в замке повернулся ключ, Софи оглянулась и увидела на пороге Матиаса с широкой улыбкой на лице.

– Тебе повезло, Антуан еще не вернулся, – заметила Софи, встречая его.

Матиас бросил бумажник в специальную вазочку для содержимого карманов, стоящую у

входа, по-дошел к Софи, поцеловал в щеку и спросил, как прошел вечер.

– Отбой на полчаса позже положенного, но таково право нянь, приглашенных тайно. У Луи какие-то неприятности, он был очень огорчен, но я так и не вытянула из него, в чем дело.

– Я займусь этим, – пообещал Матиас.

Софи потянула с вешалки свой шарф. Она обернула его вокруг шеи и указала в сторону кухни.

– Я приготовила там на тарелке ужин для Ан-туана. Я его знаю, он вернется с пустым животом.

Матиас подобрался поближе и захрустел огурчиком. Софи хлопнула его по руке.

– Я сказала «для Антуана»! Ты что, не ужинал?

– Времени не было, – признался Матиас, – я после кино бегом бежал: кто мог подумать, что фильм такой длинный.

– Надеюсь, дело того стоило? – насмешливо спросила Софи.

Матиас посмотрел на ломтики холодного мяса, разложенные на тарелке.

– Везет некоторым!

– Ты голоден?

– Нет, беги, тебе лучше уйти до его возвращения, а то он что-нибудь заподозрит.

Матиас приподнял прозрачную крышку с блюда с сыром, взял кусочек «грюйера» и сжевал его без особого аппетита.

– Ты поднималась на второй этаж? Антуан там все переделал на моей половине. Как тебе новая обстановка? – спросил он с полным ртом.

– Симметрично! – ответила Софи.

– Что значит «симметрично»?

– Это значит, что ваши комнаты абсолютно похожи, даже лампы на ночных столиках одинаковые, просто смешно.

– Не вижу, что в этом смешного, – возразил задетый Матиас.

– Было бы неплохо, если б где-нибудь в этом доме нашлось место, где «у тебя» означало бы «у тебя», а не «я живу у моего друга»!

Софи надела пальто и вышла на улицу. Ночной холод тут же пробрал ее насквозь, она поежилась и зашагала. Ветер гулял по Олд Бромптон-роуд. Лисица – в городе их было множество – какое-то время бежала в нескольких метрах от нее под прикрытием решетки парка Онслоу-Гарден. На Бьют-стрит Софи увидела «остин» Антуана, припаркованный перед бюро. Ее рука легко коснулась кузова, она подняла голову и несколько мгновений глядела на освещенные окна. Потом плотнее запахнула шарф и продолжила свой путь.

Зайдя в мансарду, расположенную в нескольких кварталах, она не стала зажигать свет. Джинсы соскользнули с ног, она оставила их комом лежать на полу, отбросила свитер и тут же забралась в постель; листья платана, которые она видела через маленькое окошко в потолке над своей кроватью, серебрились з свете луны. Она повернулась на бок, обняла подушку и стала ждать, когда придет сон.

* * *

Матиас поднялся по лестнице и приложил ухо к двери комнаты Луи.

– Ты спишь? – прошептал он.

– Да! – ответил мальчик.

Матиас повернул ручку, и лучик света протянулся ло кровати. Он зашел на цыпочках и

улегся рядом.

– Давай поговорим об этом, хочешь?" – спросил он. Луи не ответил. Матиас попробовал приподнять краешек одеяла, но ребенок плотно завернулся в него и держал изо всех сил.

– Знаешь, иногда это совсем не смешно, то, что ты делаешь, иногда это очень даже противно!

– Расскажи хоть что-то, старина, – попросил Матиас ласково.

– Мне из-за тебя влетело.

– Что я такого сделал?

– А ты как думаешь?

– Это из-за записки мадам Морель?

– А что, ты многим учительницам написал? Тогда можешь мне объяснить, почему именно моей ты сказал, что ее губы сводят тебя с ума?

– Она тебе прочла? Вот гадость!

– Она сама гадкая!

– Э нет, ты не должен так говорить! – возмутился Матиас.

– Почему это не должен? Скажешь, она не гадкая, эта пингвина-Северина?

– Какая еще Северина? – с беспокойством спросил Матиас.

– У тебя что, память отшибло? – в ярости высунул голову из-под одеяла Луи. – Это моя учительница! – прокричал он.

– Да нет... ее зовут Одри, – убежденно заявил Матиас.

– С твоего позволения, я все-таки лучше знаю, как зовут мою учительницу.

Матиас был совершенно уничтожен, а Луи всерьез заинтересовался личностью этой загадочной Одри.

Крестный живописал в мельчайших деталях образ молодой женщины с прелестным чуть надтреснутым голосом. Луи посмотрел на него с глубокой грустью.

– Это у тебя в голове что-то надтреснуло, потому что твоя Одри – журналистка, которая готовит репортаж о нашей школе.

И поскольку Луи замолчал, Матиас закончил за него:

– Вот дерьмо!

– Точно, и ты сам нас в него посадил, должен тебе напомнить! – добавил Луи.

Матиас сказал, что он лично перепишет сто раз строчку «я никогда больше не буду грубить учительнице» и подделает подпись Антуана под замечанием в дневнике, в обмен на это Луи обязуется хранить молчание об инциденте. После некоторого раздумья мальчик решил, что торг недостаточно выгоден. Вот если крестный добавит два последних альбома «Кельвин и Хоббес», возможно, у него появится желание повторно рассмотреть поступившее предложение. Договоренность была достигнута в одиннадцать часов тридцать пять минут, и Матиас покинул комнату.

Он едва успел забраться под одеяло, как вернулся Антуан и стал подниматься по лестнице. Заметив полоску света, он постучал и зашел, не дожидаясь ответа.

– Спасибо за тарелку с ужином, – сказал Антуан, явно растроганный.

– Не за что, – зевая ответил Матиас.

– Не следовало так беспокоиться, я же сказал, что поужинаю с Маккензи.

– Я забыл.

– Все в порядке? – спросил Антуан, вглядываясь в друга.

– Все просто потрясающе!

– Ты какой-то странный, нет?

– Просто устал. Я боролся со сном, дожидаясь тебя.

Антуан поинтересовался, все ли нормально с детьми.

Матиас сказал, что заходила Софи, и они провели вечер вместе.

– Вот как? – отреагировал Антуан.

– Тебя это не смущает?

– Нет, почему это должно меня смущать?

– Не знаю, ты какой-то странный.

– Значит, все прошло хорошо? – продолжал настаивать Антуан.

Матиас попросил говорить тише, дети спят. Антуан пожелал ему доброй ночи и ушел.

Тридцать секунд спустя он вновь приоткрыл дверь и посоветовал другу снять плащ перед сном, дождя сегодня больше не будет. В ответ на удивленный взгляд Матиаса он заметил, что воротник плаща высовывается из-под одеяла, и закрыл за собой дверь без дополнительных комментариев.

Антуан зашел в ресторан с большой папкой для рисунков под мышкой. За ним следовал Маккензи, таща подставку, которую и водрузил посреди зала.

Ивонне было предложено сесть за столик и оценить проект обновления зала и бара. Инженер расставил эскизы на мольберте, а Антуан принялся излагать подробности.

Счастливый тем, что наконец-то нашел способ завладеть вниманием Ивонны, Маккензи демонстрировал картинки, при каждом удобном случае присаживаясь рядом с ней, то чтобы показать каталог осветительных приборов, то чтобы вместе просмотреть пробники цветов.

Ивонна пребывала в полном восторге, но, хотя Антуан и остерегся показывать ей полную смету, она уже подозревала, что это предприятие намного превышает ее финансовые возможности. Когда показ завершился, она поблагодарила за проделанную работу и попросила неподражаемого Маккензи оставить ее наедине с Антуаном: ей необходимо побеседовать с ним конфиденциально. Маккензи, чье чувство реальности временами оставило его близких в полном недоумении, сделал из этого вывод, что Ивонна, потрясенная взлетом его творческих способностей, желает немедленно обсудить с патроном то глубокое волнение, которое он, Маккензи, пробудил в ней.

Зная, что с Антуаном ее связывает нерушимое взаимопонимание, лишенное всякой двусмысленности, он собрал подставку, папку с эскизами и удалился, не преминув стукнуться об угол стойки первый раз и о дверной косяк во второй. Когда в зале вновь воцарилось спокойствие, Ивонна положила свои руки на руки Антуана. Маккензи подглядывал за этой сценой, привстав на цыпочки за окном витрины, и рухнул на колени, заметив волнение в глазах Ивонны... Дело двигалось в нужном направлении!

– Это замечательно, то, что вы сделали. Я просто не знаю, что сказать.

– Достаточно будет, если ты выберешь наиболее удобный для тебя уик-энд, – ответил Антуан. – Я все устроил так, чтобы тебе не пришлось закрывать ресторан на неделю. Рабочие придут в субботу утром, и к вечеру воскресенья все будет закончено.

– Милый мой Антуан, у меня нет ни одного свободного гроша, чтобы оплатить хотя бы краску для стен, – проговорила она дрогнувшим голосом.

Антуан пересел на другой стул, поближе к ней. Он объяснил, что подвалы его бюро забиты банками с краской и прочими строительными атрибутами, оставшимися после других строек. Маккензи разработал проект обновления ее ресторана, исходя из подручных материалов, которые только загромождают их подсобки. Кстати, именно отсюда и взялся несколько барочный стиль, но сейчас это последний писк. Во всяком случае, в его бюро. А когда он добавил, что она не представляет, какую услугу ему окажет, избавив от всего этого барахла, глаза Ивонны затуманились. Антуан обнял ее.

– Перестань, Ивонна, а то я тоже заплачу; и потом, деньги здесь ни при чем, это просто в радость, и тебе, и, главное, всем нам. Ведь мы обедаем у тебя каждый день, так что мы первые получим удовольствие от новой обстановки.

Она вытерла щеки и попеняла ему за то, что он заставил ее расплакаться, как девчонку.

– Ты еще расскажи мне, что те красные светильники, которые Маккензи показывал мне в своем новеньком каталоге, тоже остатки от какой-то стройки.

– Это образцы, которые присылают нам поставщики! – нашелся Антуан.

– Как же ты не умеешь врать!

Ивонна обещала подумать, Антуан настаивал, они уже подумали за нее. Они начнут работы через несколько недель.

– Антуан, почему ты это все делаешь?

– Потому что это доставляет мне удовольствие. Ивонна заглянула ему в глаза и вздохнула:

– Тебе еще не надоело заниматься всеми на свете? Когда ты наконец решишься сбросить с плеч бочку, которую упорно тащишь?

– Когда допью ее до конца.

Ивонна наклонилась и взяла его руки в свои:

– Неужели ты думаешь, милый мой Антуан, что люди ценят тебя потому, что ты оказываешь им услуги? Я не буду любить тебя меньше оттого, что мне придется самой заплатить за свой ремонт.

– Некоторые из моих знакомых отправляются на другой конец света, чтобы делать добро людям; я же стараюсь делать, что могу, для тех, кого люблю и кто рядом.

– Ты хороший человек, Антуан, перестань наказывать себя за то, что Карина уехала.

Ивонна поднялась.

– Итак, если я соглашусь на ваш проект, мне нужна смета! Это ясно?

Выйдя на тротуар, чтобы вылить ведро в водосточный желоб, Софи удивилась, заметив Маккензи, стоящего на коленях перед витриной ресторана Ивонны, и спросила, не нужна ли ему помощь. Инженер подскочил, заверил, что у него просто развязался шнурок, но все уже в порядке. Софи глянула на пару старых мокасин у него на ногах, пожала плечами и вернулась к себе.

Маккензи снова зашел в зал. У него были некоторые сомнения насчет светильников, которые он показывал Ивонне, и это его очень беспокоило. Она подняла глаза к небу и отправилась на кухню.

* * *

У мужчины были черные ногти, а изо рта несло прогорклым маслом от всех *fish and chips* [15], которыми он обедался в течение дня. Сидя за стойкой этой мерзкой гостиницы, он разглядывал похотливыми глазками вторую страницу «*San*» [16]. Как и в каждом номере, там располагалась фотография почти обнаженной анонимной красотки в недвусмысленной позе.

Эния толкнула дверь и подошла к нему. Не поднимая глаз от фотографии, он удовольствовался тем, что грубым голосом осведомился, на сколько часов ей понадобится комната. Девушка спросила, сколько будет стоять неделя проживания, денег у нее не много, но она обещает вносить плату каждый день. Мужчина отложил газету и посмотрел на нее. Она неплохо выглядела. Поджав губы, он объяснил, что его заведение подобных услуг не оказывает, но он может ее выручить... так или иначе, всегда есть возможность договориться. Когда он положил руку ей на шею, она вlepила ему пощечину.

Эния шла, опустив плечи и испытывая ненависть к этому городу, где ей не хватало всего. Сегодня утром хозяин квартиры выгнал ее, потому что она уже месяц не платила ему.

В одинокие вечера, а их было много, Эния вспоминала теплый песок, который она пересыпала в ладонях, когда была ребенком, – ее пальцы помнили песчинки.

Странная судьба выпала Энии: подростком, которому не хватало решительно всего, она мечтала хоть раз, хоть когда-нибудь понять, что значит слово «слишком», и вот сегодня это было действительно слишком.

Она подошла к бортику тротуара и посмотрела на автобус с империалом, который на большой скорости катил по улице; мостовая была мокрой, достаточно одного шага, всего одного маленького шажка. Она глубоко вздохнула и бросилась вперед.

Твердая рука схватила ее за плечо и заставила качнуться назад. Мужчина, который держал ее, имел вид джентльмена. Эния дрожала всем телом, как в детстве, когда болела малярией. Он сбросил свое пальто и накинул ей на плечи. Автобус остановился, водитель ничего не заметил. Мужчина поднялся в салон вместе с ней. Они ехали по городу, не говоря друг другу ни слова. Он пригласил ее выпить с ним чаю и поужинать. Сидя рядом с камином в старом английском пабе, он не торопясь выслушал всю ее историю.

Когда они расставались, он не дал ей поблагодарить себя; в этом городе было принято приглядывать за пешеходами, переходящими улицу. Движение здесь правостороннее, не такое, как во всей остальной Европе, и множество несчастных случаев были предотвращены благодаря толике гражданского чувства. Эния снова смогла улыбнуться. Она спросила его имя, он ответил, что имя значится на визитной карточке в кармане пальто, которое он с удовольствием оставит ей. Она стала отказываться, но он заверил, что она окажет ему тем самым огромную услугу. Он ненавидел это пальто, а жена обожала, поэтому, если он просто забудет его на вешалке... она его быстро простит. Конечно, если Эния пообещает, что никому не скажет. Мужчина исчез так же незаметно, как и появился. Чуть позже, когда она сунула руки в карманы пальто, то не нашла никакой визитной карточки, а только несколько банкнот, которые позволили ей ночевать в тепле, пока не найдется выход из нынешнего положения.

* * *

Матиас проводил клиента и подбежал к прилавку, где звонил телефон.

– французский книжный магазин, слушаю?

Матиас попросил своего собеседника говорить помедленнее, иначе он ничего не мог разобрать. У мужчины на том конце провода это вызвало некоторое раздражение, но он повторил, стараясь произносить как можно отчетливей. Он хотел заказать семнадцать полных комплектов «Ларусса». Он хотел преподнести подарок каждому из своих внуков, чтобы те выучили французский.

Матиас от души поздравил его. Это была прекрасная и щедрая идея. Клиент поинтересовался, можно ли оформить заказ прямо сейчас, а оплатит он сегодня же, но чуть позже. Матиас, вне себя от радости, взял ручку, стопку бумаги и начал записывать данные того, кто обещал стать, без сомнения, самым крупным его клиентом за этот год. Только по-настоящему крупная сделка могла оправдать упорство, с которым он пытался разобрать совершенно невозможную тарабарщину. Матиас понимал максимум одну фразу из двух, произнесенных его собеседником, и никак не мог определить странный акцент.

– А куда вы желаете, чтобы мы доставили книги? – осведомился он искусственным голосом, призванным выразить все почтение к столь важному клиенту.

– В твою задницу! – с хохотом ответил Антуан.

Согнувшись пополам в своем бюро, Антуан с огромным трудом скрывал от сотрудников неудержимые спазмы смеха и слезы, текущие по щекам. Вся его команда наблюдала за ним. На другой стороне улицы Матиас, вцепившись в край прилавка и охваченный таким же приступом хохота, пытался втянуть в себя воздух.

– Отведем детей в ресторан сегодня вечером' – спросил Антуан икая.

– У меня работы до дури, я собирался вернуться попозже.

– Брось, я ж тебя вижу из окна, в магазине ни души. Ладно, я заберу детей из школы, сегодня вечером я готовлю фрикадельки, а потом посмотрим фильм.

Дверь книжного магазина открылась, и Матиас сразу же узнал мистера Гловера. Он

положил трубку на прилавок и пошел ему навстречу. Хозяин огляделся вокруг. Полки были в идеальном порядке, старая деревянная стремянка натерта воском.

– Браво, Попино, – заметил он, приветствуя Матиаса. – Я зашел просто так и ни в коем случае не собирался вас беспокоить, теперь вы здесь у себя. Мне нужно было в город, чтобы уладить кое-какие текущие дела. Я поддался порыву ностальгии и решил нанести вам визит.

– Месье Гловер, – настойчиво попросил Матиас, – перестаньте называть меня Попино!

Старый книготорговец посмотрел на стойку для зонтов у входа, безнадежно пустую. Точно выверенным жестом он опустил туда свой зонтик.

– Я вам дарю его. Желаю приятного дня, Попино. Мистер Гловер вышел из книжного магазина. Он оказался прав: солнце проглянуло из-за туч, и тротуары Бьют-стрит блестели и переливались под его лучами. Это был приятный день.

Матиас услышал, как Антуан кричит в трубку, лежащую на прилавке. Он поднес ее к уху:

– Договорились насчет фрикаделек. Забери детей, а я присоединюсь к вам дома.

Эмили слезла с дивана, чтобы поцеловать отца.

– Сними уже свой плащ, с тебя капает на пол! – крикнул Антуан из кухни.

– Добрый вечер, – ответил Матиас угрюмо.

Он взял тряпку и промокнул волосы. Антуан возвел глаза к небу. Не желая вступать в очередную семейную перепалку, Матиас пошел к детям.

– За стол! – объявил Антуан.

Все расселись за столом, центр которого занимало блюдо с ужином. Матиас уставился на отварной рис.

– Мне кажется, речь шла о фрикадельках?

– Да, в восемь пятнадцать речь шла о фрикадельках, но в девять пятнадцать они сгорели.

Луи наклонился к его уху и спросил, не может ли крестный почтее опаздывать, когда папа соберется готовить фрикадельки, потому что он их терпеть не может. Матиас прикусил себе язык, чтобы не рассмеяться.

– А в холодильнике есть что-нибудь еще?

– Есть лосось, но целая рыбина, ее надо варить. Матиас, насвистывая, открыл холодильник.

– Нет ли у тебя пакетиков для заморозки? Озадаченный Антуан ткнул пальцем в полку над ним. Матиас положил лосося на разделочную доску, приправил, уложил ее в пластиковый пакет и застегнул молнию. Потом открыл посудомоечную машину, пристроил упакованную таким образом рыбу в корзинку для стаканов и захлопнул дверцу. Установил стрелку и подошел к раковине ополоснуть пальцы.

– Ставим на короткий помыв – и через десять минут будет готово!

Десять минут спустя на глазах оторопевшего Антуана он открыл посудомоечную машину и в облаке пара вытащил оттуда замечательно проваренного лосося.

По пятой программе в очередной раз показывали «Большую прогулку», Матиас развернул свой стул, чтобы лучше видеть, Антуан взял пульт и выключил экран.

– Никакого телевизора за столом, иначе мы вообще не будем разговаривать!

Матиас скрестил руки на груди и уперся взглядом в друга:

– Я тебя слушаю!

На несколько минут воцарилась тишина. С удовлетворенным видом, который он даже не пытался скрыть, Матиас в свою очередь взял пульт и снова включил телевизор. Закончив ужин, все устроились на диване, – все, кроме Антуана... который убирался на кухне.

– Ты уложишь детей? – спросил он, вытирая блюдо.

– Досмотрим до конца и пойдем наверх, – ответил Матиас.

– Я видел этот фильм тридцать два раза, там еще на час, уже поздно, вот если б ты пришел

раньше... Делай что хочешь, но Луи отправляется в постель.

Эмили, которая часто проявляла большую зрелость характера, чем двое взрослых, придиравшихся друг к другу с самого начала вечера, решила, что приятность атмосферы вполне способствует тому, чтобы она отправилась спать одновременно с Луи. Солидарность – великая сила, так что она взяла приятеля за руку и поплелась вверх по лестнице.

– Ты действительно зануда! – бросил Матиас, глядя, как дети исчезают за дверями своих комнат.

Он в свою очередь поднялся наверх, не дав Антуану рта раскрыть.

Матиас спустился через десять минут.

– Зубы почищены, руки вымыты, уши я оставил без внимания, но мы решили, что посмотрим фильм, когда его будут показывать завтра днем!

Антуан подошел к нему.

– Очень важно, чтобы в присутствии детей мы проявляли единодушие, – примирительным тоном начал он.

Не говоря ни слова, Матиас достал сигару из кармана пиджака и щелкнул зажигалкой. – Чем ты занят? – спросил Антуан.

– Раскуриваю «Монте-Кристо Спесиаль» № 2, сожалею, но у меня только одна сигара.

Антуан вытащил сигару у него из рта.

– Правило номер четыре: ты не куришь в доме! – произнес он, обнюхивая верхний лист.

Матиас отобрал у Антуана сигару и вышел, безнадежно вздохнув, в сад. Антуан направился в противоположном направлении, устроился за своим письменным столом, включил компьютер, вздохнул и присоединился к Матиасу. Когда он присел на маленькую скамейку рядом с ним, Матиас уже собрался заявить ему, что прекрасно понимает, почему мать Луи уехала жить в такую даль, как Африка. Но дружба, которая связывала двух мужчин, взаимно гарантировала их от ударов ниже пояса.

– Ты прав, наверно, я зануда, – сказал Антуан. – Но это сильнее меня.

– Ты просил меня заново научить тебя жить, помнишь? Поэтому начни с того, что расслабься. Ты придаешь слишком много значения вещам, которые особого значения не имеют. Ну что такого произошло бы, если б сегодня Луи лег спать попозже?

– Завтра в школу он пошел бы невыспавшийся!

– Ну и что? Тебе не кажется, что иногда воспоминание о хорошем вечере из детства стоит всех уроков истории, вместе взятых?

Антуан с понимающим видом глянул на Матиаса. Взял сигару у того из рук, раскурил ее и сделал глубокий вдох.

– Ключи от машины при тебе? – спросил Матиас.

– А что?

– Она плохо припаркована, тебя оштрафуют.

– Я завтра уеду очень рано.

– Дай-ка мне ключи, – протянул руку Матиас, – я ее переставлю как следует.

– Но я же говорю тебе, что ночью это не опасно.

– А я тебе говорю, что на сегодняшний вечер ты исчерпал свою квоту на «нет».

Антуан протянул связку ключей другу. Матиас хлопнул его по плечу и ушел.

Оставшись один, Антуан сделал еще одну затяжку, и алый кончик сигары потух под порывом проливного дождя, столь же неожиданного, сколь и сильного.

Ряды кресел уже пустели. Одри прошла по центральному проходу и представилась офицеру безопасности, который охранял проход за кулисы. Она показала свою карточку прессы, он сверил имя со списком и, поскольку ее ждали, отодвинулся, освобождая ей дорогу.

* * *

Стеклоочистители «остина» сгоняли с ветрового стекла капли мелкого дождя. Вспоминая дорогу, по которой он ехал в такси, Матиас поднялся по Куинз-Гейт, пристраиваясь за другими машинами, чтобы не ошибиться в направлении движения. Он припарковался у тротуара на Роял-Альберт-Холл и взбежал по ступенькам.

* * *

Антуан высунулся в окно. На улице было два свободных места для парковки – одно перед самым домом, другое чуть подальше. Не поверив глазам своим, он выключил свет и пошел спать.

* * *

Площадь у театра была пустынна, толпа рассеялась. Припозднившаяся пара подтвердила Матиасу, что концерт закончился полчаса назад. Он пошел обратно к «остину» и обнаружил штрафную квитанцию, приклеенную на лобовое стекло. Услышал голос Одри и обернулся.

Она была обворожительна в вечернем платье, сопровождавший ее мужчина лет пятидесяти выглядел прекрасно. Она представила Альфреда Матиасу и заявила, что они оба будут рады, если Альфред поужинает с ними. Они собираются в ресторанчик «Обен», там кухня работает допоздна. Вообще-то Одри хотела пройти пешком, поэтому лучше бы Матиас поехал на машине вперед, а то столики перед закрытием нарасхват, придется ждать. Теперь его черед! Она же выстояла очередь в кассу за билетами...

К концу вечера Матиас знал о спиричуэле и об Альфреде, наверное, больше, чем его импресарио. Певец поблагодарил Матиаса за приглашение на ужин. Это самое меньшее, что он мог сделать, ответила за Матиаса Одри, в благодарность за удовольствие, которое доставил ему концерт... Альфред откланялся, ему пора было уходить, завтра он должен петь в Дублине.

Матиас подождал, пока такси завернет за угол. Затем посмотрел на Одри, которая весь вечер была молчалива.

– Я устала, Матиас, а мне еще ехать через весь Лондон. Спасибо за этот ужин.

– Ты позволишь мне по крайней мере тебя отвезти?

– В Брик-Лэйн... на машине?

И пока они ехали, разговор ограничивался короткими указаниями, которые давала Одри. В старом кабриолете молчание прерывалось только ради «направо», «налево», «прямо» и иногда «ты едешь не по той стороне». Он высадил ее перед маленьким домиком из красного кирпича.

– Мне действительно очень жаль, что так получилось сегодня, я как дурак влип в пробку, – сказал Матиас, выключая мотор.

– Я тебя ни в чем не упрекаю, – заметила Одри.

– В любом случае, этим вечером что я был, что меня не было... – продолжил Матиас, улыбаясь. – За ужином ты мне едва пару слов сказала; если бы биография этого

самовлюбленного тенора была так же интересна, как жизнь Моисея, ты и тогда не могла бы больше увлечься его рассказами – ты просто впитывала каждое слово. А у меня сложилось ощущение, что мне четырнадцать лет и меня поставили на весь вечер в угол.

– Ты ведь ревнуешь? – спросила Одри, развеселившись.

Они пристально посмотрели друг на друга, их лица потихоньку сближались, и, когда губы их соприкоснулись в намеке на поцелуй, она наклонила голову и положила ее на плечо Матиаса. Он погладил ее щеку и сжал в объятиях.

– Ты найдешь обратную дорогу? – проговорила она приглушенным голосом.

– Обещай, что приедешь за мной на штрафную стоянку до того, как меня заметут окончательно.

– Катись, я позвоню тебе завтра.

– Не могу катиться, ты же еще в машине, – ответил Матиас, задерживая ее руку в своей.

Она открыла дверцу и ушла, продолжая улыбаться. Матиас поехал обратно в центр города; опять припустил дождь. После того как он пересек Лондон с востока на запад, а потом с севера на юг, он дважды оказался на площади Пикадилли-Сиркус, повернул обратно перед Марбл-Арч и чуть позже задался вопросом, как получилось, что он опять едет вдоль Темзы. Когда стрелка часов перевалила за половину третьего, он пообещал двадцать фунтов стерлингов водителю такси, если тот согласится поехать впереди его в Южный Кенсингтон. В сопровождении эскорта он добрался до пункта назначения, еще и трех часов ночи не было.

На столе, приготовленном к завтраку, уже стояли каши и баночки с джемом. Подражая отцу, Луи читал газету, пока Эмили повторяла домашнее задание по истории. С утра у них должна быть контрольная. Она подняла глаза от учебника и увидела, что Луи нацепил на нос очки, которые иногда надевал Матиас. Щелчком она запустила в него хлебный шарик. На втором этаже открылась дверь, Эмили соскочила со стула, открыла холодильник и достала бутылку апельсинового сока. Налила сок в большой стакан и поставила его перед прибором Антуана, потом включила кофеварку и налила чашку. Луи отложил в сторону прессу, чтобы прийти ей на помощь: он вставил два ломтика хлеба в тостер, нажал на кнопку, и оба вернулись к столу и уселись как ни в чем не бывало.

Антуан спускался по лестнице, досматривая на ходу последний сон; оглядевшись вокруг, он поблагодарил детей за приготовленный завтрак.

– Это не мы, – сказала Эмили, – это папа, он поднялся обратно в душ.

Ошарашенный Антуан взял тосты и уселся на свое место. Матиас спустился через десять минут и посоветовал Эмили поторопиться. Девочка поцеловала Антуана и взяла свой ранец, лежащий у входа.

– Хочешь, я отведу Луи? – предложил Матиас.

– Да, если можешь; я представления не имею, в какой стороне припаркована моя машина.

Матиас порылся в кармане пиджака, выложил ключи и штрафную квитанцию.

– Мне очень жаль, вчера я вышел слишком поздно, ты уже влетел!

Он сделал Луи знак поторопиться и вышел вместе с детьми. Антуан взял квитанцию и внимательно ее изучил. Штраф был выписан за неправильную стоянку в зоне, предназначенной исключительно для пожарных машин, данное правонарушение имело место на Кенсингтон-Хай-стрит в ноль двадцать пять.

Он встал налить себе еще чашечку кофе, глянул на часы, встроенные в плиту, и помчался на второй этаж собраться.

* * *

– Не очень трусишь перед контрольной? – спросил Матиас у дочери, заходя на школьный двор.

– Она или ты? – с хитрой усмешкой поинтересовался Луи.

Эмили успокоила отца, покачав головой. Она остановилась на линии, означавшей границу баскетбольной площадки. Красная полоса в данном случае отмечала не штрафную зону, а тот предел, за которым отец обязан был предоставить дочери свободу. Ее школьные товарищи уже ждали ее на галерее. Матиас заметил настоящую мадам Морель, которая стояла, прислонившись к дереву.

– Мы отлично сделали, что в эти выходные повторили пройденное, ты теперь придешь одной из первых, – заявил Матиас бодрым, как он полагал, тоном.

Эмили решительно встала перед отцом.

– Это не гонки «Формулы-1», папа!

– Я знаю... но ведь все равно тянет занять место на пьедестале, верно?

Девочка ушла в сопровождении Луи, оставив отца одного посередине школьного двора. Он посмотрел, как дочка исчезает за дверью класса, и с тяжелым сердцем пошел прочь.

Выйдя на Бьют-стрит, он заметил Антуана, устроившегося на террасе «Кофе Шопа», и присел рядом.

– Как ты думаешь, должна ли она выдвинуть свою кандидатуру, когда будут выбирать старосту класса? – поделился сомнениями Матиас, отхлебывая капуччино из чашки Антуана.

– Это зависит от того, собираешься ли ты ввести ее в состав городского совета, я не сторонник совместительства.

– Вы не хотите дождаться каникул, чтобы собачиться на свободе? – в сердцах спросила Софи, присоединяясь к ним.

– Никто здесь не собачится, – тут же возразил Антуан.

Бьют-стрит оживала, и все трое наслаждались этим в полной мере, сдабривая свой завтрак едкими замечаниями относительно прохожих, так что мелкие гадости сыпались одна за другой.

Софи пришлось их покинуть: два клиента уже топтались у дверей ее заведения.

– Я тоже пошел, пора открывать магазин, – сказал Матиас, поднимаясь. – Не трогай счет, я угощаю.

– У тебя появился кто-то другой? – спросил Антуан.

– Ты не мог бы уточнить, что ты имеешь в виду под «кем-то другим»? Клянусь, я действительно начинаю за тебя беспокоиться!

Антуан вытащил счет из рук Матиаса и вложил вместо него штрафную квитанцию, которую тот вручил ему на кухне.

– Ничего, забудь, это просто смешно, – проговорил Антуан грустным голосом.

– Вчера вечером мне захотелось подышать воздухом, а то атмосфера в доме немного давила мне на нервы. Что не так, Антуан? У тебя физиономия вытянулась до колен, и так со вчерашнего вечера.

– Я получил мейл от Карины, она не сможет забрать сына на пасхальные каникулы. Самое паршивое – она хочет, чтобы именно я объяснил Луи, почему она вынуждена так поступить, а я даже не знаю, как сообщить ему эту новость.

– А ей ты что сказал?

– Карина спасает мир, что ты хочешь, чтобы я ей сказал? Луи будет жутко расстроен, а мне со всем этим разбираться, – продолжил Антуан дрожащим голосом.

Матиас снова сел рядом с Антуаном. Он положил руку на плечо друга, потом прижал его к себе.

– У меня есть идея, – сказал он. – А если на пасхальные каникулы мы повезем детей охотиться за привидениями в Шотландию? Я читал большую статью об организованных турах, с посещением старинных замков с призраками.

– А тебе не кажется, что они еще слишком малы и могут действительно испугаться, а?

– Это ты перепугаешься до смерти.

– А ты сможешь освободиться с твоим магазином?

– Во время школьных каникул клиентов мало, я закрою всего на пять дней, мир от этого не перевернется.

– Откуда ты можешь знать про клиентов, ты же никогда здесь не был в это время?

– Знаю, и все. Я займусь билетами и заказом гостиниц. А ты сегодня вечером объявишь об этом детям.

Он мельком глянул на Антуана, ровно для того, чтобы убедиться, что на его лице снова появилась улыбка.

– Да! Я забыл о важной детали. Если мы действительно набредем на привидение, разбираться с ним будешь ты, мой английский еще недостаточно хорош! До скорого!

Матиас положил квитанцию на стол и на этот раз в самом деле отправился в магазин.

Когда во время ужина Антуан под заговорщицким взглядом Матиаса объявил детям о том, в каком направлении они собираются двинуться на каникулы, Эмили и Луи пришли в такой восторг, что немедленно принялись составлять список снаряжения, необходимого для того, чтобы достойно встретить любую опасность. Апогеем этого счастья стал момент, когда Антуан положил перед ними два одноразовых фотоаппарата, снабженных специальной вспышкой для освещения саванов.

Когда дети улеглись, Антуан зашел в комнату сына и вытянулся на кровати рядом с ним.

Антуан оказался в большом затруднении и должен был поделиться с Луи проблемой, которая его беспокоила: мама не сможет поехать с ними в Шотландию. Он поклялся ничего не говорить, но делать нечего: истина заключается в том, что она до обморока боится привидений. Было бы не очень хорошо навязывать ей подобное путешествие. Луи на минуту задумался над вопросом и признал, что да, это было бы действительно не очень хорошо. Тогда они пообещали друг другу, что в качестве извинения за то, что в этот раз они ее покидают, Луи проведет весь август вместе с ней на берегу моря. Антуан рассказал вечернюю сказку, и, когда ровное дыхание мальчика не оставляло больше сомнений, что ребенок погрузился в сон, его папа на цыпочках вышел из комнаты.

В тот момент, когда Антуан тихонько закрывал за собой дверь, он услышал, как сын едва слышным голосом спросил: а правда ли в августе мама вернется из Африки?

Неделя для Антуана и Матиаса промелькнула очень быстро, а вот для детей, которые считали дни, отделявшие их от шотландских замков, она тянулась куда медленнее. Жизнь в доме отныне приобрела свои точки отсчета. И даже если Матиас по вечерам часто выходил в сад подышать воздухом, не отрывая при этом мобильного от уха, Антуан воздерживался от каких-либо вопросов.

На субботу выпал настоящий весенний день, и было решено отправиться на прогулку к озеру в Гайд-парке. Присоединившаяся к ним Софи безуспешно пыталась приманить цаплю. К великому удовольствию детей, пернатое удалялось, едва Софи пыталась приблизиться, и возвращалось, стоило той отойти.

Пока Эмили щедрой рукой кормила канадских гусей печеньем, тщательно измельченным для этой цели, Луи взял на себя миссию спасти уток-мандаринок от верного несварения желудка и потому гонял их нещадно. Всю прогулку Софи и Антуан шли рядышком, а Матиас следовал за ними по пятам.

– Ну, что происходит с чувствами мужчины твоих писем? – осведомился Антуан.

– Все так сложно, – отвечала Софи.

– А ты хоть раз видела простую любовную историю?... Можешь мне признаться, я твой лучший друг и не буду тебя осуждать – он женат?

– Разведен!

– Тогда что его удерживает?

– Воспоминания, полагаю.

– Да, бывают такие трусы. Шаг вперед, два назад, одни отговорки с извинениями, и всегда находят весомый предлог, чтобы запретить себе жить сегодняшним днем.

– Из твоих уст, – возразила Софи, – это звучит слишком сурово, не находишь?

– Ты несправедлива, как мне кажется. Я занимаюсь работой, которую люблю, воспитываю сына, его мать уехала уже пять лет назад, и мне кажется, я сделал все необходимое, чтобы повернуться к прошлому спиной.

– Поселившись с лучшим другом и влюбившись в губку? – подхватила Софи со смехом.

– Перестань, не превращай это в притказку.

– Ты мой лучший друг, и я имею право говорить тебе все. Посмотри мне в глаза и посмей сказать, что ты заснешь спокойно, если у тебя не убрано на кухне?

Антуан взъерошил волосы Софи:

– Ты просто гадюка!

– Нет, это ты просто маньяк!

Матиас замедлил шаг. Посчитав, что его отделяет достаточное расстояние, он спрятал мобильник в ладони и написал послание, которое тут же отослал.

Софи взяла Антуана под руку:

– Спорим, что не пройдет и тридцати секунд, как Матиас, снова прилепится к нам на закорки.

– Что ты выдумываешь, он ревнует?

– К нашей дружбе? Конечно, – продолжила Софи, – ты разве не замечал? Когда он жил в Париже и звонил мне по вечерам, чтобы узнать, как у меня дела...

– Он звонил тебе по вечерам, чтобы узнать, как у тебя дела? – прервал ее Антуан.

– Ну да, раза два-три в неделю, так вот, я тебе говорила, что, когда он мне звонил, чтобы узнать, как у меня дела...

– Он правда звонил тебе каждые два дня? – снова перебил ее Антуан.

– Я могу закончить фразу?

Антуан кивнул, разрешая. Софи продолжила:

– Если я ему говорила, что не могу разговаривать, потому что у меня на другой линии ты, он перезванивал каждые десять минут, чтобы проверить, закончили мы или нет.

– Но это же абсурд, ты уверена?

– Ты мне не веришь? Если я положу голову тебе на плечо, спорю, он появится меньше чем через две секунды.

– Но это же смешно, – прошептал Антуан, – почему он должен ревновать к нашей дружбе?

– Потому что и в дружбе иногда хотят быть единственными, но ты совершенно прав. Это смешно.

Антуан поковырял землю носком башмака.

– Думаешь, он встречается с кем-то в Лондоне? – спросил он.

– Ты имеешь в виду психоаналитика?

– Нет... женщину.

– Он мне ничего не говорил!

– Он тебе ничего не говорил или ты не хочешь мне говорить, что он тебе что-то сказал?

– В любом случае, если он встретил кого-то – это хорошая новость, верно?

– Разумеется! Я был бы безумно рад за него, – заверил Антуан.

Софи посмотрела на него с удрученным видом. Они остановились перед маленьким передвижным киоском. Луи и Эмили высказались за мороженое, Антуан – за блинчик, а Софи заказала вафлю. Антуан поискал глазами Матиаса, который шагал в отдалении, устремив взгляд на экран своего мобильного.

– Положи-ка голову мне на плечо, посмотрим, – предложил он Софи, оборачиваясь.

Она улыбнулась и сделала, как попросил Антуан. Матиас предстал перед ними.

– Что ж, поскольку, как я вижу, всем абсолютно плевать, здесь я или меня нету, я оставляю вас вдвоем! Если дети вам мешают, не стесняйтесь, бросьте их в озеро. Я пошел работать. Это, по крайней мере, напомнит мне, что я еще существую!

– Ты собрался работать в субботу после обеда? Ведь твой магазин закрыт, – заметил Антуан.

– Сегодня проводят аукцион старых книг, я прочел утром в газете.

– Ты теперь занялся продажей старых книг?

– Послушай, Антуан, если в один прекрасный день «Кристис» выставит на продажу старинные угломеры или старинные циркули, тогда ты все поймешь! И если по невероятной случайности сегодня вечером вы заметите мое отсутствие за столом, это будет означать, что я остался на ночной сеанс.

Матиас поцеловал дочку, кивнул Луи и исчез, даже не попрощавшись с Софи.

– На что мы спорили? – торжествующе спросила она.

* * *

Матиас бегом пересек парк. Он вышел через Гайд-Парк-Корнер, остановил такси и назвал адрес пункта назначения на внятном английском, что свидетельствовало о приложенных усилиях. У Букингемского дворца шла смена караула. Как и каждые выходные, движение в районе дворца было затруднено из-за скопления прохожих, которые поджидали шествие солдат королевы.

Колонна всадников шагом двигалась по Бедкейдж-Уок. В нетерпении Матиас, высунув руку в окно, постукивал пальцами по дверце.

– Это такси, месье, а не лошадь, – заметил шофер, бросая мрачный взгляд в зеркало заднего вида.

Вдали на фоне неба проступали очертания Парламента. Судя по длине вереницы машин, выстроившихся на подъезде к Вестминстерскому мосту, ему ни за что не удастся приехать вовремя. Когда Одри ответила на его сообщение, предложив встретиться у подножия Биг-Бена, она специально предупредила, что будет ждать полчаса, не больше.

– Это единственная дорога? – взмолился Матиас.

– Это самая красивая, – ответил водитель, указывая пальцем на цветущие аллеи парка Сент-Джеймс.

Поскольку речь зашла о цветах, Матиас признался, что все дело в любовном свидании и каждая секунда на счету, если он опоздает, для него все будет кончено.

Шофер немедленно развернулся. Пробравшись по крошечным улочкам квартала, где были расположены различные министерства, такси благополучно прибыло по назначению. Часы Биг-Бена пробили три, так что Матиас опоздал всего на пять минут.

Он отблагодарил шофера щедрыми чаевыми и, перескакивая через ступеньки, сбежал на набережную. Одри, которая ждала его, сидя на скамейке, встала и бросилась ему на шею. Проходящая мимо пара улыбнулась, увидев, как они обнимаются.

– Ты же собирался провести день с друзьями?

– Да, но я не выдержал, так хотелось тебя увидеть, сегодня мне будто опять пятнадцать лет.

– Этот возраст тебе идет, – засмеялась она, целуя его.

– А ты разве не собиралась поработать сегодня?

– Да, к несчастью... У нас всего полчаса.

Поскольку она была в Лондоне, телеканал, на который она работала, попросил снять еще

один репортаж о том, какие места в городе особенно привлекают туристов.

– Мой оператор срочно уехал снимать место проведения будущих Олимпийских игр, так что придется мне все делать самой. Я должна отснять минимум десять планов, а я даже не знаю, с чего начать, при этом все должно быть отослано в Париж не позднее утра понедельника, Матиас прошептал ей на ухо гениальную идею, которая только что пришла ему в голову. Он поднял с земли камеру и взял Одри за руку.

– Ты клянешься, что действительно умеешь наводить кадр? – спросила она.

– Если бы ты увидела фильмы, которые я снимаю в отпуске, у тебя просто челюсть бы отвисла.

– И ты действительно знаешь город?

– Сколько я уже здесь живу!

В полной уверенности, что может отчасти рассчитывать на компетенцию водителей лондонских *black cabs*, Матиас без страха взял на себя роль гида-репортера-оператора на весь остаток сегодняшнего дня.

Учитывая близость объекта, начинать следовало со съемок величественных изгибов Темзы и многоцветной перспективы нависающих над ней мостов. Это было завораживающее зрелище – наблюдать, как по обеим сторонам реки огромные здания, плоды современной архитектуры, с поразительной гармонией слагались в единый городской пейзаж. Меньше чем за два десятилетия Лондону действительно удалось обрести вторую молодость в гораздо большей степени, чем всем его младшим европейским братьям. Одри хотела снять несколько планов королевского дворца, но Матиас настоял, чтобы она доверилась его опыту: в субботу к Букингемскому дворцу не протолкнуться. Недалеко от них несколько французских туристов пытались определиться: пойти в Галерею Тейт или поехать посмотреть, как выглядит электростанция в Баттерси, чьи четыре трубы изображены на обложке альбома группы «Пинк Флойд».

Самый старший из них открыл путеводитель и принялся зачитывать вслух наиболее любопытные данные о каждом из предлагаемых маршрутов. Матиас наострил уши и незаметно подобрался ближе. Пока Одри в сторонке разговаривала по телефону со своим продюсером, туристы начали всерьез нервничать из-за присутствия странного мужчины, который лип к их группе. Страх перед карманниками заставил их отойти подальше ровно в тот момент, когда Одри убрала мобильник в карман.

– Я должен задать тебе один вопрос, от которого зависит наше будущее, – заявил Матиас. – Ты любишь «Пинк Флойд»?

– Да, – призналась Одри. – А каким образом наше будущее зависит от этого?

Матиас снова взялся за камеру и сообщил, что следующий пункт их программы расположен чуть выше по реке.

Оказавшись под стенами огромного сооружения, Матиас, повторяя слово в слово все, что он недавно услышал, сообщил Одри, что сэр Гилберт Скотт, архитектор, создавший это здание, был также автором знаменитых красных телефонных кабинок.

С камерой на плече, Матиас подробно рассказал, что строительство гидроэлектростанции Баттерси началось в 1929 году и закончилось десять лет спустя. Одри была потрясена глубиной его познаний, а Матиас пообещал, что новый объект, который он выбрал, понравится ей еще больше.

Проходя по эспланаде, он поприветствовал группу французских туристов, которые шли навстречу, и подмигнул самому старшему. Через несколько мгновений такси уносило парочку к Тейт.

Матиас сделал прекрасный выбор: Одри в пятый раз посещала этот музей, который

располагал самой большой в Британии коллекцией современного искусства, и каждое посещение только разжигало ее аппетит. Она знала в нем почти все закоулки. На входе служитель попросил их оставить съемочное оборудование в гардеробе. Отложив на несколько минут репортаж, Матиас взял Одри за руку и повел ее наверх. Эскалатор привез их на этаж, где располагалась ретроспективная выставка канадского фотографа Джеффа Уолла. Одри сразу направилась в седьмой зал и остановилась перед снимком три на четыре метра.

– Посмотри, – зачарованно сказала она Матиасу. На огромной фотографии человек смотрел, как над его головой порхают листы бумаги, вырванные ветром из рук прохожего. Страницы утраченной рукописи выписывали в воздухе фигуры, напоминающие полет стаи птиц.

Одри увидела волнение в глазах Матиаса и была счастлива разделить с ним это мгновение. Однако его тронула не столько фотография, сколько сама Одри, которая на нее смотрела.

Она поклялась себе не задерживаться, но, когда они вышли из музея, день почти закончился. Держась за руки, они продолжили свой путь, направляясь вдоль реки к башне Оксо.

* * *

– Ты останешься ужинать? – спросил Антуан у дверей дома.

– Я устала, и уже поздно, – ответила Софи.

– Тебе тоже следовало бы сходить на аукцион засушенных цветов...

– Если это способ спастись от твоего дурного настроения, я даже готова отпереть мою лавку и заступить в ночную смену.

Антуан опустил глаза и зашел в гостиную.

– Что с тобой? Ты не разжимаешь зубов с того момента, как мы вышли из парка.

– Могу я попросить тебя об услуге? – шепотом произнес Антуан. – Не оставляй меня одного с детьми сегодня вечером.

Софи была удивлена грустью, сквозившей в его глазах.

– При одном условии, – согласилась она, – ты и носа не высунешь на кухню и позволишь мне отвести вас в ресторан.

– Пойдем к Ивонне?

– Точно нет! Тебе нужно хоть ненадолго вынырнуть из своей рутины, а я знаю одно местечко в Чайнатауне, забегаловка с жуткой обстановкой, но там готовят лучшую в мире утку по-пекински.

– Там хоть чисто, в твоей забегаловке?

Софи не удостоила его ответом, подозвала детей и сообщила, что по ее инициативе скучная вечерняя программа претерпела радикальные изменения. Она не успела закончить, как Луи и Эмили уже забрались обратно в «остин» и устроились на своих местах.

Спускаясь по ступенькам с крыльца, она тихонько передразнила Антуана: «А там хоть чисто, в твоей забегаловке?»

Когда машина катилась по Олд Бромптон, Антуан внезапно нажал на тормоза.

– Надо было оставить записку Матиасу и сказать, где мы будем, он же не говорил, что точно останется на ночной сеанс.

– Забавно, – прошептала ему Софи, – когда ты говорил о своем плане перетащить Матиаса в Лондон, то опасался, как бы тебе не пришлось все время с ним возиться. Как думаешь, ты продержишься целый вечер без него?

– Вот это вряд ли, – хором ответили Луи и Эмили.

Эспланада, окружающая комплекс Оксо, спускалась до самой реки. С обеих сторон высокой стеклянной башни чередой шли маленькие магазинчики и бутики, выставлявшие в витринах последние коллекции тканей, керамики, предметов мебели и украшений для дома. Стоя спиной к Одри, Матиас вертел в руках мобильник, машинально постукивая по экрану.

– Матиас, умоляю, возьми ты эту камеру и сними меня, скоро уже будет совсем темно.

Он сунул телефон в карман и повернулся к ней, улыбаясь изо всех сил.

– Все в порядке? – спросила она.

– Да, да, все отлично. Так на чем мы остановились?

– Ты наводишь кадр на тот берег, а как только я начинаю говорить, фокусируешь его на мне.

Только обязательно покажи меня в полный рост, прежде чем дать крупным планом лицо.

Матиас нажал на кнопку, включающую запись. Мотор камеры уже работал. Одри начала говорить свой текст, голос ее изменился, а фразы приобрели тот неровный ритм, который, очевидно, предписывался на телевидении всем, кто появлялся на экране. Вдруг она остановилась.

– Ты уверен, что умеешь снимать?

– Конечно, умею! – заверил Матиас, отрывая глаз от видеоискателя, – А почему ты спрашиваешь?

– Потому что ты наводишь фокус, крутя настройку солнцезащиты.

Матиас посмотрел на объектив и снова поставил камеру на плечо.

– Ладно, наведи на меня, и начнем с последней фразы.

На этот раз съемку прервал Матиас:

– Мне мешает твой шарф, из-за ветра он закрывает тебе лицо.

Он подошел к Одри, завязал по-другому полоску ткани, обвивавшую ее шею, поцеловал и вернулся на свое место. Одри подняла голову: вечерний свет приобрел оранжевый оттенок, небо на западе становилось ярко-алым.

– Брось, уже слишком поздно, – с отчаянием в голосе сказала она.

– Но мне еще очень хорошо видно в объектив! Одри подошла к нему и сняла все оборудование, которое на нем висело.

– Возможно, но, сидя перед телевизором, ты увидишь только большое темное пятно.

Она потянула его к скамейке у берега и стала складывать свое хозяйство, потом выпрямилась и извинилась перед Матиасом.

– Ты был замечательным гидом, – признала она.

– И на том спасибо, – лаконично отозвался Матиас.

– Все в порядке?

– Да, – туманно ответил он.

Она положила голову ему на плечо, и оба молча наблюдали, как по реке медленно ползет пароход.

– Знаешь, я тоже об этом думаю, – прошептал Матиас.

– О чем ты думаешь?

Они держались за руки, перебирая пальцы друг друга.

– И мне тоже страшно, – продолжил Матиас. – Но это не важно, что мы боимся. Сегодня ночью мы будем спать вместе, и это будет полный провал; по крайней мере, мы теперь знаем, что другой тоже знает; то есть я теперь знаю, что ты знаешь...

Чтобы заставить его замолчать, Одри закрыла его губы своими.

– Кажется, я проголодалась, – заметила она вставая.

Она взяла его под руку и повела к башне. На верхнем этаже сквозь огромные оконные проемы открывался потрясающий вид на город...

Одри нажала на кнопку, и кабина пошла вверх. Стекланный лифт передвигался в прозрачной клетке. Она показала ему огромное колесо вдали; на таком расстоянии возникало ощущение, что они находятся даже выше, чем колесо. Обернувшись, Одри обнаружила, что лицо Матиаса бледней полотна. – Ты в порядке? – встревоженно спросила она.

– Совсем нет! – еле слышно ответил Матиас.

Не имея сил двинуться, он выпустил камеру и сполз по стене на пол. Прежде чем он потерял сознание, Одри изо всех сил обняла его, прижимая его голову к своему плечу, чтобы он не мог видеть пустоту. Она обвила его руками, пытаясь защитить.

Прозвенел колокольчик, и двери раскрылись на последнем этаже, прямо перед входом в ресторан, у стойки администратора. Элегантный мажордом с большим удивлением уставился на парочку, слившуюся в объятии столь страстном и нежном, что их радужные перспективы не вызвали сомнений. Метрдотель нахмурился, колокольчик прозвенел снова, и кабина пошла вниз. Через несколько мгновений такси мчалось в Брик-Лэйн, унося с собой влюбленных, так и не разомкнувших объятий.

* * *

Простыня сползла к бедрам; Матиас перебирал пряди ее волос. Она положила голову ему на грудь.

– У тебя есть сигареты? – спросила Одри.

– Я не курю.

Она потянулась, поцеловала его в затылок и открыла ящик ночного столика. Пошарила рукой, нащупала кончиками пальцев завалявшуюся пачку сигарет и зажигалку.

– Я была уверена, что он покуривает, этот врун.

– Какой врун?

– Приятель-фотограф, которому наш канал снимает эту квартиру. Он уехал на шесть месяцев в Азию делать репортаж.

– А когда он не в Азии, ты его часто видишь, этого приятеля?

– Это просто приятель, Матиас! – заверила она, отбросив одеяло.

Одри встала. Ее высокий силуэт приблизился к окну. Она поднесла сигарету к губам, замерцал огонек зажигалки.

– На что ты смотришь? – спросила она, прислоняясь лбом к стеклу.

– На завитки дыма.

– Почему?

– Просто так, – ответил он.

Одри вернулась к постели, вытянулась рядом с Матиасом и кончиком большого пальца ласково обвела его губы.

– У тебя слеза в уголке глаза, – заметила она, слизывая слезу языком.

– Ты такая красивая, – прошептал Матиас.

* * *

Антуан поежился и натянул одеяло повыше, оголив тем самым пятки. Он открыл глаза, стуча зубами от холода. В гостиной царил полутьма, Софи уже не было. Он пошел за пледом; поднявшись на лестничную площадку, приоткрыл дверь Матиаса и увидел, что кровать нетронута. Он зашел в комнату сына, забрался под перину и положил голову на подушку. Луи повернулся и, не открывая глаз, обнял отца; так прошла ночь.

* * *

Дневной свет заливал комнату. Матиас зажмурил глаза и потянулся рукой к кровати. Он обнаружил записку, лежащую на соседней подушке, рывком сел и развернул листок.

Я уехала за чистыми кассетами, ты спал ангельским сном. Постараюсь вернуться как можно быстрее. Целую, Одри.

P.S. От кровати до пола не более пятидесяти сантиметров, будь спокоен!

Он положил записку на ночной столик и протяжно зевнул. Подобрал джинсы, брошенные в ногах, он обнаружил рубашку у входа, трусы на стуле рядом и принялся искать остальные предметы одежды. В ванной он подозрительно оглядел пучок зубных щеток, торчащих во все стороны из стаканчика, как в игре «микадо». Взял тюбик зубной пасты, стряхнул в раковину первую выдавленную порцию, а следующую намазал себе на указательный палец.

Он перерыл всю кухню, но обнаружил только две полупустых коробки чая в шкафу, старый пакет с сухарями в глубине полки, пачку соленого масла на решетке в холодильнике и собственные носки под столом.

Мечтая оказаться в каком-нибудь месте, где ему подадут завтрак, достойный этого слова, он торопливо оделся.

Одри оставила связку ключей на виду, положив их на круглый столик в прихожей.

Судя по их размерам, не все они предназначались для замочной скважины этой квартиры. Скорее всего, здесь были и ключи от парижской студии Одри, о которой она рассказывала этой ночью.

Он пропустил сквозь пальцы шнурок с помпоном, который был прицеплен к кольцу с ключами. Глядя на помпон, он принялся размышлять о том, как повезло этой вещице. Он представлял ее себе в руках Одри, всегда рядом с ней в сумочке, Одри вертела ее в пальцах, разговаривая по телефону или секретничая с подругой. Когда он осознал, что завидует помпону с брелка для ключей, то опомнился. И впрямь пора было пойти что-нибудь съесть.

* * *

Вдоль тротуара выстроились домики из красного кирпича. Сунув руки в карманы и насвистывая, Матиас зашагал к перекрестку, расположенному в конце улицы. Еще несколько развилок, и Матиас поздравил себя с тем, что нашел свое счастье.

Как и всегда по воскресеньям, на рынке Спитафилд царил оживление; прилавки ломились от сушеных фруктов и специй, привезенных из всех индийских провинций. Чуть подальше торговцы тканями разложили отрезы, привезенные из Мадраса, Кашмира, различные пашмины. Матиас уселся на террасе первого попавшегося кафе и с распростертыми объятиями встретил представшего перед ним официанта.

Гарсон, который сам был родом из Калькутты, сразу распознал акцент Матиаса и с жаром рассказал, как сильно он любит Францию. Когда он поступил в университет, первым языком он

выбрал французский, а потом уже английский. Сейчас он слушал университетский курс международной экономики в *British School >Academy*. Он бы предпочел учиться в Париже, но жизнь не всегда предоставляет свободу выбора. Матиас поздравил его с богатым словарным запасом – это просто удивительно. Воспользовавшись счастливой возможностью изъясняться без помех, он заказал полный завтрак и газету, если по чистой случайности она завалялась где-нибудь рядом с кассой.

Гарсон с поклоном поблагодарил за заказ, который делает ему честь, и исчез. Сдерживая разыгравшийся аппетит, Матиас потирал руки – он радовался тем неожиданным моментам, которые дарила ему жизнь, был счастлив сидеть на этой солнечной террасе, счастлив уверенности, что скоро увидит Одри, наконец, не отдавая себе в этом отчета, счастлив тому, что счастлив.

Следовало предупредить Антуана, что он вернется только к вечеру, и, продолжая размышлять над тем, какие именно оправдания придумать своему отсутствию, он рылся в карманах в поисках мобильного. Наверно, оставил его в куртке. Он мысленно представил совершенно отчетливо, как она валяется, скомканная, на диване в квартире Одри. Что ж, пошлет сообщение позже, официант уже возвращался, держа на плече огромный поднос. Он расставил на столе кучу блюд и пристроил рядышком вчерашний экземпляр «Калькутта экспресс», а еще «Таймс оф Индия» от позавчерашнего дня; газеты были напечатаны на бенгальском языке и на хинди.

– Что это? – с безумным видом спросил Матиас, указывая на стоящий перед ним дымящийся суп из чечевицы.

– Это дхал, – ответил официант, – а еще кислая халва, это очень вкусно! А в том стакане соленый йогурт, называется ласси, – добавил он. – Настоящий полный завтрак... по-индийски. Получите большое удовольствие.

И официант ушел в зал, радуясь, что сумел угодить клиенту.

* * *

У обеих появилась одна и та же мысль, хотя они не сговаривались; день был чудесный, и на Бьют-стрит толпились туристы. Пока одна открывала террасу своего ресторана, другая выставляла на тротуар цветы.

– Ты тоже решила поработать в воскресенье?

– Мне больше нравится здесь, чем болтаться дома!

– Я сказала себе абсолютно то же самое. Ивонна подошла к ней.

– А почему это у нас такое помятое лицо? – спросила она, проводя рукой по щеке Софи.

– Дурная ночь, наверно, полнолуние.

– Разве что теперь оно случается по два раза на неделе, твое полнолуние; поищи-ка другое объяснение.

– Ну, тогда скажем, что я плохо спала.

– Ты сегодня с мальчиками не встречаешься? – У них семейный день.

Софи приподняла большую вазу, Ивонна помогла внести ее в магазин. Когда сосуд был установлен, где нужно, она взяла Софи за руку и вывела ее на улицу.

– Оставь на минуту свои цветы, они не завянут, пойдем ко мне на террасу, выпьем кофейку, у меня такое ощущение, что нам есть что сказать друг другу, и тебе, и мне.

– Сейчас подрежу этот розовый куст и приду, – кивнула Софи, и на ее лицо вернулась улыбка.

* * *

Секатор отрезал стебель. Джон Гловер внимательно посмотрел на цветок. Венчик был размером почти с пион, а составляющие его лепестки изящно измяты, что придавало розе вид дикорастущей, о котором он и мечтал. Следовало признать, что результат прививки черенка, которую он в прошлом году осуществил в своей оранжерее, превзошел все ожидания. Когда он представит эту розу в будущем сезоне на большой выставке цветов в Челси, возможно, ему присудят первый приз. Для Джона Гловера этот цветок был всего лишь простой розой, но она стала одним из самых больших парадоксов, с которыми он сталкивался. Для него, человека, который происходил из одной из старейших английских семей, смирение стало почти религией. Получив в наследство от отца, с честью погибшего во время войны, большое состояние, он передоверил управление своим имуществом. И ни один из клиентов его маленького книжного магазинчика, где он трудился столько лет, ни кто-либо из соседей не могли бы вообразить, что этот одинокий мужчина, живущий в самой маленькой части дома, владельцем которого он был, обладал столь огромным состоянием.

На фасаде скольких больничных зданий было бы выгравировано его имя, сколько благотворительных фондов воздавало бы ему почести, если бы единственным условием его щедрости не была полная анонимность. И однако в возрасте семидесяти лет, глядя на простой цветок, он не мог побороть искушения назвать его своим именем.

Роза с палевыми лепестками будет носить имя Гловер. Единственным извинением, которое он смог себе подыскать, было то, что он не имел потомства. Для него это было лишь способом оставить после себя свое имя.

Джон поставил цветок в узкую вазу и отнес его в оранжерею. Он посмотрел на белый фасад деревенского дома, счастливый тем, что именно здесь после стольких лет труда мог позволить себе заслуженный отдых. Большой сад принимал весну во всем ее великолепии. Но посреди такой красоты ему не хватало его женщины, которую он любил столь же целомудренно, как и жил. Однажды Ивонна присоединится к нему в Кенте.

* * *

Антуана разбудили дети. Перегнувшись через перила лестницы, он оглядел гостиную вниз. Луи и Эмили приготовили себе завтрак и теперь поглощали его с большим аппетитом, пристроившись на полу у дивана. Программа мультфильмов только что началась, и Антуану были гарантированы еще несколько минут спокойствия. Стараясь, чтобы его не заметили, он сделал шаг назад, уже предвкушая небольшой дозвон сна, так неожиданно ему перепавший. Перед тем как рухнуть обратно в кровать, он зашел в комнату Матиаса и посмотрел на нетронутую постель. Смех Эмили из гостиной долетал до второго этажа. Антуан смял простыни, взял пижаму с вешалки в ванной и бросил ее на стул так, чтобы ее сразу было видно. Потом тихонько прикрыл дверь и вернулся на свою половину.

* * *

Забыв куртку, он оказался не только без мобильного, но и без бумажника. Забеспокоившись, Матиас стал рыться в карманах, ища чем расплатиться по счету, который принес ему официант. Наконец кончиками пальцев он нащупал банкноту, с облегчением протянул двадцать фунтов стерлингов гарсону и подождал сдачу.

Молодой человек принес ему мелочь и забрал газеты, поинтересовавшись у Матиаса, нет ли плохих новостей. Вставая, Матиас ответил, что читает только на тамильском, а хинди все еще не вполне доступен для его понимания.

Давно пора было возвращаться, Одри наверняка уже ждала его. Он направился обратно той же дорогой, пока не понял на очередном перекрестке, что окончательно заблудился. Поворачивая во все стороны в надежде увидеть знакомое здание или название улицы, он осознал, что в первый раз ехал ночью, и Одри показывала дорогу, а второй раз их привезло такси, так что теперь у него не осталось никакой возможности отыскать ее адрес.

Он почувствовал, что его охватывает паника, и призвал на помощь прохожего, элегантного мужчину с белоснежной бородой и изумительно повязанным вокруг лба тюрбаном. Если Питер Селлерс из «*Party*» имел брата, то именно он и оказался перед Матиасом.

Матиас искал трехэтажный дом из красного кирпича; мужчина предложил ему оглянуться вокруг. Все соседние улицы были застроены домами из красного кирпича, и, как во многих английских городах, эти дома были совершенно одинаковы.

– *I am so lost*>, – объявил Матиас в полной растерянности.

– *Oh yes sir*, – ответил мужчина, проглатывая все «r», – *don't worry too much, we are all lost in this big world...*

Он дружески хлопнул Матиаса по плечу и продолжил свой путь.

* * *

Антуан мирно спал, по крайней мере до тех пор, пока два пушечных ядра не упали на его кровать. Луи стрелял с левой руки, Эмили с правой. – Папы нет дома? – спросила девочка.

– Нет, – подтвердил Антуан, садясь в кровати, – утром он ушел на работу очень рано, и сегодня я буду заниматься маленькими чудовищами.

– Знаю, – заявила Эмили, – я заходила к нему в комнату, он даже кровать не застелил.

Эмили и Луи попросили разрешения покататься на велосипедах по тротуару, поклявшись, что ни за что с него не съедут и будут очень осторожны. Машины по этой маленькой улочке проезжали очень редко, так что Антуан разрешение дал. Пока они бегом спускались по лестнице, он натянул пижаму и пошел готовить себе завтрак. Он сможет последить за ними из окна кухни.

* * *

Один посередине квартала Брик-Лэйн, с горсткой оставшейся мелочи в кармане, Матиас чувствовал себя действительно потерянным. На углу улицы телефонная cabina распаивала ему свои объятия. Он устремился туда, выложил монетки на верхнюю крышку аппарата, прежде чем дрожащими пальцами опустить одну из них в прорезь. За неимением лучшего, он набрал единственный лондонский номер, который помнил наизусть.

– Извини, погоди минутку, ты не мог бы объяснить мне, что именно ты делаешь в Брик-Лэйн? – осведомился Антуан, наливая себе чашечку кофе.

– Да послушай же наконец, старина, сейчас не время задавать мне всякие вопросы, я звоню из автомата, который не кормили последние полгода, и он только что сожрал три монеты разом за простое «здрасьте», а у меня этих монет осталось всего ничего.

– Ты не говорил никакого «здрасьте», а только «ты мне нужен», – продолжил Антуан, неторопливо намазывая маслом тартинку, – что ж, я тебя слушаю.

Не зная, что сказать, Матиас смирился и спросил, может ли Антуан позвать к телефону его дочь.

– Нет, не могу, она на улице катается на велосипеде с Луи. Ты не знаешь, куда мы дели вишневый джем?

– Я в дерьме, Антуан, – признался Матиас.; – Чем я могу тебе помочь?

Матиас повернулся в кабинке и увидел, что перед дверью гуськом выстроилось пол индийской деревни.

– Ничем, ты ничего не можешь сделать, – пробормотал он, начиная понимать, в какое положение попал.

– Тогда зачем ты мне звонишь?

– Просто так, рефлекторно... Скажи Эмили, что меня задержали на работе и поцелуй ее от меня.

Матиас повесил трубку на рычаг.

Сидя на тротуаре, Эмили держалась за поцарапанную коленку, и крупные слезы катились по ее щекам. Какая-то женщина с другой стороны улицы подошла ей помочь. Луи побежал к дому. Он налетел на отца и изо всех сил принялся тянуть его за штанину пижамы:

– Иди скорей, Эмили упала, ну иди же! Антуан устремился вслед за сыном и бегом помчался по улице.

Чуть подальше рядом с Эмили женщина размахивала руками и возмущенно взывала ко всему свету:

– Ну где же, наконец, мама?

– Здесь мама, здесь! – отозвался Антуан, добежав до них.

Женщина недоуменно оглядела шотландскую пижаму Антуана, возвела глаза к небу и удалилась, не сказав ни слова.

– Мы едем через две недели охотиться за привидениями! – заорал ей вслед Антуан. – Имею я право одеться соответственно, а?

Матиас сидел на скамейке, барабанил по ее спинке. Чья-то рука легла ему на затылок.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Одри. – Давно ждешь?

– Нет, я гулял, – отозвался Матиас.

– Один?

– Ну разумеется, один, а что?

– Я вернулась в квартиру, ты не отзывался, ключей, чтобы войти, у меня не было, я стала беспокоиться.

– Не понимаю, из-за чего? Твой приятель репортер уехал один в Таджикистан, а если я вышел прогуляться по Брик-Лэйн, то надо сразу звонить в «Европейское страхование»?

Одри с улыбкой смотрела на него:

– Как давно ты заблудился?

После того как колено Эмили было перевязано, а слезы забыты в обмен на обещание обеда, на котором все десерты будут позволены, Антуан поднялся к себе принять душ и одеться. Комната по другую сторону лестницы хранила молчание. Он зашел в ванную и присел на бортик, разглядывая свое отражение в зеркале. Дверные петли скрипнули, и в приотворившейся двери показалась рожица Луи.

- Это что за мордочка? – спросил Антуан.
 - Я хотел задать тебе тот же вопрос, – ответил Луи.
 - Только не говори мне, что ты пришел, потому что тебя вдруг потянуло принять душ, ладно?
 - Я пришел сказать, что, если тебе грустно, ты можешь со мной поговорить, это не Матиас твой лучший друг, а я.
 - Я не грустный, милый мой, просто немного устал.
 - Мама тоже говорит, что устала, когда уезжает в путешествие.
- Антуан взглянул на сына, который рассматривал его от двери.
- Заходи, садись поближе, – пробормотал Антуан.
- Луи подошел, и отец прижал его к себе, качая на руке.
- Хочешь оказать своему отцу большую услугу? И когда Луи кивнул, Антуан прошептал ему на ухо:
 - Не расти слишком быстро.

* * *

Чтобы завершить репортаж, Одри следовало проехать через весь город и оказаться в Портобелло. По инициативе Матиаса, который так и не нашел своего бумажника в кармане куртки, они решили сесть в автобус. В воскресенье рынок не работал, и только антиквары в дальнем конце улицы открыли свои лавочки. Одри не расставалась с камерой, Матиас следовал за ней по пятам, не упуская случая сфотографировать ее маленьким цифровым аппаратом, который позаимствовал из ее сумки с видеоборудованием. После полудня они устроились на террасе ресторана «Медитерранео».

* * *

Антуан пошел по Бьют-стрит пешком. Заглянул в магазинчик Софи и спросил, не хочет ли она провести с ними вторую половину дня. Молодая цветочница отклонила предложение: на улице было полно народу и ей предстояло еще сделать немало букетов. Ивонна металась между кассой и столиками на террасе, где уже почти не осталось свободных мест; некоторые клиенты уже начали проявлять нетерпение в ожидании, когда у них примут заказ.

- Все в порядке? – осведомился Антуан.
- Нет, совсем не в порядке, – отозвалась Ивонна. – Ты же видел эту кучу народа на террасе, а через полчаса яблоку некуда будет упасть. Я сегодня встала в шесть утра, чтобы пойти за свежим лососем – хотела сделать его дежурным блюдом, но до сих пор не могу ничего приготовить, потому что плита сломалась.

– А посудомоечная машина работает? – спросил Антуан.

Ивонна уставилась на него со странным выражением.

– Поверь мне, – продолжил Антуан, – через десять минут ты сможешь подать свое дежурное блюдо.

Когда он спросил, есть ли у нее пакетики с пряностями, она не стала задавать никаких вопросов, а просто открыла ящик и выдала ему все требуемое.

Антуан подошел к детям, которые ждали его у стойки, и склонился к ним посоветоваться; Эмили согласилась тотчас же, Луи потребовал компенсации в виде карманных денег. Антуан довел до его сведения, что тот еще слишком молод, чтобы заниматься шантажом; сын возразил, что речь идет о коммерции. Обещание хорошей трепки помогло прийти к соглашению. Дети устроились за столиком в зале, Антуан отправился на кухню, надел передник и тут же вышел обратно с блокнотом в руке, чтобы принять заказы на террасе. Когда Ивонна поинтересовалась, чем именно он занят, он посоветовал ее непререкаемым тоном отправиться на кухню и не терять времени, пока он сделает все остальное, и добавил, что свою порцию коммерческих переговоров он на сегодня исчерпал. Лосось будет готов через десять минут.

* * *

Он поставил цифровой фотоаппарат на стол и нажал на кнопку таймера затвора. Потом попросил Одри склониться к нему, чтобы они оба попали в кадр. Посмеявшись над их акробатическим этюдом, официант сказал, что может сам их сфотографировать. Матиас охотно согласился.

– Мы с тобой действительно похожи на двух туристов, – заметила Одри, поблагодарив гарсона.

– А разве мы не осматриваем город?

– Что ж, можно и так сказать, – согласилась она, наливая себе еще вина.

Матиас отнял у нее бутылку и сам налил ей.

– Галантный мужчина – это такая редкость. Ты еще ничего не рассказывал мне о своей дочери, – сказала Одри.

– И правда, не рассказывал, – признал Матиас, понижая голос.

Одри заметила, что у него изменилось лицо.

– Опеку поручили тебе?

– Она живет со мной.

– Эмили – очень красивое имя. А где она сейчас?

– С Антуаном, моим лучшим другом, вы с ним столкнулись в книжном магазине, но ты, наверно, его не запомнила. Это отчасти благодаря ему мы с тобой встретились в школьном дворе.

Официант принес десерт, который заказала Одри, и «просто чашечку кофе» для Матиаса. Она намазала на вафли каштановый крем.

– Ты еще одной вещи не знаешь, – продолжил Матиас, – но вначале я подумал, что ты – классная руководительница Луи.

– Что-что?

– Учительница сына Антуана!

– Что за странная мысль, с чего ты взял?

– Это довольно сложно объяснить, – ответил Матиас, запуская свой палец в ее крем.

– А его учительница красивее меня? – поддразнила его Одри.

- Вот уж нет!
- Твоя дочь и Луи хорошо ладят?
- Как брат и сестра.
- Когда ты должен с ней увидеться? – спросила Одри.
- Сегодня вечером.

– Все удачно складывается, – подвела итог Одри, роаясь в сумочке в поисках сигарет, – этим вечером я хотела навести хоть видимость порядка в своих вещах.

- Ты это так сказала, будто собираешься завтра утром броситься под поезд.
- Броситься не собираюсь, а вот сесть в него – да. Она отвернулась, чтобы заказать официанту еще один кофе.
- Ты уезжаешь? – спросил Матиас голосом, из которого вмиг исчезла всякая уверенность.
- Не уезжаю, а возвращаюсь, хотя это, наверное, одно и то же.
- И когда ты собиралась мне об этом сказать?
- Сейчас.

Она механически крутила ложечку в чашке, Матиас остановил ее руку.

- Ты не положила сахар, – сказал он, вынимая ложечку из ее пальцев.

– До Парижа всего два часа сорок минут пути. И ты ведь тоже можешь ко мне приезжать, разве нет? Ну, то есть если захочешь.

– Конечно, захочу. А еще больше хочу, чтобы ты не уезжала и мы могли видеться на неделе. Я бы не стал предлагать тебе пообедать вместе в понедельник, это слишком скоро, не хотел бы испугать тебя или показаться навязчивым, я пригласил бы тебя на вторник; а ты бы сказала, что в этот вторник ты, к сожалению, занята; тогда мы сговорились бы на среду. Среда прекрасно подошла бы нам обоим. Разумеется, первая половина недели показалась бы нам нескончаемой; вторая половина прошла бы легче, потому что мы бы знали, что встретимся в выходные. Кстати, в следующее воскресенье мы бы обедали здесь, за этим столиком, который стал бы нашим. Одри прикоснулась губами к губам Матиаса.

– А знаешь, что мы должны были бы сделать прямо сейчас? – прошептала она. – Воспользоваться этим воскресеньем, раз уж мы сидим за нашим столиком, и у нас еще вся вторая половина дня, и никто нам не помешает.

Но Матиас был решительно неспособен услышать, что именно предлагает Одри. Он уже знал, что остаток дня пройдет для него под знаком печали. Хоть Одри и сидела рядом, после того, как он узнал о ее отъезде, ему уже не хватало ее. Он сделал вид, что его рассмешила походка какого-то прохожего, затем глянул на тучи над их головой, проговорив:

- Думаешь, будет дождь?
- Не знаю, – ответила Одри.

Матиас повернулся и сделал знак официанту.

* * *

- Вы просили счет? – спросил Антуан.
- Сюда, – замахал рукой клиент с другого края террасы.

Антуан балансировал тремя тарелками, которые уместились на сгибе локтя; он собрал разбросанные приборы и протер стол губкой с удивительной сноровкой. Позади него стояла Софи в ожидании, когда кто-нибудь из клиентов освободит место.

- Кажется, вам нравится ваша работа, – заметила она, усаживаясь.
- Я просто на седьмом небе! – воскликнул сияющий Антуан, протягивая ей меню.

– Ты сказал детям, чтобы они сели ко мне за столик?

– В качестве дежурного блюда можем предложить вам прекрасного лосося на пару. Если позволите дать вам совет, приберегите немного аппетита для десерта, наш крем-карамель незабываем.

И Антуан вернулся в зал.

* * *

Матиас рылся в карманах куртки, безуспешно разыскивая бумажник с кредитными картами. Одри успокаивала его: он наверняка забыл бумажник у себя дома. Кстати, она ни разу не видела, чтобы он его доставал, все это время он расплачивался по всем счетам наличными. Но Матиас все равно беспокоился и был ужасно смущен тем, что так получилось.

С момента их знакомства он ни разу не позволил ей заплатить за него, и теперь Одри радовалась, что наконец-то сможет это сделать, ей было даже жаль, что речь идет всего лишь о вафле и нескольких чашках кофе. Она встречала столько мужчин, которые оплачивали исключительно свою половину счета.

– А ты знала столько мужчин? – не упустил случая Матиас.

– Избавь меня от своих сомнений, ты случайно не ревнуешь?

– Ни в коей мере, и потом, Антуан все время повторяет, что ревновать – значит отказывать другому в доверии, а это смешно и унижительно.

– Это Антуан тебе говорит или ты Антуану?

– Ну ладно, я немного ревную, – признался он, – но не больше положенного. Если совсем не ревнуешь, значит, ты не очень влюблен.

– У тебя еще много теорий касательно ревности? – насмешливо осведомилась Одри, вставая.

Они пешком прошли по Портобелло-роуд. Одри держала Матиаса под руку. Для него каждый шаг, который приближал их к автобусной остановке, был шагом к разлуке.

– У меня есть идея, – сказал Матиас. – Давай присядем на эту скамейку, квартал такой красивый, нам ведь много не надо, будем сидеть здесь, и все.

– Хочешь сказать, что мы будем сидеть здесь и не двигаться?

– Именно это я и имел в виду.

– Сколько времени? – уточнила Одри усаживаясь.

– Столько, сколько нам захочется. Поднялся ветер, она зябко поежилась.

– А когда наступит зима' – спросила она.

– Я обниму тебя крепче.

Одри потянулась к нему, чтобы прошептать на ухо куда лучшее предложение. Если они сейчас побегут и успеют на автобус, который показался вдали, то доберутся до комнаты в Брик-Лэйн максимум за полчаса. Матиас глянул на нее, улыбнулся и снялся с места.

Автобус с империалом подъехал к остановке, Одри поднялась на заднюю площадку, Матиас остался на тротуаре. По его взгляду она все поняла и сделала знак водителю не закрывать двери. Она шагнула обратно на тротуар.

– Знаешь, – призналась она ему на ухо, – вчера это было что угодно, но только не фиаско.

Матиас ничего не ответил, она приложила руку к его щеке и ласково провела по губам.

– До Парижа всего два часа сорок минут, – сказала она.

– Иди, у тебя зуб на зуб не попадает.

Когда автобус покати по улице, Матиас помахал рукой и подождал, пока Одри не

исчезнет.

Он вернулся к скамейке у маленькой площади в Вестбурн-гроув, присел и смотрел, как мимо проходят влюбленные пары. Порывшись в карманах в поисках оставшейся у него мелочи, он обнаружил листок бумаги.

Мне тебя тоже не хватало всю вторую половину дня. Одри.

День подходил к концу.

Софи проводила Антуана и детей до дверей дома. Луи хотел, чтобы она помогла ему справиться с домашним заданием, но она объяснила, что у нее тоже есть свои задания.

– Ты не хочешь остаться? – попытался настоять Антуан.

– Нет, пойду домой, я устала.

– А тебе так уж необходимо было открывать магазин в воскресенье?

– Я заранее отработала часть месячного оборота, так что смогу закрыться на несколько дней.

– Уезжаешь в отпуск?

– На выходные.

– И куда же?

– Еще не знаю, это будет сюрприз.

– Мужчина из писем?

– Да, мужчина из писем, как ты говоришь, я поеду к нему в Париж, а потом он меня куда-то повезет.

– И ты не знаешь куда? – продолжал допытываться Антуан.

– Если б я знала, не было б никакого сюрприза.

– Расскажешь, когда вернешься?

– Может быть. Что-то ты стал вдруг таким любопытным.

– Извини мою бестактность, – продолжил Антуан, – в конце концов, чего я вмешиваюсь? Я разыгрываю из себя Сирано вот уже полгода, сочиняя за тебя любовные послания, и совершенно не понимаю, с чего я взял, что имею право узнавать приятные новости!... Ну конечно, когда уезжают на выходные, то Антуан не должен ничего спрашивать, он только должен держать стило наготове, потому что когда я вернусь и если вдруг соскучусь или затоскую, то буду очень признательна Антуану, если он возьмется за перо и разродится для меня новым письмом, чтобы не дать остыть мужчине моих писем, тогда он еще куда-нибудь повезет меня на выходные, о чем Антуану я ничего не скажу!

Скрестив руки, Софи разглядывала его.

– Ну что, закончил?

Антуан ничего не ответил, он уставился на носки своих ботинок, и выражение его лица точь-в-точь напоминало физиономию его сына. Софи с трудом удержалась от смеха. Она поцеловала его в лоб и ушла.

* * *

Ночь сгущалась над Вестбурн-гроув. Молодая женщина в пальто, которое явно было ей велико, уселась на скамейку перед автобусной остановкой.

– Вы замерзли? – спросила она.

– Нет, все нормально, – буркнул Матиас.

– У вас какой-то неприкаянный вид.

– Случаются такие дни, особенно выходные.

– Да, у меня их было много, – проговорила молодая женщина вставая.

– Доброго вам вечера, – сказал Матиас.

– И вам доброго вечера, – ответила молодая женщина.

Он кивнул ей, она кивнула в ответ и села в подошедший автобус. Матиас смотрел, как она уезжает, задаваясь вопросом, где он мог ее видеть.

* * *

После ужина дети уснули на диване, умаявшись после проведенного в парке дня. Антуан отнес их в постель. Вернувшись в гостиную, он воспользовался минутой покоя. Заметил бумажник, забытый Матиасом в вазочке, куда они выгружали содержимое карманов. Он открыл его и вытянул за торчащий уголок фотографию. На потрескавшемся за годы портрете улыбалась Валентина, сложив руки на округлом животе, – свидетельство былых времен. Антуан убрал фотографию на место.

* * *

Ивонна встала под душ и повернула кран. Вода потекла по телу. Антуан спас сегодняшний день, в иные моменты она задавалась вопросом, как бы ей удалось выкрутиться, если б его не было. Она вспомнила о его лососях на пару, приготовленных в посудомоечной машине, и расхохоталась в одиночестве. Смех быстро сменился приступом кашля. Совершенно вымотанная, но в прекрасном настроении она выключила воду, накинула халат и растянулась на кровати. Дверь в противоположном конце коридора хлопнула. Вернулась девушка, которую она пустила пожить в комнату по другую сторону площадки. Ивонна почти ничего о ней не знала, но она привыкла доверять своему инстинкту. Малышке нужна всего лишь маленькая поддержка, чтобы выпутаться. И потом Ивонне это тоже шло на пользу. Присутствие девушки было ей в радость; с тех пор, как Джон оставил свой книжный магазин, она все чаще ощущала груз одиночества.

* * *

Эния сняла пальто и прилегла на постель. Достала купюры из кармана джинсов и пересчитала их. День выдался хороший, чаевые, полученные от клиентов в ресторане на Вестбурн-гроув, где она подрабатывала по выходным, обеспечили ей существование на целую неделю вперед. Хозяин был ею доволен и предложил прийти поработать и на следующий уик-энд тоже.

Странная судьба выпала Энии. Десять лет назад ее семья не пережила голода в неурожайный год.

Молодая женщина-врач подобрала Энию во временном лагере.

Однажды ночью эта французская врачиха помогла ей спрятаться в грузовике, который отправлялся в обратный путь. Так начался долгий исход, и через много месяцев бегство с Юга привело ее на Север. Ее попутчики были товарищами не по несчастью, а по надежде – надежде в один прекрасный день изведать, что такое изобилие.

В путешествие через море она пустилась в Танжере. Другая страна, другие края, Пиренеи. Проводник, который взялся переправить ее, признался, что в свое время его дед зарабатывал перевозкой людей в обратную сторону; менялась история, но не человеческие судьбы.

Друг сказал ей, что на другом берегу Ла-Манша она найдет то, что искала всю жизнь: право быть свободной и тем, кто она есть. На земле Альбиона представители всех племен и религий жили в мире и уважении друг к другу; и она снова двинулась в путь, на этот раз через Кале, спрятавшись между колесами под вагоном. И когда, совершенно обессиленная, она опустилась на шпалы уже английских рельсов, то поняла, что исход подошел к концу.

Сегодня вечером она огляделась вокруг с ощущением счастья. Кровать была узкой, но застелена свежими простынями, на маленькой конторке стоял крошечный букетик васильков, от которого комната казалась веселее, а если перегнуться через подоконник, можно было увидеть крыши соседних домов. Комнатка была довольно уютной, хозяйка тихой, и вот уже несколько дней, как в ее жизни забрезжила весна.

* * *

Одри старалась впихнуть видеокассеты между двумя свитерами и тремя свернутыми в комки майками. Покупки, сделанные то здесь, то там за месяц пребывания в Лондоне, с трудом находили себе место в чемодане.

Распрямившись, она огляделась вокруг, проверяя в последний раз, ничего ли не забыла. Ужинать ей не хотелось, хватит и чаю, и хотя она чувствовала приближение бессонницы, следовало попробовать заснуть. Завтра, когда она выйдет на перрон Северного вокзала, день только начнется. Надо будет отвезти видеозаписи на студию в аппаратную, обязательно поприсутствовать на собрании редакции во второй половине дня, а если ее сюжет поставлен на ближайшее время, то и просмотреть пленки в монтажной. Зайдя на кухню, она глянула на раздавленную в пепельнице сигарету. Перевела взгляд на два бокала с подсохшими разводами красного вина; в раковине стояла чашка. Она взяла ее в руки и взгляделась в кромку, пытаясь определить, где именно ее касались губы Матиаса. Захватив чашку с собой, Одри вернулась в комнату и убрала ее в чемодан.

* * *

В гостиной царил полумрак. Матиас как можно медленнее притворил за собой дверь и крадучись направился к лестнице. Едва его нога коснулась первой ступеньки, на круглом столике вспыхнула лампа. Он обернулся и обнаружил Антуана, сидящего в кресле. Он подошел к нему, взял со столика бутылку воды и выпил залпом.

– Если кто-то из нас должен первым заново влюбиться, то это буду я! – изрек Антуан.

– Делай, что хочешь, старина, – отозвался Матиас, ставя бутылку на место.

Разъяренный Антуан вскочил:

– Нет, я не делаю, что хочу, и ты меня не путай. Даже если б влюбился я, все равно это было бы предательством, ну а уж если это ты!

– Успокойся! Неужели ты думаешь, что после того, как я из кожи вон лез, чтобы пробить эту стенку, и наконец-то живу одной жизнью с моей дочерью и вижу, как счастливы оба наших ребенка, – кстати, я никогда раньше не видел, чтоб они были так счастливы... так вот, неужели ты действительно думаешь, что я рискну все это испортить?

– Вот именно! – выдохнул Антуан, которого убедили слова друга.

Расхаживая по комнате, Антуан обвел рукой все вокруг:

– Ты же видишь, все, что тебя окружает, – это именно то, чего ты хотел. Ты хотел, чтобы

дети смеялись, и они смеются; ты хотел, чтобы в доме было шумно, и мы сами себя не слышим; ты заполучил даже телевизор во время еды; а теперь слушай меня хорошенько: хоть раз в жизни, один-единственный разок, ты забудешь про свой эгоизм и честно возьмешь на себя последствия своего выбора. Так что, если ты собираешься влюбиться в какую-то девушку, немедленно брось! – Ты считаешь меня эгоистом? – печально спросил Матиас.

– Куда большим, чем я, – уточнил Антуан. Матиас пристально посмотрел на него и, не добавив ни слова, пошел к лестнице.

– Одну минуту, – проговорил Антуан ему в спину, – не думай, что я сказал то, чего не говорил... Я не против, чтобы ты ее трахал!

Уже ступив на площадку второго этажа, Матиас резко остановился и обернулся:

– Да, но я против, чтобы ты говорил о ней в таком тоне.

Стоя внизу, Антуан уставил в него обвиняющий перст:

– Ага, я тебя поймал! Ты влюблен, и вот доказательство, так что брось ее!

Дверь комнаты Матиаса с грохотом захлопнулась за ним. Двери Эмили и Луи были прикрыты куда осторожней.

* * *

Поезд уже полчаса стоял без движения на станции Эшфорд, а голос диспетчера, исполненный чувства долга, будил пассажиров, которые еще не осознали происходящего, чтобы сообщить им, что поезд... стоит без движения на станции Эшфорд.

Информация была тем насущнее, что тот же голос добавил: сведений о времени отправления пока не имеется, поскольку возникли проблемы с движением в туннеле.

– Я тридцать лет преподавала физику и хочу, чтобы мне объяснили, каким таким образом могут возникнуть проблемы с движением по параллельным путям, если только машинист поезда, который шел перед нами, не остановился посередине туннеля, чтобы пойти пописать... – проворчала пожилая дама, сидящая напротив Одри.

Одри училась литературе, а не физике, и ее спас звонок по мобильнику: лучшая подруга радовалась ее возвращению. Одри пересказала ей свои лондонские похождения, а главное, события последних дней, которые изменили течение ее жизни... Как Элоди догадалась?... Да!... Она встретила мужчину... совсем не такого, как все остальные. Впервые за долгие месяцы, впервые после разрыва с тем, кто унес ее сердце, собрав однажды утром свой чемодан, она почувствовала желание любить. Зябкий период любовного траура испарился почти без следа всего за одни выходные. Да, Элоди, ты права... Случаются в жизни такие чудесные повороты... нужно было просто проявить терпение... весна рано или поздно возвращается. Когда мы с тобой увидимся... увы, сегодня вечером, наверно, не получится, придется работать допоздна, но вот завтра за обедом... да... все тебе расскажу... Каждый проведенный с ним миг... Матиас... правда, красивое имя? Да, сам он тоже очень недурен... Да, Элоди, он тебе очень понравится, такой образованный, внимательный... Нет, не женат... Да, разведен... но в наши дни если мужчина не женат хотя бы на данный момент, это уже большое достоинство... Как ты догадалась?... Да, они два дня почти не расставались... они познакомились на школьном дворе, ох нет, в книжном магазине, ну, вернее, и там и там... все тебе расскажу, обещаю, но поезд уже тронулся с места, и вот уже въезд в туннель... Алло?... Алло?...

Одри взволнованно посмотрела на зажатый в ладони телефон, с улыбкой погладила циферблат и убрала его в карман. Преподавательница физики выдохнула и смогла наконец перевернуть страницу своей книги. Она только что прочла одну и ту же строчку двадцать семь

раз подряд.

* * *

Матиас толкнул дверь ресторанчика Ивонны и спросил, может ли он присесть на террасе и выпить кофе там.

– Сейчас все тебе принесу, – ответила Ивонна, нажимая на рычаг кофеварки.

Стулья были еще составлены друг на друга, Матиас снял один сверху и устроился со всеми удобствами на солнышке. Ивонна поставила на столик перед ним чашку.

– Хочешь круассан?

– Два, – согласился Матиас. – Помочь тебе привести в порядок террасу?

– Нет, если я расставлю стулья сейчас, другие клиенты последуют твоему примеру и я не смогу спокойно заняться кухней. Антуан не с тобой?

Матиас залпом выпил кофе.

– Можешь сделать мне еще?

– Все в порядке? – нахмурилась Ивонна.

* * *

Сидя за письменным столом, Антуан просматривал электронную почту. В нижнем углу экрана зажегся маленький конвертик.

Прости, что бросил тебя на все выходные, пообедаем у Ивонны в час. Твой друг Матиас.

Он ответил, отстучав следующий текст:

Ты меня тоже прости за вчерашнее. Буду в час у Ивонны.

Открыв магазин, Матиас включил свой старенький «Макинтош», прочел послание Антуана и ответил:

Договорились, в час у Ивонны, но почему ты говоришь «тоже»?

В этот самый момент в классе информатики французского лицея Эмили и Луи выключили компьютер, с которого они отправили первое сообщение.

* * *

Берег Кале удалялся, «Евростар» летел со скоростью 300 километров в час по французским рельсам. Мобильник Одри зазвонил, и, как только она поднесла его к уху, пожилая дама напротив отложила свою книгу в сторону.

Мать Одри была счастлива вновь обрести свое чадо... у Одри какой-то странный голос... совсем не такой, как обычно... бесполезно что-то скрывать от нее, дочь наверняка кого-то встретила, последний раз она слышала этот тон, когда Одри сообщила ей о полной идиллии с Роменом... – Да, она прекрасно помнит, чем закончилась история с Роменом, и помнит о том, сколько вечеров подряд она плакалась в трубку. Да... все мужчины одинаковы... – Кто этот новый мальчик... Ну разумеется, она сразу поняла, что появился новый мальчик... в конце концов, это она произвела Одри на свет... – Ну да, да, действительно появился один человек,

нет, она не теряет голову... в любом случае это не имеет никакого отношения к Ромену, и спасибо, что посыпала соль на рану, а то вдруг бы она затянулась... да нет же, конечно, давно затянулась... она вовсе не это хотела сказать, просто если бы... Нет, она ни разу не говорила с Роменом вот уже полгода... кроме того раза в прошлом месяце, по поводу забытого чемодана, который, как выяснилось, ему был дороже, чем чувство собственного достоинства...

Ладно, ладно, так или иначе, но речь идет не о Ромене, а о Матиасе... да, красивое имя... В книжном магазине... Да, и работа приятная... Нет, oh;i не знает, много ли зарабатывают в книжном магазине, но деньги не имеют значения, она тоже мало зарабатывает, а «тем более» — это не то замечание, которого она ожидала от собственной матери...

В конце концов, если ты не хочешь за меня порадоваться, лучше сменим тему... Да, он живет в Лондоне, и еще раз да, Одри в курсе, что жизнь там дорогая, она только что прожила там целый месяц... Да, месяца вполне достаточно, мама, ты меня утомляешь... О не-е-е-ет, она не собирается переезжать в Англию, они знакомы всего два дня... то есть пять дней... Нет, она не переспала с ним в первый же вечер... Да, это правда, что ради Ромена она готова была перебраться к нему в Мадрид через сорок восемь часов после знакомства, но сейчас речь не идет о мужчине ее жизни... на сегодняшний день это замечательный мужчина, и только... Да, время покажет, и нет, не надо беспокоиться за ее работу, она боролась пять лет, чтобы в один прекрасный день сделать собственную передачу, и не собирается теперь все испортить только потому, что ей встретился лондонский книготорговец! Да, она позвонит, как только доберется до Парижа, и я тебя тоже целую.

Одри запихнула мобильник в карман и протяжно выдохнула Пожилая дама напротив взялась было за книгу, но снова отложила ее в сторону.

— Простите, если я вмешиваюсь в то, что меня совершенно не касается, — заметила она, спуская очки на кончик носа, — но в первом и втором разговоре речь шла об одном и том же человеке? — И, не дождавшись ответа от озадаченной Одри, пробормотала: — И никто меня не убедит, что поездка по этому туннелю не оказывает никакого воздействия на организм!

* * *

С того момента, как они устроились на террасе, они не сказали друг другу ни слова.

— Ты думаешь о ней? — бросил Антуан. Матиас взял из корзинки хлеб и обмакнул его в горшочек с горчицей.

— Я ее знаю?

Матиас откусил кусочек и принялся медленно жевать.

— Где ты с ней познакомился?

На этот раз Матиас взялся за стакан и опорожнил его одним духом.

— Знаешь, ты мог бы со мной об этом поговорить, —• не отступал Антуан.

Матиас поставил стакан на стол.

— Раньше ты мне все рассказывал... — добавил Антуан.

— Раньше, как ты говоришь, еще не действовали твои дурацкие правила.

— Это ты сказал, чтобы в доме не было никаких женщин, я только потребовал, чтобы нянь не было тоже.

— Это уже не существенно, Антуан! Послушай, сегодня вечером я буду дома, если именно это тебя интересует.

— Давай не делать трагедию из того, что мы установили в нашей жизни некоторые правила, ладно? Ну же, приди в себя, сделай милость, для меня это важно.

Ивонна как раз принесла им два салата, поставила на стол и вернулась на кухню, выразительно возведя очи горе.

– По крайней мере ты счастлив? – гнул свое Антуан.

– Может, поговорим о чем-нибудь другом?

– С удовольствием, а о чем?

Матиас порылся в кармане куртки и извлек четыре авиабилета.

– Ты съездил за ними? – просиял Матиас.

– Нет, как видишь!

Пять дней спустя, подхватив детей прямо у школы после уроков, они помчатся в аэропорт и тем же вечером заснут уже в Шотландии.

К концу обеда между друзьями воцарился мир. Хотя... Матиас заметил Антуану, что установленные правила существуют только для того, чтобы их интереснее было нарушать.

Это был первый день недели, а следовательно, очередь Антуана забирать Луи и Эмили из школы.

Матиас сделает все закупки после того, как закроет магазин, и приготовит ужин, а Антуан уложит детей. Если не считать нескольких часов, жизнь дома была прекрасно организована.

* * *

Вечером Антуан получил срочный вызов от Маккензи. Образцы столов, задуманных Антуаном для ресторана, были доставлены в бюро. Инженер считал, что выбранная модель идеально соответствовала стилю заведения Ивонны, но ему хотелось бы послушать еще чье-нибудь мнение. Антуан пообещал, что обязательно займется этим завтра с самого утра, но Маккензи настаивал; поставщик сможет обеспечить требуемое количество и в те сроки и по тем же ценам, о которых они договаривались, но только если заказ поступит сегодня вечером... Вся процедура займет у Антуана не больше получаса вместе с дорогой.

Матиас еще не вернулся, и Антуан взял с детей слово, что они будут вести себя хорошо и соблюдать все правила предосторожности. Категорически запрещено открывать дверь кому бы то ни было, подходить к телефону, кроме тех случаев, когда звонить будет он сам, – тут Эмили хихикнула: как узнать, кто звонит, если не снимать трубку, – также запрещалось близко подходить к кухне, включать или выключать любой электрический прибор, свешиваться с перил лестницы, трогать что бы то ни было... пришлось детям хором зевнуть, чтобы прервать этот речитатив, хотя отец мог бы поклясться всем святым, что по натуре он не склонен к излишней тревожности.

Как только отец ступил за порог, Луи устремился на кухню, взобрался на табурет, достал с полки два стакана и передал их Эмили, прежде чем спуститься на пол. Потом открыл холодильник, достал две содовые и выровнял банки так, как всегда их выстраивал Антуан (красные с кокой слева, оранжевая фанта посередине и зеленый перье справа). Соломинки лежали в ящике под раковиной, абрикосовые тарталетки в банке с печеньем, а поднос, чтобы отнести все это к телевизору, на разделочном столе. И все было бы отлично, если бы экран пожелал включиться.

После тщательного обследования кабелей был сделан вывод, что всему виной батарейки в пульте, а Эмили знала, где найти подходящие... в электронном будильнике папы. Она взлетела вверх по лестнице, едва прикасаясь к перилам. Когда она зашла в комнату, ее внимание привлек маленький цифровой фотоаппарат на ночном столике. Наверняка он был куплен специально для каникул в Шотландии. Из любопытства она взяла его в руки и принялась нажимать на все

кнопки. На экранчике с задней стороны высветились фотографии, которые ее папа, наверное, сделал, чтобы опробовать аппарат. На первой виднелись только две ноги и край тротуара, на второй – уголок прилавка на рынке Портобелло, а вот третью фотографию пришлось долго вертеть, чтобы отсветы не мешали рассмотреть картинку... Все, что появлялось на экране, особого интереса не представляло, по крайней мере до тридцать второго кадра, единственного, кстати, который был нормально снят... На нем красовалась парочка на террасе ресторана, которая целовалась перед объективом...

* * *

После ужина – Эмили за столом не произнесла ни слова – Луи поднялся в комнату своей лучшей подруги и записал в ее личном дневнике, что находка фотоаппарата стала для нее настоящим ударом, ведь это был первый раз, когда папа ей соврал. Перед самым сном Эмили добавила на полях, что это был второй раз – после истории с Дедом Морозом.

Ивонна прикрыла дверь своей просторной комнаты и глянула на часы. Проходя по коридору, она слышала шаги Энии, которая тоже вышла из своего закутка.

– Ты сегодня утром очень хорошенькая, – заметила она оборачиваясь.

Эния поцеловала ее в щеку.

– Это потому, что у меня хорошая новость.

– Расскажешь?

– Вчера меня вызвали в иммиграционную службу.

– Ну? Это что, хорошая новость? – встревожилась Ивонна.

Она бросила взгляд на разрешение на работу, которое гордо протянула ей Эния. Потом притянула к себе молодую женщину и крепко ее обняла.

Они вместе спустились по винтовой лестнице в ресторанный зал. Когда Эния оказалась внизу, Ивонна внимательно на нее посмотрела.

– Где ты купила это пальто? – озадаченно спросила она.

– А что? – отозвалась Эния.

– А то, что у одного моего друга было такое же. Это было его любимое пальто. Когда он сказал, что потерял его, я хотела купить другое взамен, но меня заверили, что эту модель не выпускают уже много лет.

Эния улыбнулась, сняла пальто и протянула Ивон-не. Квартирная хозяйка поинтересовалась, сколько она за него хочет, Эния ответила, что с огромным удовольствием преподнесет его в подарок. Она нашла пальто в тот день, когда ей улыбнулась удача.

Ивонна зашла на свою кухню и открыла дверцу шкафа, который служил гардеробом.

– Он будет просто счастлив, – с радостным предвкушением проговорила она, вешая подарок на плечики, – он с ним никогда не расставался.

С полки над раковиной она достала две большие кружки, насыпала две порции кофе в верхнюю часть итальянской кофеварки и чиркнула спичкой. На фитильке газовой горелки заплясал синий огонек.

– Чувствуешь, какой чудесный запах? – спросила Ивонна, принюхиваясь к аромату, который разливался по кухне.

* * *

История с фотоаппаратом натолкнула Эмили на одну мысль. Каждую среду Луи и она обедали по отдельности, каждый со своим отцом. Поскольку Луи обожал немы, мальчики отправятся в тайский ресторан на четной стороне в начале Бьют-стрит; она же с отцом пойдет к Ивонне, поскольку Эмили жить не могла без своего карамельного крема.

За стойкой Ивонна протирала стаканы, краем глаза поглядывая на Матиаса. Эмили потянулась через стол, чтобы привлечь внимание папы.:

– Лучше всего, если в Шотландии мы будем спать в палатках, тогда мы сможем ночевать прямо в развалинах и точно увидим привидения.

– Отлично, – пробормотал Матиас, набирая какое-то сообщение на дисплее своего мобильного.

– Ночью будем разжигать костры, а ты будешь стоять на страже.

– Да, да, – согласился Матиас, не отрывая глаз от экрана телефона.

– Там комары весят по два кило, – продолжила Эмили, – и они тебя просто обожают, совсем как ты меня, цапнут пару раз, и ты пустой, как барабан!

Ивонна подошла к их столику с новой порцией блюд.

– Как ты захочешь, дорогая, – отвечал Матиас. Хозяйка заведения удалилась к себе на кухню, а Эмили вернулась к беседе с самым серьезным видом.

– И еще я там в первый раз прыгну на резинке с самой высокой башни.

– Дай мне пару секунд, дорогая, я отвечу на это сообщение и буду в полном твоём распоряжении.

Пальцы Матиаса порхали над кнопками.

– Это так здорово, они тебя сбрасывают, а потом перерезают резинку, – поделилась Эмили.

– Что у нас сегодня на обед? – поинтересовался Матиас, поглощенный чтением ответа, который высветился на его мобильнике.

– Салат из земляных червей.

Матиас наконец-то положил телефон на стол.

– Извини, я на минутку, надо помыть руки, – сказал он вставая.

Он поцеловал дочку в лоб и направился в глубину зала. От своей стойки Ивонна не упустила ни одной детали этой сцены. Она подошла к Эмили и с неодобрительным видом глянула на домашнее картофельное пюре, так и оставшееся нетронутым на тарелке Антуана. Потом устремила взгляд сквозь стекла на другую сторону улицы и послала Эмили улыбку. Та поняла, что Ивонна имела в виду, и тоже улыбнулась. Девочка встала, взяла свою тарелку и под бдительным оком Ивонны перешла дорогу.

* * *

Матиас разглядывал себя в зеркало, висящее над раковиной. Его расстроило не то, что Одри прервала обмен посланиями, она находилась в монтажной и была очень занята, ты ж понимаешь... Я тоже занят, обедаю с дочкой, мы все очень заняты... в любом случае, если она сейчас работает с лондонскими материалами, то неизбежно вспоминает о нём... а вот ее техник ворчит, выражая недовольство, да, знаю таких типов, вечно угрюмые и ревнивые... Я сегодня скверно выгляжу... Хорошо, что она написала, что соскучилась и хочет меня видеть... она не такой человек, чтобы притворяться... Надо бы сходить постричься, что ли...

* * *

Сидя за отдельным отгороженным столиком, Антуан и Луи приступили ко второму блюду. Дверь ресторана распахнулась, зашла Эмили с тарелкой в руках и уселась рядом с ними. Луи не задал ни одного вопроса, только попробовал пюре у лучшей подруги.

– Он все еще висит на телефоне? – спросил Антуан.

Эмили по обыкновению просто кивнула головой.

– Знаешь, мне тоже кажется, что он чем-то озабочен, не беспокойся. Такое случается со взрослыми и всегда проходит, – миролюбиво заметил Антуан.

– А у нас, получается, никаких забот не бывает, ты так думаешь? – возразила Эмили, стащив с соседней тарелки один блинчик.

Матиас, насвистывая, вышел из туалета. Эмили на месте не было. Перед его стулом в самом центре тарелки красовался воткнутый в пюре мобильник.

Оторопев, он обернулся и встретил осуждающий взгляд Ивонны, которая указала на вывеску тайского ресторана.

По дороге в музыкальную школу Эмили шагала молча, не говоря ни слова отцу, который лез из кожи вон, пытаясь извиниться. Он признал, что за обедом был не слишком внимателен, и клялся, что такого больше не повторится. И потом, случалось ведь и так, что он разговаривал с дочерью, а она его совсем не слушала, например, когда рисовала. Ну просто земли могла разверзнуться под ногами, Эмили и головы бы не подняла от своего листка. Наткнувшись на испепеляющий взгляд дочери, Матиас признал, что сравнение не очень удачное. Чтобы заслужить прощение, сегодня вечером он останется с ней в спальне, пока она не заснет. Перед входом в класс, где Эмили училась игре на гитаре, она привстала на цыпочки, чтобы поцеловать папу, спросила, приедет ли мама с ней повидаться, и закрыла за собой дверь.

Вернувшись в книжный магазин и отпустив двух клиентов, Матиас устроился перед компьютером, вошел в Интернет и открыл сайт «Евростара».

На следующий день, когда Антуан пришел в бюро, Маккензи передал ему досье по обновлению ресторана, над которым просидел всю ночь. Антуан развернул чертежи и разложил их перед собой. Посмотрел на рисунки, иллюстрирующие проект, и был приятно удивлен тем, какую работу проделал его сотрудник. Сохранив всю свою самобытность, ресторан стал очень элегантным. И только добравшись до технических затрат и сметы, запрятанных в самой глубине папки, Антуан почувствовал, как у него перехватило дыхание. Он немедленно вызвал инженера. Весьма сконфуженный Маккензи признал, что, возможно, слегка переборщил.

– Вы и вправду полагаете, что, если мы превратим ее ресторан в дворец, Ивонна поверит, что все это сделано из строительных остатков? – взревел Антуан.

По убеждению Маккензи, ничто не могло быть слишком хорошо для Ивонны.

– А вы помните, что ваш шедевр должен быть воплощен за два дня?

– Я все предусмотрел, – с жаром заверил Маккензи.

Все необходимые детали будут изготовлены в мастерской, и команда из двенадцати рабочих, маляров и электриков приступит к работе в субботу, с тем чтобы в воскресенье все было кончено.

– Да, и с агентством тоже в воскресенье все будет кончено, – подавленно заключил Антуан.

Стоимость этой операции зашкаливала. До конца дня мужчины не обменялись больше ни единым словом. Антуан припилил чертежи ресторана к стенам своего кабинета. С карандашом в руке он курсировал между окном и чертежами, чертежами и компьютером. Когда он не рисовал, то подсчитывал, что можно выгадать на стоимости работ. Что до Маккензи, то он сидел на своем рабочем месте, бросая на Антуана сквозь прозрачную перегородку такие гневные

взгляды, словно тот оскорбил английскую королеву.

Ближе к полудню Антуан обратился к Матиасу за подмогой. Он вернется очень поздно, так что придется Матиасу забрать детей из школы и заниматься ими весь вечер.

– Ты поужинаешь или приготовить что-нибудь к твоему приходу?

– Если б ты сделал такую же тарелку с холодными закусками, как в прошлый раз, было б здорово.

– Видишь, и в совместной жизни есть свои радости, – заключил Матиас, вешая трубку.

К середине ночи Антуан заканчивал чертежи проекта, который приобрел реальные формы. Ему осталось только убедить хозяина столярной мастерской, с которой он сотрудничал, согласиться на все изменения, и надеяться, что тот поддержит его в этой аванюре. Строительство должно начаться недели через две, максимум через три; в субботу он выедет на машине с утра пораньше и отправится к столярам. Мастерская расположена в трех часах езды от Лондона, так что до ночи он сумеет обернуться. Матиас посидит с Луи и Эмили. Донельза довольный тем, что нашел выход, Антуан покинул бюро и вернулся домой.

Слишком усталый, чтобы проглотить хоть кусок, он поднялся к себе в комнату и рухнул на кровать. Сон навалился на него до того, как он успел раздеться.

* * *

Утро выдалось ледяное, деревья гнулись под порывами ветра. Пришлось доставать пальто, которые были убраны при первых признаках весны, и Матиас, подсчитывая недельную выручку, размышлял над тем, какая температура будет в Шотландии. Отъезд на каникулы приближался, и нетерпение детей с каждым днем ощущалось все сильнее. Зашла клиентка, что-то проверила по трем книгам, которые взяла с полок, и вышла, оставив книги на столе. «Зачем я бросил Париж, чтобы обосноваться в этом французском квартале?» – проворчал Матиас, убирая книги на место.

* * *

Антуан испытывал жгучую потребность в хорошем кофе или в чем угодно, что помогло бы держать глаза открытыми. Ночь оказалась короткой, а работы в агентстве накопилось столько, что передохнуть не удастся.

Поднимаясь пешком по Бьют-стрит, он на секунду заскочил в книжный магазин и сообщил Матиасу, что в субботу должен уехать за город и придется тому заняться Луи. «Невозможно!» – вскричал Матиас, он не может закрыть магазин.

– Твоя очередь; детей закрыть тем более невозможно, – заметил, выходя, измотанный Антуан.

Он встретился с Софи в «Кофе Шопе».

– Ну как ваша совместная жизнь? – спросила та.

– По-разному, то так, то этак, как и у любой пары.

– Должна напомнить, что вы не пара...

– Мы живем под одной крышей, рано или поздно каждый должен определиться со своим местом.

– Полагаю, именно из-за таких сентенций я предпочитаю оставаться не замужем, – парировала Софи.

– Возможно, но не так уж ты не замужем.

- Плохо выглядишь, Антуан.
- Я просидел всю ночь над проектом для Ивонны.
- Ну и как, продвигается?
- Начнем работы в следующие выходные после приезда из Шотландии.
- Дети только и говорят, что об этих каникулах. Здесь станет пусто, когда вы уедете.
- У тебя останется мужчина из писем, так что время пролетит быстро.

Софи выдавила улыбку.

– Можно подумать, тебе действительно неприятно, что я уезжаю? – удивилась она, дую на горячий чай.

- Да нет, с чего ты взяла? Если ты счастлива, счастлив и я.

На столе завибрировал мобильник Софи, она взяла его и узнала высветившийся на экране номер книжного магазина.

- Я тебя не отвлекаю? – спросил голос Матиаса.

– Никогда...

– Хочу попросить тебя об огромной услуге, но ты должна пообещать, что ничего не скажешь Антуану.

- Клянусь!

– Ты как-то странно говоришь.

– Ну разумеется, я просто счастлива.

– Что тебя так радует?

– Я приеду девятичасовым поездом, прямо к обеду.

– Он сидит напротив? – догадался Матиас.

– Именно!

– Вот черт...

– Ты сам это сказал; я тоже... Заинтригованный Антуан поднял глаза.

– Ты можешь посидеть с детьми вместо меня в субботу? – продолжил Матиас. – Антуан должен уехать за город, а мне позарез нужно кое-что сделать.

– Увы, на этот раз ничего не получится, но в любой другой день – с удовольствием.

– Ты уезжаешь на эти выходные?

– Угадал.

– Ладно, вижу, я тебе мешаю, так что я пошел, – прошептал Антуан, вставая.

Софи ухватила его за запястье и заставила сесть обратно. Она прикрыла микрофон рукой и пообещала, что закончит через минуту.

– Наверно, я тебе мешаю, – брюзгливо констатировал Матиас. – Ладно, я сам разберусь, что-нибудь придумаю; только не говори ему ничего, обещаешь?

– Конечно! Спроси у соседки, кто знает. Матиас повесил трубку, но Софи еще несколько секунд держала телефон у уха.

– И я тебя крепко целую, до скорого.

– Это был мужчина из писем? – спросил Антуан.

– Хочешь еще кофе?

– Не понимаю, почему ты не желаешь сказать мне, я и так понял, что это был он.

– Ну какая тебе разница? Антуан надулся.

– Никакой, но раньше мы все друг другу говорили...

– Ты отдаешь себе отчет, что ровно то же самое ты заявил своему соседу по квартире?

– Что заявил?

– «Раньше мы все друг другу говорили»... это же смешно.

– Значит, он рассказывает тебе о нас? Вот наглец!

– Мне показалось, ты хотел, чтобы мы все друг другу говорили?!

Софи поцеловала его в щеку и отправилась работать. Заходя к себе в агентство, Антуан заметил, как Матиас устремился к Ивонне.

* * *

– Ты мне нужна!

– Если ты голоден, то еще слишком рано, – ответила хозяйка, показываясь на пороге кухни.

– Я серьезно.

– Слушаю тебя, – сказала она, снимая фартук.

– Ты можешь побыть с детьми в субботу? Умоляю, скажи «да».

– Очень жаль, но на субботу я беру отгул.

– Ты закроешь ресторан?

– Нет, но я занята и поэтому попрошу малышку, которую я у себя поселила, подменить меня; но только молчи, это сюрприз. А сначала я хочу посмотреть, как у нее получится, пусть попробует сегодня и завтра.

– Наверно, это что-то очень важное, раз уж ты решилась оставить на кого-то свою плиту. Куда ты отправляешься?

– А я разве тебя спросила, почему ты хочешь, чтобы я посидела с детьми?

– Ну и везет мне: Софи уезжает, Антуану нужно за город, тебе еще куда-то. А на меня всем плевать.

– Я счастлива, что ты наконец-то начал ценить свою лондонскую жизнь.

– Честно говоря, не вижу связи, – пробурчал Матиас.

– Ну как же, ведь раньше ты проводил все выходные один и не так уж жаловался, а теперь я с удовольствием отмечаю, что, когда нас нет, тебе нас не хватает... Ты меняешься на глазах...

– Ивонна, ты должна мне помочь, это вопрос жизни и смерти.

– Найти в четверг няню, которая посидит с детьми в субботу, – ну ты оптимист... Ладно, катись отсюда, у меня полно работы, я подумаю, как тебе помочь.

Матиас поцеловал Ивонну.

– Не говори ничего Антуану... Я на тебя рассчитываю!

– Ты просишь посидеть с детьми, потому что опять собираешься на распродажу старинных книг?

– Ну да, что-то в этом роде...

– Тогда я, возможно, ошиблась, и ты не так уж изменился.

В конце дня Матиасу позвонила Ивонна и сказала, что ей, кажется, удалось отыскать редкую жемчужину. Бывшая директриса школы, Даниэль отличалась резким характером, но заслуживала полного доверия. Кстати, у нее есть одно непереносимое условие: она должна повидаться с отцом, прежде чем согласится посидеть с детьми. Завтра она заглянет к нему в магазин, и если им удастся договориться, то в выходные она берет детей на себя. Матиас осведомился, можно ли рассчитывать на ее сдержанность. Ивонна даже не удостоила его ответом. Даниэль была одной из трех ее лучших подруг, и она не из тех, кто распускает язык.

– А ты не знаешь, она разбирается в привидениях?

– Что?

– Ничего... так, мелькнула одна мысль.

К дверям школы Матиас прибыл в таком радужном расположении духа, что ему пришлось взять себя в руки и напустить на лицо полную серьезность, когда прозвонил звонок.

Когда они все вместе пришли в книжный магазин, Эмили сразу заподозрила что-то неладное. Во-первых, отец и слова не вымолвил с момента их прихода, во-вторых, напрасно он делал вид, что с головой ушел в книгу, она прекрасно видела, что это чистое притворство: он уже десять минут читал одну и ту же страницу. Пока Луи, сидя на табурете, листал комиксы, она обошла кассу и уселась папе на колени:

– У тебя неприятности?

Матиас отложил книгу и растерянно посмотрел на дочь:

– Не знаю, как вам об этом сказать. Луи забыл про комиксы и наострил слух.

– Думаю, нам придется отказаться от поездки в Шотландию, – с удрученным видом объявил

Матиас.

– Но почему? – горестно вскричали дети.

– Это отчасти моя вина: когда я заказывал тур, то не уточнил, что с нами будут дети.

– Но ведь это не преступление! – сразу ошетибилась Эмили. – Почему это они нас не хотят?

– Существуют правила, на которые я не обратил внимания, – простонал Матиас.

– Какие? – спросил в свою очередь Луи.

– Они принимают детей, но только при условии, что те прошли курс по изучению привидений, таково требование правил безопасности. Организаторы не хотят рисковать.

– Ну, мы же можем почитать книжки... – предложила Эмили, – здесь у тебя наверняка что-нибудь есть, верно?

– Мы уезжаем через три дня, боюсь, вам не хватит времени подтянуться.

– Папа, ты должен придумать какой-нибудь выход! – решительно потребовала девочка.

– Какая ты смешная, я только об этом с утра и думаю! Или тебе кажется, что я опустил руки? Я весь день голову себе ломал, пытаюсь найти выход.

– Ну и как, нашел? – влез Луи, который больше не мог усидеть на месте.

– Вроде бы есть одна мысль, но я не знаю...

– Говори скорей!

– Если мне удастся раздобыть преподавателя по привидениеведению, вы согласитесь потратить всю субботу на ускоренный курс?

Дружное «да» грянуло в ответ, и Луи с Эмили кинулись искать по полкам тетрадки на пружинках – обязательно в клеточку, фломастеры и цветные карандаши на случай, если будут практические занятия.

– Да, и последнее, – самым торжественным тоном, на который только был способен, заявил Матиас, – Антуан так вас любит, что волнуется из-за любого пустяка; поэтому ни полслова не должно дойти до его ушей. Операция «Язык за зубами», иначе, если он узнает, что у организаторов есть какие-то сомнения по части безопасности, он тут же все отменит. Так что пусть это останется строго между нами.

– Но ты уверен, что после этого курса по привидениям они нас примут? – забеспокоился Луи.

– Спроси у моей дочери, как здорово я все устроил, когда мы ходили смотреть динозавров.

– Мы в надежных руках, будь уверен, – подтвердила Эмили с абсолютно уверенным видом. – После той истории с планетарием все хотят, чтобы я стала старостой класса.

В тот вечер Антуан не заметил заговорщицких перемигиваний, которыми обменивались Матиас и дети. Они все сделали по дому. Антуан решил, что семейная жизнь становится все приятней и приятней.

Что до Матиаса, он не слышал ни слова из тех похвал, на которые не скупился Антуан. Мыслями он был далеко. Ему осталось урегулировать одну маленькую деталь с подругой Ивонны. И тогда он тоже сможет спланировать свой субботний день.

Сидя за стойкой с карандашом в руке, Эния просматривала объявления о приеме на работу. Ивонна принесла ей кофе и попросила уделить минуту внимания. Молодая женщина отложила газету. Ивонна хотела попросить Энию об одной услуге.

– Поможешь мне сегодня в ресторане? Я заплачу, разумеется.

Эния направилась к платяному шкафу:

– Это вы мне оказываете услугу.

Эния, прекрасно знавшая, где в этом доме платяной шкаф, нашла фартук, надела его и немедленно принялась накрывать столы в зале. Впервые за многие годы Ивонна могла наконец провести все утро на своей кухне. Едва заслышав колокольчик у входной двери, она отрывалась от сковородок, и каждый раз оказывалось, что Эния уже приняла заказ, а то и обслужила клиента. Молодая женщина ловко управлялась с кофеваркой и хлопала дверцами холодильников в баре со сноровкой настоящего профессионала. К концу смены Ивонна приняла окончательное решение. Эния обладала всеми необходимыми навыками, чтобы подменить ее в субботу. Она была обходительна с клиентами, умела без всякого шума поставить на место тех, кто забывал о правилах вежливости, и, о верх облегчения, умудрилась избавить Ивонну от излишнего внимания Маккензи, который, кстати, сегодня был не в лучшей форме. Матиас, забежавший выпить кофе, поболтал с новой официанткой. Он был уверен, что где-то ее уже видел; если это такой способ заигрывания, заметила Ивонна как бы про себя, то он несколько запылился; уже в ее время мужчины изобретали менее глупые предлоги, чтобы завести разговор. Матиас с жаром поклялся, что дело вовсе не в этом, он и в самом деле был уверен, что где-то встречал Энию...

Она прервала его, указав на стрелки настенных часов: он уже опаздывал на встречу с Даниэль. Матиас вернулся к себе в магазин.

От своей бывшей должности директрисы школы Даниэль сохранила властный тон и безукоризненные манеры. Она вошла в магазин, стряхнула на коврик капли влаги со своего зонтика, взяла журнал с газетной стойки и решила понаблюдать за Матиасом, прежде чем представиться. Этот метод она применяла на протяжении всей своей карьеры. После уроков она наблюдала за поведением родителей в школьном дворе и часто узнавала гораздо больше, чем из разговоров с ними на родительских собраниях. Она любила повторять: «Жизнь никогда не предоставляет нам второй возможности составить первое впечатление». Когда она решила, что увидела достаточно, то подошла к Матиасу и сказала, что она от Ивонны. Он повел ее в заднюю комнату, чтобы спокойно ответить на все вопросы, какие только придут ей в голову.

Да, Эмили и Луи совершенно замечательны оба и прекрасно воспитаны... Нет, ни у одного из них нет проблем с послушанием. Да, он впервые обратился к услугам бебиситтера... Антуан был против... Кто такой Антуан? Его лучший друг!., и отец Эмили! Да... мама работает в Париже... О да, очень жаль, что они расстались... конечно, для детей это особенно тяжело... но главное, чтобы они чувствовали родительскую любовь... Нет, они не слишком избалованны... Да, они хорошие ученики, очень прилежные. Учительница Эмили считает, что у нее склонность к математике... Учительница Луи? К сожалению, он пропустил последнее родительское собрание... Нет, он не опоздал, просто ребенок забрался на дерево, и ему пришлось его снимать... Да, странная история, но главное, что никто не пострадал... Нет, никакой особой диеты у детей нет, да, они едят сладости... но только в разумных количествах! Эмили учится играть на гитаре, на курсах... не надо беспокоиться, она никогда не репетирует по субботам...

Заметив, как Матиас грызет ногти, Даниэль с трудом сохранила серьезное выражение лица. Она достаточно его помучила, теперь будет над чем посмеяться вместе с Ивонной, когда она

перескажет ей всю эту беседу, как они с самого начала и договорились.

– Почему вы смеетесь? – осведомился Матиас.

– Не знаю, с какого момента мне стало трудно сдерживаться: когда вы оправдывались за сладости или когда рассказывали историю с деревом. Ладно, хватит небылиц, раз Луи – сын Антуана, то, как я представляю, Эмили ваша дочь, я не ошиблась?

– Вы знаете Антуана? – с ужасом спросил Матиас.

– Я одна из трех лучших подруг Ивонны, и нам случается время от времени поболтать о вас; так что да, можно сказать, что я знаю Антуана. Но не волнуйтесь, я буду нема как могила!

Матиас затронул вопрос оплаты, но для Даниэль было достаточно удовольствия провести день с Эмили и Луи. Для бывшей директрисы школы тот факт, что она не имела внуков, был таким свинством, которое она не могла простить своему сыну.

Матиас мог располагать своей субботой со спокойной душой. Даниэль сумеет превратить для детей этот день в нечто захватывающее. Захватывающее?... Возможно, у Матиаса есть идея, как сделать его незабываемым!

* * *

Бывшая директриса школы нашла эту идею просто потрясающей! Больше того, дать детям некоторое представление о тех местах, которые им предстоит посетить, – это очень правильно. Она хорошо знала Англию и несколько раз бывала на Северо-Шотландском нагорье, но что именно имеет в виду Матиас под «курсом по привидениям»? Матиас направился к полкам и вернулся с несколькими книгами в толстых переплетах: «Тартановые легенды», «Озерные привидения Шотландии», «Маленький Мак-Тимид», «Путешествие маленьких привидений в Шотландию».

– Со всем этим вы будете во всеоружии! – заявил он, выкладывая стопку перед ней.

Он проводил ее до дверей магазина:

– Это подарок от фирмы! А главное, не забудьте о письменных ответах на вопросы в конце дня...

Даниэль вышла на улицу с кучей пакетов и столкнулась с Антуаном.

– Какая закупка! – присвистнул Антуан, заходя в книжную лавку.

– Чем могу вам помочь? – спросил Матиас с самым невинным видом.

– Я завтра уеду спозаранок, ты уже продумал, чем вы с детьми будете заниматься?

– Все в порядке, – заверил Матиас.

* * *

Вечером Матиасу стоило невероятных усилий усидеть за столом во время ужина. Под предлогом, что ему нужно подняться за свитером – в доме жутко холодно, правда? – он уединился и прочел послание Одри: *Все выходные я работаю б монтажной*. Позже, вернувшись в свою комнату, – кажется, его радиобудильник зазвонил наверху, слышите? – он выяснил, что ей придется перемонтировать весь материал, отснятый во время их лондонской эпопеи: *Мой техник волосы на себе рвет, все съемки не в кадре*. А десять минут спустя, запершись в ванной, он сообщил Одри о своем недоумении: *Клянусь, в видеоискателе камеры все было отлично*.

Вечерняя смена заканчивалась, Ивонна вздохнула с облегчением и заперла дверь за последним клиентом. За стойкой Эния мыла стаканы.

– Вечер прошел хорошо, на ваш взгляд? – спросила молодая официантка.
 – Тридцать заказов, совсем неплохо для вечера пятницы, дежурное блюдо еще осталось?
 – Все продано.
 – Значит, отличный вечер. Завтра ты прекрасно справишься, – заверила Ивонна, собирая со столов приборы.

– Завтра?
 – Я беру отгул и оставляю ресторан на тебя.
 – Правда?
 – Не ставь бокалы на ножках на эту полку, они дребезжат, когда включена кофеварка... Мелочь для сдачи в ящике кассы. Завтра вечером возьми всю выручку к себе в комнату, я обычно здесь ее не оставляю, кто знает...

– Почему вы мне так доверяете?
 – А почему я не должна тебе доверять? – удивилась Ивонна, подметая пол.
 Молодая официантка подошла к ней и отобрала метлу:
 – Выключатели вон там, во встроенном шкафу, я пошла спать.

Ивонна поднялась по лестнице и зашла к себе в комнату. Она быстренько совершила вечерний туалет и легла. Умолившись под одеялом, она прислушалась к звукам, доносящимся из ресторанного зала. Эния разбила стакан. Ивонна улыбнулась и выключила свет.

Антуан отправился в постель одновременно с детьми, спать ему оставалось совсем немного. Матиас заперся у себя в комнате и продолжал обмениваться сообщениями с Одри. Ближе к одиннадцати она предупредила его, что спускается в кафетерий. Столовая располагалась в подвале, и там он связаться с ней не сможет. А еще она добавила, что тоже мечтает оказаться в его объятиях. Матиас открыл платяной шкаф и выложил на кровать все свои рубашки. После множества примерок он остановил выбор на белой рубашке с отложным воротничком: она шла ему больше всего.

Софи заперла небольшой чемодан, пристроенный на стуле. Взяла билет на поезд, проверила время отправления и зашла в ванную. Подошла к зеркалу, внимательно взгляделась в свое лицо, высунула язык и сделала гримасу. Надела майку, висящую на вешалке за дверью, и вернулась в комнату. Поставив будильник на нужное время, она улеглась в постель, погасила свет и взмолилась, чтобы сон пришел побыстрее. Завтра ей нужно хорошо выглядеть, и главное, без всяких кругов под глазами.

С очками на кончике носа Даниэль склонилась над толстой общей тетрадью, прошитой проволоочной спиралькой. Она взяла линейку и желтым маркером подчеркнула название главы, которое она только что переписала. Второй том «Тартановых легенд» лежал прямо перед ней в центре письменного стола, и она громким голосом прочитала третий абзац страницы, на которой он был открыт.

* * *

Эмили тихонько отворила дверь. Она на цыпочках перебежала через лестничную площадку и поскреблась в дверь Луи. Мальчик появился на пороге в пижаме. Осторожно ступая, она потянула его за собой по лестнице. Оказавшись в кухне, Луи приоткрыл дверцу холодильника, чтобы им светил хоть лучик света. Со всеми мыслимыми предосторожностями дети накрыли стол к завтраку. Пока Эмили наливала в стакан апельсиновый сок и раскладывала перед тарелкой коробки с различными хлопьями, Луи устроился за письменным столом отца и положил пальцы на клавиатуру. Наступал самый опасный момент всей операции, и он зажмурился, нажимая на кнопку «печать», молясь изо всех сил, чтобы стрекот принтера не разбудил обоих отцов. Текст показался ему идеальным. Он сложил листок вдвое, чтобы тот стоял стоймя на столе, и передал его Эмили. Кинув последний взгляд, чтобы удостовериться, что все сделано как надо, дети поднялись обратно и улеглись спать.

Пять часов тридцать минут. Небо над Южным Кенсингтоном наливается бледно-розовым сиянием: занимается заря. Эния закрыла окно и вернулась в постель.

На будильнике было пять часов сорок пять минут. Антуан достал из шкафа толстый свитер и накинул на плечи. Он взял сумку, стоявшую у ножки секретера, открыл ее, чтобы проверить, все ли бумаги он взял. Технические чертежи были на месте, набор зарисовок тоже, он застегнул клапан и спустился вниз. Зайдя на кухню, он обнаружил, что его ждет завтрак. Он развернул листок, стоящий перед так трогательно приготовленной для него тарелкой, и прочел адресованную ему записку: *Ежай асторожна и не привэшай скорость, как следуит пристегнись (даже если будешь сидеть сзади). Я приготовил тебе термос на дорогу. Мы будем ждать тебя к ужину, и не забудь привести какой-нибудь небалышой подарок детям, им это доставляет большое удовольствие, когда ты возвращаешься из поездки. Обнимаю. Матиас.* Глубоко тронутый, Антуан взял термос, забрал свои ключи из вазочки у входа и вышел из дома. Его «остин» был припаркован в конце улицы. Воздух замечательно пах весной, небо было чистым, дорога обещала быть приятной.

Софи потянулась, выходя на кухню своей маленькой квартирки. Она приготовила себе чашку кофе и глянула на циферблат, встроенный в микроволновку. Было уже шесть, и следовало поторопиться, если она не хотела опоздать на поезд. Она задумалась, какой наряд выбрать, разглядывая висящие в шкафу платья, и наконец решила, что джинсы с блузкой подойдут лучше всего.

Шесть часов тридцать минут. Ивонна закрыла за собой дверь, которая выходила на задний двор. С маленьким чемоданчиком в руке, она надела солнцезащитные очки и пошла по Бьют-стрит в направлении станции метро «Южный Кенсингтон». В окне Энии горел свет. Девушка уже проснулась, так что Ивонна могла ехать со спокойным сердцем, эта малышка знала свое дело, и в любом случае так было лучше, чем закрывать на день ресторан.

Даниэль посмотрела на часы, было ровно семь – она любила точность, – и нажала на кнопку звонка. Матиас впустил ее и предложил чашечку кофе. Кофеварка стоит на кухонном столе, чашки в сушилке, а сахар в шкафчике над раковиной. Дети еще спят. В субботу они обычно просыпались часов в девять, так что у нее еще два спокойных часа. Матиас накинул

макинтош, поправил ворот рубашки перед зеркалом у входа, привел в относительный порядок свою шевелюру и поблагодарил ее еще тысячу раз. Он вернется самое позднее к семи вечера. Автоответчик включен, главное, не надо отвечать, если позвонит Антуан; если ему самому понадобится связаться с Даниэль, он сделает два звонка и повесит трубку, прежде чем перезвонить. Матиас покинул дом, бегом поднялся по улице и остановил такси на Олд Бромптон-роуд.

Оставшись одна в большом доме, Даниэль открыла свой портфель и достала две тетради; на обложке одной из них было нарисовано синим карандашом маленькое привидение, на обложке другой – такое же привидение, но карандаш был красный.

* * *

Переходя через Слоан-сквер, еще пустынный в этот утренний час, Матиас глянул на часы: он успевает вовремя на вокзал Ватерлоо.

* * *

Выход из метро располагался прямо у входа на мост Ватерлоо. Ивонна поднялась по эскалатору. Она перешла через дорогу и посмотрела на огромные окна госпиталя Святого Весана. Было всего половина восьмого, у нее еще оставалось немного времени. По мостовой черное такси несло на всех парах к вокзалу.

* * *

Восемь часов. С чемоданчиком в руке Софи остановила проезжавшее мимо такси. «Ватерлоо международный», – сказала она, закрывая дверцу. *Black cab* покатился по Слоан-авеню. Город был великолепен; по сторонам Итон-сквера цвели магнолии, каштаны и вишни. Огромная площадь перед дворцом королевы уже заполнялась туристами, поджидавшими смену караула. Самая красивая часть дороги началась, когда такси свернуло на Бердкейдж-уок. Достаточно было повернуть голову, чтобы буквально в нескольких метрах увидеть, как серые цапли расхаживают по аккуратным лужайкам парка Сент-Джеймс, выклеывая что-то съедобное в траве. Молодая пара уже прогуливалась по одной из аллей, держа каждый за свою руку маленькую девочку, которая, опираясь на родителей, высоко подпрыгивала вверх. Софи наклонилась к разделительному стеклу и сказала несколько слов водителю; на следующем светофоре машина изменила направление.

* * *

– А как же твой матч по крикету? Разве финал не сегодня? – спросила Ивонна.
– Я даже не стал спрашивать, могу ли я пойти с тобой, ты бы все равно не разрешила, – вставая, пояснил Джон.
– Не понимаю, какой тебе смысл ждать все утро. В госпиталь не пускают сопровождающих, только пациентов.

– Как только мы получим результаты анализов, а я не сомневаюсь, что они будут хорошими, я поведу тебя обедать в парк, а если останется время, пойдем посмотрим ту партию, которую играют во второй половине дня.

Было восемь часов пятнадцать минут; Ивонна протянула свое направление в окошечко дежурного администратора, отвечавшего за сегодняшние назначения. К ней вышла медсестра, толкая перед собой кресло-каталку.

– Если вы делаете все возможное, чтобы человек почувствовал себя больным, то с чего он должен чувствовать себя лучше? – засмеялась Ивонна, отказываясь сесть в каталку.

Медсестра очень сожалела, но госпиталь не допускал никаких отклонений от правил. Страховые компании требовали, чтобы все пациенты госпиталя передвигались именно так. Рассерженная Ивонна уступила.

– Чему ты улыбаешься? – бросила она Джону.

– Тому, что впервые в жизни ты вынуждена послушаться и сделать то, что тебе было сказано... а такое зрелище стоит всех финалов по крикету.

– Ты хоть понимаешь, какая расплата тебя ждет за этот приступ юмора? Один к ста как минимум!

– Даже если мне придется заплатить один к тысяче, и то дело выгодное, – смеясь заверил Джон.

Медсестра увезла И войну. Едва Джон остался один, его улыбка угасла. Он тяжело вздохнул, и его высокая фигура медленно двинулась к скамейкам в комнате ожидания. Стрелки на стенных часах показывали ровно девять; утренние часы будут долгими.

* * *

Вернувшись к себе, Софи открыла чемодан и убрала вещи обратно в шкаф. Она надела белый халатик и вышла из комнаты. Направляясь к своему магазину, она набрала на мобильнике сообщение: *На этот уик-энд приехать никак не смогу, поцелуй родителей за меня, твоя любящая сестра.* И нажала кнопку «отправить».

* * *

Половина десятого. Сидя у окна, Матиас смотрел, как пробегают английские сельские пейзажи. Голос из громкоговорителя предупредил о неизбежном въезде в туннель.

– У вас с ушами ничего не случается, когда поезд идет под морем? – спросил Матиас у пассажирки, сидящей напротив него.

– Да нет, только шумит немного. Я езжу туда-обратно раз в неделю и знаю многих, у кого эти явления куда болезненней! – сообщила пожилая дама, погружаясь обратно в чтение.

* * *

Антуан включил указатель поворота и свернул с основной трассы; дорога, идущая вдоль моря, была тем отрезком пути, который он любил больше всего. На такой скорости он приедет в столярную мастерскую на полчаса раньше. Он взял с пассажирского сиденья термос с кофе, зажал его между коленями, отвинтил крышку одной рукой, держась другой за руль. Поднес

горлышко ко рту и вздохнул:

– Вот дурень, это же апельсиновый сок!

Вдали промчался «Евростар». Меньше чем через минуту он нырнет в туннель, идущий под Ла-Маншем.

* * *

На Бьют-стрит все было еще спокойно. Софи подняла решетки, прикрывающие витрину. В нескольких метрах от нее Эния накрывала столы на террасе. Софи улыбнулась ей. Эния исчезла на несколько секунд в ресторане и вернулась с чашкой в руке.

– Осторожней, он очень горячий, – предупредила она, протягивая капучино Софи.

– Спасибо, это очень мило. Ивонны нет?

– Она взяла свободный день, – ответила Эния.

– Да, она же меня предупреждала; я стала такой рассеянной. Не надо ей говорить, что вы меня сегодня видели, ладно?

– Сахар я не клала, я не знала, как вы любите, – сказала Эния, возвращаясь к работе.

В магазинчике Софи провела рукой по рабочему столу, на котором она обрезала цветы. Потом обошла стол и нагнулась за коробкой, где хранились письма. Выбрала одно из середины пачки и поставила коробку на место. Усевшись прямо на пол, так, чтобы ее скрывала стойка, она принялась тихонько читать вслух, и глаза застлало слезами. Какая идиотка, это же надо – так любить причинять себе боль! А ведь сегодня только суббота. Обычно самым нелюбимым ее днем было воскресенье. Иногда одиночество охватывало ее с такой силой, что – вот ведь странный парадокс! – ей не хватало ни сил, ни мужества попытаться умалить его, повидавшись с кем-нибудь из близких. Конечно, она могла принять приглашение брата. Не отказываться и на этот раз. Он бы приехал за ней на вокзал, как и было договорено.

Невестка и племянница по дороге засыпали бы ее тысячью вопросов обо всем на свете. А когда приехали домой, отец и мать стали бы спрашивать, как у нее дела, и она скорее всего разрыдалась бы. Как сказать им, что вот уже три года она ни разу не засыпала в объятиях мужчины? Как объяснить, что по утрам, глядя в чашку, она иногда с трудом сдерживала рыдание? Как описать всю тяжесть собственных шагов, когда вечерами она возвращалась к себе? Единственной передышкой был отпуск, когда она уезжала к друзьям; но отпуск всегда заканчивался, и одиночество вступало в свои права. Что ж, плакать так плакать, но лучше уж это делать здесь, где ее никто не видит.

И пусть тихий голосок внутри твердит ей, что еще не поздно поехать на вокзал. Зачем? Завтра вечером, когда она вернется, все станет еще хуже. Поэтому она разобрала чемодан, лучше уж так.

* * *

Очередь из пассажиров, ожидающих на тротуаре у Северного вокзала, становилась все длиннее. Через сорок пять минут после того, как вышел из «Евро-стара», Матиас погрузился наконец в такси. С тех пор, как вокруг вокзала начались строительные работы, объяснил водитель, его коллеги отказывались подавать сюда машины. Подъехать к вокзалу, а также отъехать от него требовало героических усилий, просто какая-то нереальная круговерть. Они пришли к коллективному заключению, что тот, кто придумал схему движения в городе, либо не

жил в Париже, либо сбежал со страниц одного из романов Оруэлла. Водителю было интересно узнать, как обстоит дело с движением в центре Лондона с тех пор, как там установили платные стоянки, но Матиаса интересовало только время, высвеченное на циферблате у руля. Судя по пробкам на бульваре Мажента, он еще не скоро окажется на площади у башни Монпарнас.

* * *

Медсестра остановила каталку на демаркационной линии, нарисованной на полу. У Ивонны был довольный вид.

– Ну, теперь я могу наконец встать?

По всей вероятности, сказал себе Джон, больничному персоналу мало не показалось. Но он ошибся, молодая женщина расцеловала Ивонну в обе щеки. Давно так не смеялась, заверила она. Тот момент, когда Ивонна поставила на место начальника смены Жисбера, останется навечно запечатленным в ее памяти, как и в памяти ее коллег. Даже в отпуске она будет хохотать, рассказывая, как Ивонна поинтересовалась у него, относится ли слово «степень» к его научному званию или к уровню идиотизма.

– Что они тебе сказали? – тихонько спросил Джон.

– Что тебе придется потерпеть меня еще несколько лет.

Ивонна надела очки, чтобы изучить счет за услуги, который представитель госпиталя протянул ей в окошко.

– Успокойте меня, ведь эти деньги не пойдут в карман тому живодеру, который меня пользовал?

Кассирша заверила ее, что ни в коем случае, и отказалась от чека, который Ивонна выписала. Элементарная честность не позволяла ей принять второй раз оплату за проведенное обследование. Господин, который стоит позади Ивонны, уже все уладил.

– Зачем ты это сделал? – поинтересовалась Ивонна, выходя из здания.

– У тебя нет страховки, и это обследование тебя бы разорило. Я делаю, что могу, моя Ивонна, а ты не оставляешь мне никакой возможности заботиться о тебе, так что я не мог упустить случай, когда ты не стояла у меня над душой.

Она привстала на цыпочки, чтобы нежно поцеловать его в лоб.

– Тогда продолжай в том же духе и отведи меня обедать, я зверски проголодалась.

* * *

Первые клиенты Энии устроились на террасе. Пара ознакомилась с дежурным меню и спросила, можно ли заказать то блюдо, которое они ели на прошлой неделе. Речь идет об изумительном лососе на пару, сервированном на листьях салата.

* * *

За двести километров оттуда «остин» въехал под кирпичную арку, ведущую к большой столярной мастерской. Антуан припарковался во дворе и пешком двинулся к входной двери. Хозяин встретил его с распростертыми объятиями и повел к себе в кабинет.

Решительно, боги сегодня были настроены против него. Преодолев все муки путешествия по пробкам, Матиас заблудился на огромной площади вокзала Монпарнас. Один из охранников башни по доброте душевной указал ему дорогу. Здание телестудии располагалось ровнехонько напротив через площадь от того места, где он находился. Нужно было вернуться на улицу Арриве и бульвар Вожирар, повернуть налево на бульвар Пасте-ра и дальше идти по аллее Второго танкового дивизиона, опять-таки налево. Если бегом, то минут через десять он доберется. Матиас сделал короткую остановку, чтобы купить охапку роз у уличной торговки, и наконец-то оказался перед дверьми студии. Сотрудник службы безопасности попросил у него документы и поискал в своем кондуите телефон пультавой видеомонтажа. Когда его соединили, он сообщил технику, что Одри ожидают на проходной.

Она была в джинсах и кофточке, которая приятно подчеркивала форму ее груди. Щеки ее порозовели, когда она увидела Матиаса.

– Что ты здесь делаешь? – изумилась она.

– Так, гуляю.

– Какой приятный сюрприз, но, умоляю, спрячь цветы. Только не здесь, все на нас смотрят, – прошептала она.

– Я вижу только двух-трех типов там, за стеклом.

– Эти два-три типа, о которых ты говоришь, – директор редакции, начальник отдела информации и журналистка, которая слывет здесь самой большой сплетницей. Поэтому очень тебя прошу, прояви сдержанность, иначе надо мной еще полмесяца будут подсмеиваться.

– У тебя найдется свободная минутка? – взмолился Матиас, пряча букет за спиной.

– Я предупрежу, что отлучусь на часок, подожди меня в кафе, я скоро...

Матиас посмотрел, как она проходит через рамку. За стеклянной перегородкой был виден экран телевизора, на котором в прямом эфире шел дневной выпуск новостей. Он подошел поближе: лицо ведущего показалось ему знакомым. Одри вернулась обратно, сделала страшные глаза и пальцем указала на дорогу к выходу. Смирившись, Матиас послушно развернулся и вышел.

Она присоединилась к нему в конце аллеи, где он расположился на лавочке; за его спиной на городском корте разыгрывались три теннисные партии. Одри взяла свои розы и присела рядом.

– Какие красивые, – сказала она, целуя Матиаса.

– Не теряй бдительности, позади нас трое охранников пытаются взять верх в любительском теннисе над тремя своими приятелями из Управления внешней безопасности.

– Ты прости, что так получилось, но ты представления не имеешь, что там за обстановка.

– Наверно, как под светом юпитеров?

– Я не хочу смешивать свою личную жизнь и работу.

– Понимаю, – пробурчал Матиас, глядя на цветы, которые Одри положила себе на колени.

– Ты дуешься?

– Нет, просто я сел на поезд сегодня спозаранку, и ты не представляешь, как я рад тебя видеть.

– Я рада не меньше, – призналась она, снова целуя его.

– Мне всегда не нравились любовные истории, в которых герои должны прятаться. Если я питаю к тебе настоящее чувство, то хочу иметь возможность сказать об этом всем, чтобы люди, с которыми я общаюсь, могли разделить мое счастье.

– А это тот случай? – с улыбкой поинтересовалась Одри.

– Пока еще нет... но рано или поздно... Кстати, не вижу в этом ничего смешного. Чему ты улыбаешься?

– Тому, как ты сказал «любовные истории»; и мне это очень понравилось.

– Значит, ты хоть немного рада меня видеть?

– Дурачок! Пойдем, хоть я и работаю на свободное телевидение, как ты говоришь, сама я вовсе не свободна в том, что касается моего времени.

Матиас взял Одри за руку и потянул ее к террасе кафе.

– Мы забыли цветы на скамейке! – оглянулась Одри, замедлив шаг.

– Оставь их там, они какие-то дохлые. Я бы хотел преподнести тебе настоящий букет, но было слишком рано, когда я уезжал, и Софи еще не открылась.

А поскольку Одри не произнесла ни слова, Матиас добавил:

– Это моя подруга, цветочница с Бьют-стрит; видишь, ты тоже немного ревнуешь!

* * *

В магазин зашел клиент; Софи поправила халатик.

– Здравствуйте, я пришел по поводу комнаты, – сказал мужчина, пожимая ей руку.

– Какой комнаты? – удивилась заинтригованная Софи.

Он был похож на путешественника, но на путешественника заблудившегося. Он пояснил, что сегодня утром приехал из Австралии и в Лондоне только проездом, завтра он продолжит путь на Восточное побережье Мексики. Гостиницу он заказал по Интернету и даже заплатил аванс, а в данный момент пришел точно по адресу, указанному в его подтверждении заказа, Софи может проверить сама.

– У меня имеются дикие розы, солнцезвезды, пионы, кстати, их сезон только начался и они просто великолепны, но у меня еще нет гостевой комнаты, – сказала она в ответ, смеясь от всей души. – Думаю, вы стали жертвой мошенников.

В замешательстве мужчина поставил свой чемодан рядом с чехлом, в котором, судя по его форме, находилась доска для серфинга.

– Не знаете ли вы какого-нибудь приятного места, где я мог бы поспать сегодня вечером? – спросил он с акцентом, выдававшим его австралийское происхождение.

– Здесь недалеко есть очень симпатичная гостиница. Пройдите дальше по улице, она будет на другой стороне Олд Бромптон-роуд, номер дома – шестнадцать.

Мужчина горячо поблагодарил ее и поднял свой багаж.

– Пионы и правда замечательные, – заметил он выходя.

* * *

Хозяин столярной мастерской внимательно изучил чертежи. В любом случае заказ Маккензи было бы очень трудно выполнить в предлагаемые сроки. Наброски Антуана значительно упрощали работу мастерской, дерево еще не начали распиливать, так что он не видел никаких проблем в том, чтобы заменить предыдущий заказ этим. Договоренность была скреплена крепким рукопожатием. Антуан мог спокойно уезжать на экскурсию в Шотландию. Рабочие придут на место и сразу приступят к установке, так что к вечеру воскресенья все будет закончено. Пора поговорить о других текущих проектах, а в ресторанчике километрах в

десяти отсюда для них заказан столик.

* * *

Матиас посмотрел на часы: уже два!

– Может, посидим подольше на этой террасе? – жизнерадостно предложил он.

– У меня есть идея получше, – возразила Одри и потянула его за собой.

Она жила в маленькой студии на самой верхотуре башни напротив порта Жавель. Если сесть на метро, через четверть часа они уже будут там. Пока она звонила в редакцию, чтобы предупредить, что задержится, а Матиас по телефону менял обратный билет, вагон надземного метро уже нес их по рельсам. Поезд остановился на станции Бир-Хакейм. Они сбежали по огромным металлическим эскалаторам, а на набережной Гренель еще прибавили ходу. Когда они выскочили на эспланаду, окружающую башню, совершенно запыхавшийся Матиас, остановившись, нагнулся вперед, упираясь руками в колени. Потом выпрямился и посмотрел на высоченное здание.

– Какой этаж? – прерывистым голосом выдавил он.

Лифт поднимался до двадцать седьмого. Кабина была непрозрачной, и Матиас смотрел только на Одри. Когда они зашли в квартиру, она подошла к оконному проему, выходящему на Сену. Задернув занавески, чтобы не вызвать у него головокружения, она все же головокружение вызвала, но иным образом – сняв кофточку; потом позволила джинсам скользнуть по ногам вниз.

* * *

Народу на террасе не убавлялось. Эния бегала от столика к столику. Она приняла плату от австралийского серфингиста и охотно согласилась посторожить его доску, пусть только прислонит ее к стене в служебном кабинете. Ресторан вечером открыт, он может забрать ее до двадцати двух часов. Она показала ему дорогу и вернулась к своим обязанностям.

* * *

Джон поцеловал руку Ивонны.

– Сколько осталось времени? – спросил он, ласково поглаживая ее щеку.

– Сказала же тебе, я доживу до ста лет. – А вот что врачи сказали?

– Те же глупости, что всегда.

– А может, что ты должна побереечь себя?

– Ну да, что-то в этом роде, ты же знаешь, каково понять их птичий язык...

– Уходи на пенсию и перебирайся ко мне в Кент.

– Если я тебя послушаю, вот тогда точно укорочу свой век. Я не могу бросить ресторан, ты же понимаешь.

– Но ведь сегодня ты прекрасно его бросила...

– Джон, если мое бистро закроется после моей смерти, это убьет меня во второй раз. И потом, ты же любишь меня такой, какая я есть, и за это я люблю тебя.

– Только за это? – насмешливо удивился Джон.

– Нет, еще за твои большие уши. Пойдем в парк, мы пропустим финал.

Но сегодня крикет Джона не волновал. Он взял немного хлеба из корзинки, расплатился по счету и вышел под руку с Ивонной. Он повел ее к озеру, и вместе они кормили гусей, которые, едва заведя их, принялись гоготать.

* * *

Антуан поблагодарил хозяина. Вместе они вернулись в мастерскую. Антуан подробно объяснил детали чертежей старшему мастеру. Максимум через два часа он сможет уехать. С другой стороны, торопиться не имело смысла, потому что детьми занимался Матиас.

* * *

Одри прикурила сигареты и вернулась в постель к Матиасу.

– Мне нравится вкус твоей кожи, – проговорила она, лаская его спину.

– Когда ты вернешься? – глубоко затянувшись, спросил он.

– Ты куришь?

– Я бросил, – закашлявшись, признался он.

– Ты опоздаешь на свой поезд.

– Это означает, что тебе пора возвращаться на телевидение?

– Если хочешь, чтобы я приехала к тебе в Лондон, мне необходимо закончить монтаж этого репортажа, а там конца-краю не видно.

– То, что я отснял, так плохо?

– И даже хуже, мне приходится выуживать материал из архивов; не знаю, чем уж тебя так заворожили мои коленки, но ты снимал только их.

– Это у тебя виждоискатель такой, а вовсе не я, – заверил Матиас одеваясь.

Одри попросила не ждать ее, она воспользуется тем, что попала домой, чтобы переодеться и взять с собой что-нибудь перекусить на вечер. Чтобы наверстать потерянное время, она будет работать всю ночь.

– А что, это время было потерянным? – спросил Матиас.

– Нет, ты и вправду дурачок, – отозвалась она, целуя его.

Матиас уже вышел на площадку; Одри пристально следила за ним.

– Почему ты на меня так смотришь? – обернулся к ней Матиас, нажимая на кнопку лифта.

– У тебя больше никого сейчас нет?

– Есть, моя дочь...

– Ладно, проваливай!

И дверь квартиры захлопнулась за последним поцелуем, который она послала ему.

* * *

– В котором часу твой поезд? – спросила Ивонна.

– Поскольку ты не желаешь, чтобы мы поехали к тебе, а Кент, на твой взгляд, слишком далеко, то что скажешь на предложение провести ночь в роскошном отеле?

– Ты и я в гостинице? Джон, это в нашем-то возрасте?

– Для тебя возраста не существует, мне так кажется; а когда я с тобой, его не существует и для меня. Я всегда буду видеть перед собой личико той молодой женщины, которая однажды зашла в мой книжный магазин.

– Только ты один его и видишь! А помнишь нашу первую ночь?

– Я только помню, что ты заливалась слезами, как Магдалина.

– Я плакала, потому что ты ко мне не прикоснулся.

– Я не прикоснулся, потому что ты боялась.

– А я плакала именно потому, что ты это понял, дурачок.

– Я забронировал номер люкс.

– Пойдем сначала пообедаем в твоём отеле, а там посмотрим.

– Мне будет позволено попытаться тебя напоить?

– Мне кажется, ты пытаешься сделать это с момента нашего знакомства, – сказала Ивонна, сжимая его руку в своей.

* * *

Семнадцать часов тридцать минут. «Остин» катится по проселочным дорогам. Пейзажи Сассекса просто изумительны. Антуан улыбается: вдалеке «Ев-ростар» остановился прямо в чистом поле. Да, его пассажиры вряд ли вовремя прибудут по назначению, а вот он будет в Лондоне приблизительно через два часа...

* * *

Семнадцать часов тридцать две минуты. Начальник поезда объявил, что они прибудут на час позже, чем предусмотрено расписанием. Матиас хотел было позвонить Даниэль, чтобы предупредить ее. Конечно, вряд ли можно предположить, что Антуан приедет раньше его, но лучше на всякий случай подготовить добротное алиби. Сельский пейзаж был изумителен, но к несчастью для Матиаса, вдоль железнодорожного полотна его мобильник не мог нащупать ни одну сеть.

– Ненавижу коров, – пробормотал он, глядя в окно.

* * *

День близился к концу; Софи собрала опавшие лепестки в специальный ящик, служивший для этой цели. Она всегда посыпала пригоршней лепестков свои букеты. Софи опустила решетки на окна магазина, сняла свой халат и вышла через заднюю дверь. Воздух освежал, но вечер был слишком хорош, чтобы сразу возвращаться домой. Эния предложила ей занять любой свободный столик, а таких было много. В зале ресторана мужчина с внешностью заблудившегося путешественника ужинал в одиночестве. Она ответила на его улыбку и после короткого колебания сделала знак Энии, что поужинает за столиком молодого человека. Поездка в Австралию всегда была ее мечтой, и она хотела задать ему кучу вопросов.

* * *

Двадцать часов. Поезд наконец-то добрался до вокзала Ватерлоо. Матиас выскочил на перрон и бросился бежать по движущейся дорожке, расталкивая тех, кто загораживал ему дорогу. Он первым подоспел к стоянке такси и пообещал таксисту солидные чаевые, если тот довезет его до Южного Кенсингтона за полчаса.

* * *

Часы на приборной доске показывали двадцать часов десять минут, Антуан притормозил и после краткого колебания свернул на Бьют-стрит. Решетки на окнах магазинчика Софи были, естественно, опущены, поскольку она уехала на эти выходные. Опершись рукой на пустое пассажирское место рядом, он развернулся и поехал обратно на Клервил-гроув. Свободное место для парковки отыскалось прямо перед домом. Он поставил машину и достал из багажника две фигурки, которые изготовил для него хозяин мастерской: деревянную птицу для Эмили и самолет для Луи. Матиас не сможет упрекнуть его в том, что он забыл о подарках для детей.

Когда он появился в гостиной, Луи кинулся ему на шею, а Эмили едва подняла голову: она заканчивала рисунок вместе с Тати Даниэль.

* * *

Софи съела свою закуску в Сиднее, расправилась с камбалой в Перте и полакомилась карамельным кремом в Брисбанае. Решено, в один прекрасный день она обязательно отправится в Австралию. К сожалению, в ближайшем и даже отдаленном будущем Боб Уоллей не сможет служить ей гидом. Кругосветное путешествие завтра увлечет его в Мексику. Один курортный центр на побережье пообещал ему место инструктора по парусному спорту на шесть месяцев. Что потом? Он представления не имел, жизнь сама покажет. Он мечтал об Аргентине, а если средства позволят, то дальше он переберется в Бразилию и Панаму. Западное побережье Соединенных Штатов будет первым этапом его путешествия на будущий год. Весной у него была назначена встреча с друзьями, чтобы поймать большую волну.

– А где именно на Западном побережье? – допытывалась Софи.

– Где-то между Сан-Диего и Лос-Анджелесом.

– У вас точные координаты точки приземления, – заметила Софи, смеясь от всего сердца. – А как же вы умудритесь встретиться с друзьями?

– Слухами земля полнится, так что мы всегда узнаем, где кто находится. Мир серфингистов – одна небольшая семья.

– А потом?

– Сан-Франциско, обязательный пробег под парусом под Золотым мостом, а потом найду грузовой корабль, который согласится взять меня на борт, и отправлюсь поближе к Гавайским островам.

Боб Уоллей предполагал остаться минимум года на два в районе Тихого океана – там столько атоллов, которые интересно посмотреть. Когда он попросил счет, Софи напомнила молодому серфингисту, чтобы он не забыл свою доску, которую оставлял под ее присмотром. Доска дожидалась его, прислоненная к стене у входа в кабинет.

– Она не позволила вам оставить ее в гостинице? – удивилась Софи.

– Ну, я же говорил о комнате за сходную цену... – смутился Боб.

Чтобы продолжить путешествие, нужно тщательно рассчитывать бюджет. Он не может

позволить себе потратить за пристанище на ночь сумму, которая даст ему возможность прожить почти месяц где-нибудь в Южной Америке. Но Софи не следовало беспокоиться. Погода нынче мягкая, лондонские парки великолепны, а он обожает спать под открытым небом. Он привык.

Софи заказала им два кофе. Австралийский путешественник, который уезжал в Мексику и должен был вернуться из своей поездки только в следующем веке... Не беспокоиться, что он проведет ночь на улице?... Он плохо ее знал! Она вдруг почувствовала себя очень виноватой за то, что утром дала ему дурной совет; ведь отчасти из-за нее этот симпатичный серфингист не смог найти где переночевать по нормальной цене... Вон какая у него милая ямочка на подбородке... Только чтобы снять с себя вину, да, только поэтому... Господи, она просто тает, когда он улыбается... И руки у него какие красивые... Вот если б он еще раз улыбнулся, всего разок... Нужно только набраться смелости... В конце концов, не так уж это трудно...

— Вы не знаете здешних мест, это естественно, но в Лондоне дождь может пойти в любой момент... особенно ночью... а уж когда идет дождь, то это просто ливень...

Софи незаметно смахнула счет себе на колени, скатала его в шарик и бросила под стол. Она сделала знак Энии, что потом зайдет оплатить его.

* * *

Чуть позже Боб Уоллей пропустил Софи вперед у дверей ее квартиры, Джон Гловер поступил точно так же по отношению к Ивонне на пороге номера люкс, который он зарезервировал в «Карлтоне», а когда Матиас вставил ключ в дверь своего дома, ему открыл Антуан. Он только что посадил Даниэль на такси...

* * *

Кадры отматывались назад на полной скорости. Одри тронула кнопку на' монтажном столе, чтобы остановить перекрутку ленты. Она узнала на экране изображение старой электростанции с ее четырьмя гигантскими трубами. На откосе стояла она сама с микрофоном в руке и улыбалась; хотя лицо получилось совершенно размытым, она точно помнила, что улыбалась. Выбравшись из-за пульта, Одри решила, что пора спуститься за горячим кофе в кафетерий. Ночь обещала быть долгой.

* * *

Уткнувшись носом в раковину, Матиас перетирал посуду. Рядом с ним Антуан в фартуке, завязанном на поясе, и резиновых перчатках надраивал половник, нещадно водя по нему мочалкой.

— Ты ручку деревянную не поцарапаешь, если будешь так тереть?

Антуан и ухом не повел. За весь вечер он не произнес и слова. После ужина Эмили и Луи, чувствуя витающую над домом бурю, предпочли устроиться в сторонке, от греха подальше, чтобы повторить пройденное за день: перед уходом Даниэль дала им домашнее задание.

— У тебя совершенно не гибкая психика! — изрек Матиас, запихивая тарелку в сушку.

Антуан надавил на педаль мусорного ведра, выбросил туда половник, отправил следом мочалку. Нагнулся и достал новую с полки.

– Согласен, я нарушил твое священное правило! – продолжил Матиас, воздевая руки к небу. – Мне нужно было отлучиться на пару часов в конце дня, всего на каких-то пару часиков, и я позволил себе попросить подругу Ивонны посидеть с детьми, ну и в чем тут трагедия?... К тому же они ее обожают.

– Она приходящая няня! – гнул свое Антуан.

– Ты протираешь пластиковый стаканчик! – взревел Матиас.

Антуан сорвал с себя фартук, скомкал его и швырнул на пол.

– Должен напомнить, что мы договорились...

– Мы договорились, что заживем в свое удовольствие, а не будем выступать в качестве конкурентов стенду «Месье Чистюля» на Парижской ярмарке.

– Тебе плевать на все договоренности! – не сдавался Антуан. – Мы установили три правила, всего три простеньких правила...

– Четыре! – не упустил случая Матиас, – и я ни разу не закурил сигару в доме, так что не надо, а! А еще ты меня утомил, так что я пошел спать. Да, хорошенькие будут каникулы!

– Это не имеет ни малейшего отношения к каникулам.

Матиас поднялся по лестнице и остановился на последней ступеньке.

– Выслушай меня хорошенько, Антуан, с сегодняшнего дня я меняю правило. Мы будем поступать, как любая нормальная пара; если возникнет нужда, будем вызывать приходящую няню, – подытожил он, заходя в свою комнату.

Оставшись в одиночестве за кухонной стойкой, Антуан стянул резиновые перчатки и поглядел на детей, сидевших по-турецки на полу. Эмили держала ножницы. Луи вооружился тюбиком с клеем. Они со всем тщанием вклеивали в тетрадки вырезанные фотографии и сравнивали получившиеся друг у друга коллажи.

– А чем именно вы занимаетесь? – поинтересовался Антуан.

– Готовим сочинение о семейной жизни! – ответили Эмили и Луи, пряча от чужих глаз свою работу.

На мгновение Антуан ощутил некоторую неуверенность.

– Пора спать, завтра придется встать пораньше, ведь мы уезжаем в Шотландию. Ну-ка всем в постель!

Эмили и Луи не заставили просить себя дважды и быстренько сложили свои вещи. Хорошенько укутав сына одеялом, Антуан погасил свет и несколько секунд помедлил в темноте.

– Это ваше сочинение о семейной жизни... вы все-таки дайте мне его прочесть, прежде чем сдавать учительнице.

Зайдя в ванную, он нос к носу столкнулся с Матиасом, который чистил зубы, уже облаченный в пижаму.

– И к тому же обращаю твое внимание, что это я оплатил бебиситтера! – добавил тот, ставя стакан на полочку.

Матиас поклонился и покинул ванную. Пять секунд спустя Антуан распахнул дверь и прокричал в коридор:

– В следующий раз оплати себе лучше курсы французского языка, потому что в твоей утренней записке полно орфографических ошибок!

* * *

Последние клиенты ушли. Эния заперла дверь и погасила неоновое освещение витрины. Она убрала в зале, удостоверилась, что стулья ровно стоят вокруг столов, и вернулась в кабинет.

В последний раз проверив, все ли в порядке, она снова зашла за стойку, чтобы забрать деньги из кассы, как ее просила Ивонна. Проверив счета, она отделила выручку от чаевых и сложила банкноты в конверт. Конверт она убрала к себе под матрас, с тем чтобы отдать его Ивонне, когда та вернется. Толкнув ящик, она попыталась закрыть кассу, но ящик не поддавался; она запустила руку внутрь и нащупала в глубине какой-то мешавший предмет. Достав его, она увидела очень старый бумажник из потемневшей кожи. Охваченная любопытством, Эния открыла его. Внутри лежал пожелтевший листок бумаги, и она его развернула.

7 августа 1943 г.

Доченька моя, нежно любимая девочка!

Пишу тебе последнее письмо. Через час они меня расстреляют. Я уйду с высоко поднятой головой, гордый тем, что ничего не сказал. Пусть это огромное свалившееся на нас горе не тревожит тебя сверх меры, я умру всего лишь один раз, а те сволочи, что расстреляют меня, будут умирать всякий раз, когда история их помянет. Я оставляю тебе в наследство имя, которым, ты можешь гордиться.

Я хотел добраться до Англии., а истеку кровью в тюремном дворе во Франции, но это ради нее и ради тебя, и ваша свобода стоит того, чтобы отдать жизнь. Я сражался за то, чтобы человечество стало лучше, и верю, что ты сумеешь осуществить мечты, которые я больше не смогу с тобой разделить.

Что бы ты ни задумала, никогда не отступай, такова цена человеческого свободы.

Маленькая моя Ивонна, я вспоминаю тот день, когда повел тебя на большое колесо обозрения в Терне. Ты была такая красивая в своем цветастом платье. Ты показывала пальчиком на крыши Парижа. Я помню, какое желание ты загадала. И еще до того, как меня арестовали, я спрятал для тебя в ячейке камеры хранения немного денег, которые мне удалось отложить; они тебе пригодятся. Теперь я знаю, что мечты цены, не имеют, но, возможно, эти деньги хоть немного помогут тебе осуществить твою собственную мечту в мире, где меня больше не будет. Я кладу ключ в этот бумажник, твоя мать знает, куда нужно идти, и все тебе покажет.

Я слышу шаги, они приближаются, но я не боюсь, разве что за тебя.

Вот, я слышу, как ключ поворачивается в замке моей камеры, и улыбаюсь при одной только мысли о тебе, доченька. Внизу во дворе, привязанный к столбу, я произнесу твое имя.

Пусть я умру, все равно я никогда не покину тебя. В моей вечности ты пребудешь тем, ради чего я жил на земле.

Сделай так, чтобы твоя жизнь сбылась, ты моя слава и моя гордость.

Любящий тебя папа.

Смутившись, Эния сложила письмо и убрала его обратно в кармашек бумажника. Закрывает ящик кассы и погасила свет в зале. Когда она поднималась по лестнице, ей чудилось, что позади нее ступеньки поскрипывают под ногами отца, который действительно никогда не покидал свою дочь.

Они договорились, что каждый разбудит отца другого. Луи запрыгал сома-тиком по кровати Матиаса, а Эмили одним махом сорвала одеяло с кровати Антуана. Час спустя, не без криков и толкотни – Матиас не мог отыскать билеты, а Антуан не был уверен, что отключил газ, – такси тронулось наконец по направлению к аэропорту Гатвик. По терминалу пришлось бежать бегом, чтобы умудриться-таки успеть на посадку – последними! – до того как откатали трап. «Боинг-737» авиакомпании «Бритиш Мидлэнд» приземлился в Шотландии в час обеденного перерыва. Переезжая в Лондон, Матиас предполагал, что общение на английском языке будет для него истинным адом, но встреча со служащим агентства по прокату автомобилей эдинбургского аэропорта доказала ему, что все предыдущее было лишь чистилищем.

– Я не понимаю ни слова из того, что говорит этот тип. Машина есть машина, ведь так? Клянусь, у него сосалка во рту! – горячился Матиас.

– Пусти меня, я сам этим займусь, – отталкивая его в сторону, заявил Антуан.

Полчаса спустя ярко-зеленый «Рено-Кангу» выехал на автостраду М9 и двинулся в северном направлении. После того как они проехали городок Лилинргоу, Матиас пообещал мороженое из шести шариков первому из троих своих спутников, которому удастся выговорить это название. Заблудившись при попытке объехать Фалькерк, уже к наступлению ночи они добрались до восхитительного города Айрт с его замком, возвышающимся над рекой Форс. Там они и должны были заночевать.

Встретивший их дворецкий был столь же очарователен, сколь уродлив. Лицо все покрыто шрамами, а на левом глазу повязка. Его высокий птичий голос совершенно не соответствовал облику старого пирата. По настоятельной просьбе детей он охотно согласился, несмотря на поздний час, провести их по замку. Эмили и Луи аж подпрыгнули от восторга, когда он открыл двери двух тайных проходов, начинающихся от большой гостиной – один вел в библиотеку, другой на кухню. Провожая их на самый верх донжона, дворецкий с очень серьезным видом пояснил, что в номерах 3, 9 и 23 прохладнее, чем во всех остальных, поскольку там водятся привидения. Кстати, согласно предварительной договоренности, для них были забронированы именно два последних номера, в каждом из которых имелось две кровати.

Антуан наклонился к уху Матиаса:

– Потрогай его!

– Что ты несешь?

– Говорю же, потрогай его, я только хочу проверить, настоящий он или нет.

– Ты сдурел?

– Глянь на его физиономию... Откуда ты знаешь, что он сам не привидение? Это была твоя идея приехать сюда, так что делай что хочешь, можешь задеть его, будто случайно, но я желаю увидеть собственными глазами, что твоя рука не пройдет сквозь его тело.

– Ты просто смешон, Антуан.

– Предупреждаю, я и с места дальше не двинусь, если ты этого не сделаешь.

– Как скажешь...

И, воспользовавшись полумраком, царившим в коридоре, Матиас быстрым движением ущипнул дворецкого за ягодицу – тот подпрыгнул.

– Ну, теперь ты доволен? – прошептал Матиас.

Озадаченный дворецкий обернулся и внимательно оглядел двух папаш своим единственным оставшимся оком.

– Возможно, вы предпочитаете, чтобы малыши разместились в одной комнате, а вы оба в

другой?

Почувствовав скрытую в вопросе иронию, Матиас самым важным голосом, на какой был способен, тут же заверил, что каждый отец безусловно будет спать со своим чадом.

Вернувшись в холл, Антуан подошел к Матиасу.

– Можно тебя на минутку? – шепнул он, отводя того в сторонку.

– Ну что еще?

– Успокой меня, ведь эти истории о привидениях – шутка? Ты же не думаешь, что они здесь действительно водятся?

– Ага, ты когда на лыжном подъемнике на гору поднимаешься, тоже спрашиваешь, есть на вершине снег или нет?

Антуан кашлянул и отправился обратно к портье:

– Знаете, мы тут хорошенько подумали и решили, что все разместимся в одной комнате, на большой кровати дети, а мы уж на другой, потеснимся немного. К тому же вы сами сказали, что там холодно, а так хоть не простудимся!

Эмили и Луи пребывали в полной эйфории: каникулы начались просто здорово! После ужина в столовой перед камином, где потрескивали дрова в очаге, все решили отправиться спать. Матиас открывал шествие по лестницам, ведущим в донжон. Апартаменты, которые им предназначались, были великолепны. Две огромные кровати с балдахинами, резного дерева и с красными драпировками стояли напротив окон, выходящих на реку. Эмили и Луи заснули, едва был выключен свет. Матиас захрапел посреди недоговоренной фразы. При первом уханье совы Антуан прижался к другу и больше ни разу не шевельнулся за всю ночь.

* * *

На следующее утро перед отъездом им был подан обильный завтрак. И вот машина уже катится к следующему пункту маршрута. У них целых полдня на осмотр замка Стерлинга. Внушительное здание построено на вулканических скалах. Гид рассказал им историю Леди Розы. Эта прекрасная волнующая женщина была обязана своим именем цвету шелкового платья, в которое при каждом своем появлении было облачено ее привидение.

Некоторые утверждали, что это была Мария, королева Шотландии, коронованная в 1553 году в старинной часовне, другие предпочитали верить, что речь идет о безутешной вдове, которая ищет тень своего мужа, убитого в жестоких боях во время осады, когда в 1304 году Эдуард I пытался захватить замок.

В этих местах обитал также призрак Леди Грей, управительницы Марии Стюарт, которая спасла свою повелительницу от верной смерти, стащив с нее пылающие простыни. Увы, при каждом появлении Леди Грей в замке случалось какое-нибудь несчастье.

– Подумать только, а ведь мы могли бы провести каникулы где-нибудь в «Клуб Мед»! – проворчал Антуан, услышав о Леди Грей.

Эмили попросила его замолчать, а то ей не слышно, что рассказывает гид:

– Кстати, этим вечером обязательно прислушайтесь – вы услышите таинственные шаги, эхо которых доносится с контрфорсов. Это Маргарет Тюдор, которая каждую ночь поджидает возвращения своего мужа Якова Четвертого, объявленного пропавшим в битве с армией его родственника Генриха Восьмого.

– Понятно, что она его потеряла, кто ж не запутается во всех этих цифрах! – воскликнул Матиас.

На этот раз Луи призвал его к порядку.

На следующее утро Эмили и Луи сгорали от нетерпения больше обычного. Сегодня они должны были посетить замок Глэмис, который считался одним из самых красивых во всей Шотландии и держал первенство по обилию привидений. Сторож был счастлив принять их; вообще-то тот, кто обычно вел экскурсии, приболел, но сторож знал куда больше его. Передвигаясь из комнат в коридоры, а из коридоров в донжон, согбенный старик объяснял, что королева-мать жила здесь ребенком. Она вернулась сюда, чтобы произвести на свет прелестную принцессу Маргарет. Но история замка восходила к седой древности, он давал приют и самому гнусному из королей Шотландии – Макбету!

– Камни его стен кишели призраками.

Воспользовавшись паузой – ноги их гида с трудом одолевали лестницы, ведущие к башенным часам, – Матиас отделился от группы. К великому его разочарованию, мобильник по-прежнему не мог поймать ни одну сеть. Прошло уже два дня с тех пор, как он сумел отправить Одри последнее сообщение. Посетив другие комнаты, они узнали, что там можно встретить привидение молодого слуги, умершего от холода во рву, и женщины без языка, которая ползала по коридорам при наступлении ночи. Но самой большой загадкой была исчезнувшая комната. Снаружи в стенах замка было прекрасно видно ее окно, но изнутри никому не удавалось найти ведущую в нее дверь. Легенда гласила, что граф Глэмис играл там в карты с друзьями и не пожелал прерывать партию, когда башенные часы пробили наступление воскресенья. Тогда к ним присоединился незнакомец в черном плаще. Когда слуга принес им еду, то обнаружил своего хозяина играющим с дьяволом посреди огненного круга. Комната была замурована, и вход в нее навсегда утерян. Но, добавил гид, завершая экскурсию, этим вечером из своих комнат они легко могут услышать, как сдаются карты.

Вернувшись на аллеи парка, Антуан признался, что сыт по горло этими историями о привидениях, так что и речи быть не может, чтобы юный замороженный слуга принес ему поднос, если он на свое несчастье ночью позвонит в обслуживание по номерам, и уж тем более он не собирается делить лестничную площадку с такой соседкой, как женщина без языка.

Разъяренный Луи заявил, что отец ничего не понимает в повадках привидений, а поскольку Антуан действительно не мог понять, о чем идет речь, Эмили устремилась ему на помощь.

– Призраки и привидения – это совершенно разные вещи. Если бы ты потрудился разузнать о них побольше, то помнил бы, что существуют три категории фантомов: светящиеся, субъективные и объективные, и хотя они могут ужасно тебя напугать, они все совершенно безопасны; а вот привидения, как ты говоришь, потому что все путаешь, так вот, привидения – это живые мертвецы, и они очень злые. Сам видишь, тут даже ничего общего нет, потому что они совсем разные!

– Ладно, эктоплазма или катаплазма, но что касается меня, я сегодня ночью в гостинице «Холидей Инн». И кстати, могу ли я узнать, с каких пор вы оба стали экспертами по фантомам? – добавил Антуан, разглядывая детей.

Матиас тут же вмешался:

– Ты что, недоволен тем, что наши дети широко образованны?

В глубине кармана своего плаща Матиас сжимал в ладони мобильник. Конечно, в современном отеле куда больше шансов послать сообщение, а сейчас самое время прийти на помощь другу – Он объявил детям, что сегодня вечером у каждого будет своя комната. Пусть кровати в шотландских замках и были огромными, он как следует не высыпался с тех пор, как делил свою с Антуаном... Хотя гиды утверждали, что в комнатах ледяной холод, в последние

ночи ему было слишком жарко.

Когда они двинулись к машине, опередив Луи и Эмили, которые не переставали дуться, призраки этих мест могли бы услышать странную перебранку...

– Да нет же, клянусь, ты прижимаешься... Сначала ты вертишься, а потом прижимаешься!

– Ничего я не прижимаюсь!... А вот ты храпишь!

– Вот уж не верю, ни одна женщина никогда мне не говорила, что я храплю.

– Ага, а когда это было в последний раз – твоя ночь с женщиной? Еще Каролина Леблон говорила, что ты храпишь.

– Заткнись!

* * *

Вечером, когда они оккупировали целый отсек в «Холидей Инн», Эмили позвонила своей матери, чтобы рассказать, как прошел день в замке. Валентина была счастлива услышать ее голос. Конечно, она тоже соскучилась и целует ее фотографию каждый вечер, прежде чем заснуть, а на работе все время поглядывает на тот маленький рисунок, который Эмили засунула ей в визитницу. Да, ей тоже кажется, что время тянется очень медленно, и она скоро приедет, может быть, даже в этот уик-энд, как только Эмили вернется. Только пусть передаст трубку папе, уж коли он рядом, и они обо всем договорятся. В субботу у нее семинар, но она сядет в поезд, как только освободится. Договорились, она заедет за Эмили утром в воскресенье, и они проведут целый день вместе, как двое влюбленных... Да, совсем как тогда, когда они жили вместе. А теперь нужно выбросить все из головы и думать только о красивых замках и радоваться чудесным каникулам, которые устроил ей папа... И Антуан... да... конечно!

Матиас поговорил с Валентиной и передал трубку обратно дочери. Когда Эмили закончила разговор, он незаметно глазами указал Антуану на Луи. Мальчик сидел совсем один перед телевизором, пристально глядя в экран... вот только телевизор был выключен.

Антуан обнял сына с огромной нежностью, такой нежностью, которая могла исходить только от четырех соединенных рук.

* * *

Воспользовавшись тем, что Антуан занялся отмыиванием детей, Матиас вернулся к стойке администратора, сославшись на то, что забыл в машине свитер.

В холле ему удалось объясниться с портье, правда в основном на языке мимики и жеста. К сожалению, в гостинице имелся только один компьютер, в кабинете бухгалтера, и клиенты не имели к нему доступа для отправки своих мейлов. Зато служащий весьма любезно предложил, что сам отправит мейл, улучив момент, когда хозяин отвернется. Через несколько минут Матиас передал ему текст, нацарапанный на клочке бумаги.

В час ночи Одри получила следующее сообщение:

Ухал в Шутлаидию с детми, будю в ту суботу, немогу с тобой свизаца. Скачаю уежастно. Мэтьяс.

А на следующее утро, когда Антуан уже устроился за рулем, а дети пристегнулись, девушка с гостиничного коммутатора бегом пересекла стоянку, чтобы вручить Матиасу конверт.

Мой Мэтьяс,

Я волновалась, что не могу с тобой связаться, надеюсь, поездка интересная, я так люблю

Шутландию и тамошних шутландцев. Скоро к тебе приеду, тоже скачаю... с лишком.

Твоя Хеберн.

Совершенно счастливый, он сложил листок и убрал его в карман.

– Что там было? – спросил Антуан.

– Копия гостиничного счета.

– За номера плачу я, а счет отдают тебе!

– Ты же не можешь вставить его в свои расходы, а я могу! И потом, кончай болтать, следи лучше за дорогой, если верить карте, ты должен свернуть на следующем повороте направо... Я же сказал направо, почему ты свернул налево?

– Потому что ты держишь карту кверху ногами, дубина!

* * *

Машина двигалась на север, в направлении Северо-Шотландского нагорья; они остановятся в очаровательной деревеньке под названием Спейсайд, известной своим виски, которое там и производилось, а после обеда все вместе отправятся в знаменитый замок Кодор. Эмили рассказала, что там было целых три призрака: во-первых, некая таинственная эктоплазма, облаченная в фиолетовый шелк, во-вторых, призрак знаменитого Джона Кэмбелла Кодорского, и наконец, призрак очень грустной дамы без рук. Услышав, кто является третьим обитателем тех мест, Антуан до отказа утопил педаль тормоза, но машину несло еще метров пятьдесят.

– Что на тебя на шло.

– Вы должны выбрать прямо сейчас! Мы или обедаем, или идем посмотреть на даму с кульями, но на то и другое я не способен! Что слишком, то слишком!

Дети замотали головами, воздержавшись от любых иных комментариев. Коллективное решение было принято, Антуан освобожден от экскурсионной повинности, он подождет их в гостинице.

Едва добравшись до места, Эмили и Луи помчались к магазинчику сувениров, оставив Антуана и Матиаса одних за столом.

– Что меня потрясает, так это то, что мы уже три дня ночуем в самых неудобных местах, какие только можно представить, а ты вроде бы входишь во вкус! Этим утром, когда мы были в замке, ты вел себя, как четырехлетний малыш! – заметил Антуан.

– Кстати о вкусах, – подхватил Матиас, читая меню, – ты не хочешь взять дежурное блюдо? Всегда интересно попробовать местную кухню.

– Смотря что они предлагают.

– Хаггис.

– Представления не имею, что это, но пусть будет хаггис, – сказал он хозяйке, которая подошла принять заказ.

Десять минут спустя она поставила перед ним тарелку с фаршированным бараньим рубцом, и он передумал. Яичница из двух яиц будет в самый раз, он не так уж голоден. В конце трапезы Матиас с детьми отбыли на экскурсию, оставив Антуана в одиночестве.

За соседним столиком молодой человек и его подруга строили планы на будущее. Навострив уши, Антуан понял, что его сосед был архитектором, как и он сам; а поскольку сидеть одному за столом было смертельно скучно, то образовалось два добротных повода завязать беседу.

Антуан представился, и мужчина поинтересовался, правильно ли он догадался, что Антуан француз. Только он ни в коем случае не хотел его обидеть, английский язык Антуана

безупречен, но, прожив несколько лет во Франции, он без труда определил происхождение легкого акцента.

Антуан в свою очередь очень любил Соединенные Штаты и поллюбопытствовал, из какого они города: он тоже распознал акцент.

Парочка оказалась с Западного побережья, они жили в Сан-Франциско, а сейчас вкушали вполне заслуженный отдых.

– Вы приехали в Шотландию посмотреть на привидения? – спросил Антуан.

– Нет, этого добра у меня и дома хватает, достаточно открыть шкаф, – заметил молодой человек, глянув на свою спутницу.

Та в ответ пнула его под столом ногой.

Его звали Артур, ее Лоран, и они путешествовали по Европе, почти шаг в шаг следуя маршрутам, которые рекомендовала им чета старых друзей, Джордж Пильгез с супругой, – те были совершенно очарованы поездкой, которую совершили в прошлом году. Кстати, они воспользовались этой поездкой, чтобы пожениться в Италии.

– А вы тоже приехали сюда жениться? – не сдержал любопытства Антуан.

– Нет, нам еще рановато, – засмеялась очаровательная молодая женщина.

– Но мы празднуем другое радостное событие, – добавил ее спутник. – Лоран беременна, малыш должен появиться в конце лета. Но только никому ни слова, это пока что секрет.

– Я не хочу, чтобы об этом узнали в Мемориальном госпитале, Артур! – заметила Лоран.

Она повернулась к Антуану, ища у него поддержки:

– Меня недавно приняли в штат, и я не хочу, чтобы в коридорах судачили о неизбежных отлучках. Ведь я права, разве не так?

– Этим летом ее назначили старшей по смене, так что она слегка помешалась на работе, – вставил Артур.

Разговор продолжился; молодая докторша обладала острым язычком, и Антуан был очарован тем, как хорошо эта пара понимала друг друга. Когда они извинились, сказав, что им пора двигаться в путь, Антуан поздравил обоих с ожидавшимся прибавлением и пообещал хранить секрет. Если однажды он окажется в Сан-Франциско, то надеется, что у него не будет повода посетить Мемориальный госпиталь.

– Не зарекайтесь, можете мне поверить... У жизни куда более богатое воображение, чем у нас!

Уходя, Артур вручил ему свою визитку и заставил пообещать, что он обязательно позвонит им, если окажется в Калифорнии.

* * *

Матиас и дети вернулись совершенно счастливые тем, как провели вторую половину дня. Антуан должен был пойти с ними: замок Кодор великолепен.

– А ты не хочешь в будущем году съездить в Сан-Франциско? – спросил Антуан, снова пускаясь в дорогу.

– Я не любитель гамбургеров, – поморщился Матиас.

– А я не любитель хаггиса, но тем не менее я здесь, – парировал Антуан.

– Ладно, в будущем году и посмотрим. Ты не можешь ехать побыстрее, чего мы тащимся!

На следующий день они направились на юг и сделали долгую остановку на берегу Лох-Несса. Матиас поспорил на сто фунтов стерлингов, что Антуану будет слабо намочить хоть кончик пальца в водах озера, и выиграл пари.

Утром в пятницу каникулы подошли к концу. Из аэропорта в Эдинбурге Матиас засыпал Одри посланиями. Первое он отправил, спрятавшись за газетной стойкой, два других из туалета, куда он был вынужден вернуться за забытой у раковины сумкой, четвертое – в тот момент, когда Антуан проходил через рамку безопасности, пятое – прячась у него за спиной, когда они спускались по лестнице к самолету, и последнее – пока Антуан убирал куртки детей в багажное отделение. Одри была счастлива, что он возвращается, горела желанием увидеть его и обещала скоро приехать.

В самолете, который вез их домой, Антуан и Матиас поругались – как и по дороге туда – из-за того, что ни один не желал садиться у окошка.

Антуан не любил чувствовать себя зажатым в конце ряда, а Матиас напоминал, что у него головокружение.

– В самолете ни у кого головокружений не бывает, это всем известно, ты бог знает что готов выдумать, – ворчал Антуан, усаживаясь против воли на ненавистное место.

– А вот у меня бывает, стоит мне посмотреть на конец крыла.

– Ну так не смотри, и все тут! Можешь мне объяснить, что интересного разглядывать конец крыла? Ты боишься, что оно отвалится?

– Ничего я не боюсь! Это ты боишься, что крыло отвалится, поэтому и не хочешь садиться у иллюминатора. Кто из нас сжимает кулаки во время качки?

* * *

Вернувшись в Лондон, Эмили высказалась кратко, но точно по поводу дружбы, которая связывала двух мужчин. Она записала в своем личном дневнике, что Антуан и Матиас совсем одинаковые... но только очень разные, и на этот раз Луи ничего не дописал на полях.

В пятницу утром в кабинете директора службы информации Одри узнала новость, которая привела ее в бурный восторг. Редакция канала была вполне удовлетворена ее работой и решила уделить больше внимания ее сюжету. Чтобы дополнить репортаж, ей предлагалось отправиться в город Эшфорд, где проживала часть французской общины. Самым лучшим было бы отследить жизнь какой-нибудь семьи, начиная с субботнего утра и до того момента, когда они забирали детей из школы. Одри могла также воспользоваться случаем, чтобы переснять некоторые загубленные кадры, которые невозможно было использовать из-за некой истории, разобраться в которой директор службы информации оказался не в состоянии. За всю свою долгую карьеру он ни разу не слышал о «видеоискателе, который неправильно устанавливал кадр», но никогда не поздно узнать что-то новое... Профессиональный оператор ждет ее в Лондоне. У нее едва хватит времени заехать домой за вещами, поезд уходит через три часа.

* * *

Дверь книжного магазина открылась, но Матиас решил не выходить из подсобки: в это время дня большинство клиентов просто дожидались конца уроков в лицее, чтобы забрать детей, и заходили к нему, просто чтобы полистать журнал и уйти через несколько минут, так ничего и не купив. И только услышав, как чуть хриловатый голос спрашивает, нет ли у него Лагарда и Мишара в издании XVIII века, он выронил свою книгу и бросился в магазин.

Они глядели друг на друга, и каждый был удивлен тому счастью, которое испытал от этой встречи; что до Матиаса, то его потрясению не было границ. Он обнял ее, и на этот раз Одри испытала головокружение. На сколько она приехала?... – Зачем сразу говорить об отъезде, когда она едва приехала?... – Потому что время тянулось ужасно медленно... Всего на четыре дня... как мало... У нее такая нежная кожа, он так ее хочет... – В кармане плаща у нее ключ от квартиры в Брик-Лэйн... – Да, он найдет, с кем оставить дочку, Антуан этим займется. – Антуан?... – Друг, с которым он ездил на каникулы... но, может, хватит вопросов? Он так счастлив ее видеть и желает слышать только ее голос... – Она должна кое в чем признаться, хотя ей немного стыдно... но с ним было так трудно связаться, когда он был в Шотландии... и выговорить неловко... ладно, лучше признаться: в конце концов она подумала, что он женат и врал ей... все эти сообщения, которые всегда приходили перед обедом, а потом молчание по вечерам... ей очень стыдно, это все из-за неудачных историй в прошлом, было больно... – Ну, конечно, он не сердится, наоборот, теперь все стало ясно, а ведь лучше, когда все ясно. Разумеется, Антуан знал о них, там, в Шотландии, он только о ней и говорил... И умирал от желания ее увидеть... может, не в эти выходные, ведь они каждую минуту высчитали... он хочет быть только с ней. – Она вернется ближе к вечеру, а сейчас у нее встреча в Пимлико с оператором, которого она везет в Эшфорд. Увы, да, завтра ее не будет, а может, и в воскресенье, верно, у них останется всего два дня, за вычетом этих... Но ей правда нужно бежать, она уже опаздывает. Нет, он не может поехать с ней в Эшфорд, канал потребовал, чтобы с ней был профессиональный оператор... И зачем делать такое лицо, ее коллега женат, и его жена ждет ребенка... Не надо ее задерживать, она пропустит встречу... Ей тоже хочется целовать его еще и еще. Она придет в бар Ивонны... где-то около семи.

Одри села в такси, а Матиас кинулся к телефону. Антуан был на совещании; отрывать его не надо, но пусть Маккензи предупредит его, что нужно покормить детей, а главное, не ждать самого Матиаса. Ничего не случилось, просто старый парижский друг устроил ему сюрприз и объявился в книжном магазине. Его только что бросила жена и требует, чтобы дети остались с ней. Другу очень плохо, и этот вечер Матиас проведет с ним. Он подумал было привести его домой, но это не лучшая идея... из-за детей. Маккензи был совершенно согласен с Матиасом, идея хуже некуда! Он очень сочувствует другу Матиаса, грустная история... Кстати, а как ко всему отнеслись дети этого друга?

— Ну ладно, Маккензи, я спрошу его сегодня вечером, а завтра перезвоню вам и все расскажу!

Маккензи покашлял в телефон и пообещал передать сообщение. Матиас повесил трубку первым.

* * *

Одри опоздала на встречу. Оператор выслушал список всего, что от него ожидалось, и спросил, есть ли надежда, что они смогут вернуться тем же вечером.

Ночевать в Эшфорде у Одри было не больше желания, чем у него, но работа прежде всего. Встретиться договорились завтра, на вокзале, у платформы, откуда отходил первый поезд.

Вернувшись обратно во французский квартал, она зашла за Матиасом. В магазине у него было трое клиентов; с улицы через витрину она показала ему, что будет ждать у Ивонны.

Одри устроилась у стойки.

— Оставить вам столик? — спросила хозяйка.

Одри не знала, будут ли они ужинать здесь. Лучше она подождет у бара. Она заказала выпить. Ресторан был пуст, и Ивонна подошла к ней поболтать и разогнать скуку.

— Вы ведь та журналистка, которая собирала материал о нас? — спросила Ивонна вставая. — Сколько времени вы останетесь на этот раз?

— Всего несколько дней.

— Только не пропустите в эти выходные большой праздник цветов в Челси, — заметила вошедшая Софи, присаживаясь рядом.

Это мероприятие проводилось всего раз в году, и на нем выставляли свои творения самые известные садоводы и владельцы самых крупных питомников рассады в стране. Там можно увидеть и купить новые разновидности роз и орхидей.

— Жизнь кажется прекрасной по эту сторону Ла-Манша, — заметила Одри.

— Все зависит для кого, — отозвалась Ивонна. — Но должна признаться, что уж если ты выкопал себе норку в этом квартале, тебе не хочется с ней расставаться.

Ивонна добавила, к большому удовольствию Софи, что с течением времени обитатели Бьют-стрит превратились в одну большую семью.

— В любом случае, похоже, что вы большая компания добрых друзей, — подхватила Одри, разглядывая Софи. — Давно здесь живете?

— В моем возрасте уже не до подсчетов; Антуан открыл здесь свое агентство через год после рождения его сына, а Софи обосновалась чуть позже, если мне память не изменяет.

— Восемь лет! — подтвердила Софи, потягивая через соломинку жидкость из своего стакана. — Последним был Матиас, — заключила она.

Ивонна рассердилась на себя, что едва его не забыла.

– Правда, он здесь еще совсем недолго, – в оправдание Ивонне добавила Софи.

Одри покраснела.

– У вас странное выражение лица, я сказала что-нибудь не то? – удивилась Ивонна.

– Нет, ничего особенного. На самом деле я и у него брала интервью, и мне показалось, что он всегда жил в Англии.

– Он переехал второго февраля, чтобы быть точным, – заверила Ивонна.

Она никогда не забудет эту дату. В тот день Джон ушел на покой.

– Время – такая относительная штука, – добавила она. – Матиасу наверняка кажется, что он перебрался сюда уже давным-давно. У него возникли некоторые сложности, когда он здесь обустраивался.

– Какие? – украдкой поинтересовалась Одри.

– Он меня убьет, если я об этом скажу. Хотя... в любом случае он один не знает того, что всем давно известно.

– Мне кажется, ты права, Ивонна, Матиас тебя убил бы! – прервала ее Софи.

– Возможно, но плевать мне на все его секреты полишинеля, а сейчас мне охота высказаться, – не сдавалась хозяйка заведения, плеснув себе еще стаканчик бордо. – Матиас так и не отошел после разрыва с Валентиной... матерью его дочки. И хотя он готов клясться, что это не так, сюда он переехал по большей части ради того, чтобы вернуть ее. Но ему не повезло, ее перевели в Париж ровно в тот момент, когда он оказался в Лондоне. Он бы разозлился на меня еще больше, если б услышал, но я так полагаю, жизнь оказала ему большую услугу. Валентина не вернется.

– Вот теперь я думаю, что он и впрямь на тебя разозлится, – повторила Софи, только чтобы заставить Ивонну замолчать. – Эти истории совсем не интересны твоей гостье.

Ивонна оглядела двух молодых женщин, сидящих у стойки, и пожалала плечами.

– Наверно, ты права, и потом, я проголодалась. Она забрала свой стакан и направилась в служебную комнату.

– Томатный сок от заведения, – бросила она, удаляясь.

– Извините, – смущенно произнесла Софи. – Обычно Ивонна не слишком разговорчива... кроме тех случаев, когда ей грустно. А судя по залу, сегодняшний вечер не самый удачный.

Одри сидела задумавшись и не говоря ни слова. Свой стакан она поставила на стойку.

– Что-то не так? – спросила Софи. – Вы совсем бледная.

– И вы меня извините; это из-за поезда, меня подташнивало всю дорогу, – выдавила Одри.

Ей пришлось собрать все силы, чтобы скрыть, какая тяжесть сдавила ей грудь. Дело было не в том, что Ивонна рассказала, почему Матиас покинул Париж. Но когда она произнесла имя Валентины, Одри почувствовала, как ее втокнули в чужую интимную жизнь, на которую у нее не было никаких прав, и боль оказалась пронзительной.

– Я, наверно, ужасно выгляжу? – опомнилась она.

– Нет, бледность понемногу проходит, – успокоила Софи. – Идемте со мной, тут всего пару шагов.

Она привела ее освежиться в заднюю комнату своего магазинчика.

– Ну вот, все уже почти в порядке, – заметила Софи. – Наверно, какой-то вирус носится в воздухе, мне тоже не по себе с самого утра.

Одри не знала, как ее благодарить. В магазин зашел Матиас:

– Ты здесь? Я искал тебя повсюду.

– Надо было отсюда и начать, я все время здесь, – отозвалась Софи.

Но Матиас смотрел на Одри.

– Я зашла полюбоваться цветами, пока тебя дожидалась, – ответила та.

– Идем? – спросил Матиас – Я закрыл магазин. Софи молчала, переводя взгляд с Одри на Матиаса и с Матиаса на Одри. И когда оба удалились, она невольно подумала, что Ивонна оказалась права. Если однажды Матиас узнает об их разговоре, он действительно захочет ее убить.

Такси ехало по Олд Бромптон-роуд. На пересечении с Клервил-гроув Матиас указал пальцем на дом.

– Какой большой, – сказала Одри.

– Какой красивый.

– Пригласишь меня туда как-нибудь?

– Да, как-нибудь... – отозвался Матиас.

Она прижалась головой к стеклу. Матиас гладил ее руку, Одри по-прежнему была молчалива.

– Ты уверена, что не хочешь пойти поужинать? – беспокоился он. – У тебя какой-то странный вид.

– Мне нехорошо, но это пройдет.

Матиас предложил пройтись, вечерний воздух пойдет ей на пользу. Такси остановилось у берега Темзы. Они уселись на лавочку у края мола. Прямо перед ними в реке отражались огни башни Оксо.

– Почему тебе захотелось оказаться здесь? – спросила Одри.

– Потому что после нашего уик-энда я много раз возвращался сюда. Ведь это немного наше место.

– Я не о том хотела спросить, но это уже не важно.

– Что не так?

– Ничего, правда; какие-то дурацкие мысли лезут в голову, но я их гоню.

– Может, к тебе и аппетит вернулся?

Одри улыбнулась.

– Думаешь, однажды ты сможешь подняться туда? – подначила она, запрокидывая голову.

На последнем этаже светились окна ресторана.

– Однажды, может быть, – задумчиво протянул Матиас.

Он повел Одри на набережную, которая тянулась вдоль берега.

– А какой вопрос ты хотела задать?

– Мне было интересно, почему ты переехал в Лондон.

– Мне кажется, для того, чтобы встретить тебя, – отозвался Матиас.

Едва они зашли в квартиру в Брик-Лэйн, Одри увлекла Матиаса в комнату. В наспех разобранной постели они и провели остаток вечера, сплетаясь воедино; время шло, и воспоминания о тяжелом моменте, который пришлось пережить в баре, постепенно таяли. В полночь Одри почувствовала зверский голод, но холодильник оказался пуст. Поспешно одевшись, они побежали на Спиталфилдс В одном из ресторанчиков, работающих всю ночь, они устроились в глубине зала. Публика там была самая разная. Оказавшись за соседним столиком с музыкантами, они включились в общую беседу. Пока распалившаяся Одри в жаркой схватке отстаивала свое мнение, что Чет Бейкер был куда более великим трубачом, чем Майлз Дэвис, Матиас пожирал ее глазами.

Улицы Лондона были исполнены особой красоты, когда она шагала рядом, держа его под руку.

Они прислушивались к звуку собственных шагов, играли с общей тенью, которая пласталась по тротуару в свете уличных фонарей. Матиас довел Одри до дома из красного кирпича,

позволил увлечь себя наверх и ушел только тогда, когда она решительно его выгнала, глубокой ночью. Ее поезд отправлялся через несколько часов, а впереди ждал длинный и трудный день. Она не знала, когда вернется из Эшфорда. Она позвонит ему завтра, обещает.

Вернувшись домой, Матиас обнаружил Антуана, работающего в своем кабинете.

– Ты чего еще не спишь?

– Эмили приснился кошмар, я встал, чтобы ее успокоить, и не смог потом заснуть, так что решил наверстать упущенное за каникулы.

– С ней все в порядке? – встревожился Матиас.

– Я же не сказал, что она заболела, я только сказал, что ей приснился кошмар. Вы этого и добивались с вашими историями о привидениях.

– Скажи на милость, ты случайно не забыл, почему мы отправились в Шотландию, а?

– На будущий уик-энд я начинаю работы у Ивонны.

– Ты над этим сейчас корпишь?

– В том числе!

– Покажешь мне? – полюбопытствовал Матиас, стягивая куртку.

Антуан открыл папку с рисунками и разложил чертежи разных проекций перед другом. Матиас пришел в восторг.

– Это будет потрясающе; как же она обрадуется!

– И есть чему!

– А за работы платишь по-прежнему ты?

– Я не хочу, чтоб она об этом знала, ты хорошо понял?

– А проект дорогой?

– Если не считать гонорара агентства, можно сказать, что я теряю весь доход с двух других строек.

– А ты можешь себе это позволить?

– Нет.

– Тогда зачем ты это делаешь? Антуан долго вглядывался в Матиаса.

– Ты ведь именно этим и занимался весь вечер – оказывал моральную поддержку другу, которого бросила жена, потому что и сам тяжело переживаешь свой развод.

Матиас ничего не ответил, склонился над рисунками и еще раз прикинул, на что скоро будет похож обновленный зал.

– Сколько там всего стульев? – спросил он.

– По количеству посадочных мест, а их семьдесят шесть!

– Так сколько получается стульев?

– А зачем тебе? – не понял Антуан.

– Затем, что стулья ей подарю я...

– А ты не хочешь пойти в сад и выкурить отличную сигару? – предложил Антуан, разворачивая Матиаса за плечо.

– Ты знаешь, который час?

– Мы что, поменялись ролями? Обычно это я тебе говорю; сейчас лучший час из всех часов, день занимается, пойдем.

Усевшись на низкую стену, Антуан достал две «Монте-Кристо», снял с них обертки и прогрел каждую на пламени спички. Когда он решил, что сигара Матиаса готова, то обрезал ее и протянул другу, прежде чем заняться собственной.

– И кто этот твой друг в печали?

– Некий Давид.

– Никогда о нем не слышал! – заметил Антуан.

– Ты уверен? Странно... Неужели я никогда не говорил о Давиде?

– Матиас... у тебя помада на губах! Если ты не прекратишь делать из меня идиота, я заново выстрою перегородку между нашими квартирами.

* * *

Одри спала всю дорогу. Когда они прибыли в Эшфорд, оператору пришлось потрясти ее за плечо, перед тем как поезд прибыл на вокзал. Весь день они вкалывали без передышки, но отношения между ними установились самые сердечные. Когда он попросил ее снять шарф, который мешал ему наводить кадр, ее охватило безумное желание кинуться к телефону. Но в книжном магазине было все время занято. Луи провел большую часть дня в подсобке за компьютером. Он обменивался мейлами с Африкой, а Эмили исправляла все его орфографические ошибки. Для нее это было неплохим способом сдерживать нетерпение, которое охватывало ее все сильнее с каждым часом, и все потому...

...Вечером за ужином она объявила новость. Ее мама позвонила, она придет сегодня поздно ночью и остановится в гостинице на другой стороне Бьют-стрит. Мама зайдет за ней завтра утром. Это будет потрясающее воскресенье, они проведут его вдвоем, и только вдвоем.

В конце ужина Софи отвела Антуана в сторонку и предложила, что она ответит завтра Луи на праздник цветов в Челси. Его сыну просто необходимо женское участие. В присутствии отца он не так откровенен. Софи читала в глазах мальчика, как в открытой книге.

Антуан был тронут и поблагодарил ее. К тому же он сможет засесть на целый день в агентстве и наверстать все, что не успел за последнее время. Матиас не сказал ни слова. В конце концов, пусть каждый сам разберется со своей воскресной программой, ему тоже было чем заняться!... Конечно, при условии, что Одри вернется из Эшфорда. Ее последнее сообщение гласило: *Самое позднее завтра, ближе к вечеру.*

* * *

Антуан покинул дом на рассвете. Бьют-стрит еще не проснулась, когда он вошел в агентство. Он включил кофеварку, настежь распахнул окна своего кабинета и уселся за работу.

Как и обещала, Софи зашла за Луи в восемь часов. Мальчик категорически настаивал на том, чтобы надеть пиджак, и Матиас, спотыкаясь со сна, вынужден был со всем тщанием завязать на его шее маленький галстук. На празднике цветов в Челси царили свои обычаи, и было принято выглядеть крайне элегантно. Софи вызвала у Эмили приступ гомерического смеха, когда появилась в гостинной с огромной шляпой на голове.

Когда Луи и Софи отбыли, Эмили поднялась к себе, чтобы подготовиться. Ей тоже хотелось сегодня быть красивой. Она наденет синий комбинезон, кроссовки и розовую майку; когда она была так одета, мама всегда говорила, что она хорошенькая, просто так бы и съела. В дверь уже позвонили, а ей еще нужно причесаться, ну что ж, придется маме подождать, ведь ждала же она сама целых два месяца.

Матиас с всклокоченными волосами встретил Валентину в халате.

– Очень сексуально! – заявила она входя.

– Я думал, ты придешь позже.

– Я встала в шесть утра и с тех пор бродила кругами по гостиничному номеру. Эмили уже проснулась?

– Она прихорашивается, но т-с-с, я ничего тебе не говорил, она, наверно, переодевается в десятый раз, ты себе не представляешь, в каком состоянии ванная комната.

– Этот ребенок все-таки унаследовал кое-что от своего папаши, – засмеялась Валентина. – Сваришь мне кофе?

Матиас направился на кухню и зашел за стойку.

– А у вас красиво, – воскликнула Валентина, оглядываясь вокруг.

– У Антуана хороший вкус... Почему ты смеешься?

– Потому что именно так ты говорил обо мне, когда друзья приходили к нам в гости, – пояснила Валентина, устраиваясь на табурете.

Матиас наполнил для нее чашку.

– Сахар есть? – спросила она.

– Ты же пила без сахара, – удивился Матиас. Валентина обвела взглядом кухню. На полках каждая вещь стояла на своем месте.

– Это просто потрясающе, как вы здесь все устроили.

– Издеваешься? – поинтересовался Матиас, наливая кофе и себе.

– Нет, я совершенно искренне потрясена.

– Я же сказал тебе, это все Антуан.

– Возможно, но здесь все дышит счастьем, а в этом и без тебя не обошлось.

– Скажем так: я стараюсь.

– Успокой меня: вы хоть иногда ссоритесь?

– Антуан и я? Никогда!

– Я же просила меня успокоить!

– Ладно, ссоримся понемногу каждый день!

– Думаешь, Эмили еще долго будет собираться?

– Ну что я могу сказать?... Этот ребенок все-таки унаследовал кое-что от своей мамы!

– Ты себе представить не можешь, как мне ее не хватает.

– Отчего же, могу. Мне ее не хватало в течение трех лет.

– Она счастлива?

– Ты и сама все отлично знаешь, ты же звонишь ей каждый день.

Валентина потянулась и зевнула.

– Хочешь еще чашечку? – спросил Матиас, поворачиваясь к электрокофеварке.

– Она бы мне совсем не помешала, ночь была очень короткой.

– Ты вчера поздно приехала?

– Не особенно, но я мало спала... слишком не терпелось увидеть дочь. Ты уверен, что я не могу подняться поцеловать ее? Это просто пытка.

– Если хочешь испортить ей все удовольствие, давай, но лучше потерпи, пусть сама спустится. Она приготовила свой наряд еще с вечера, перед тем как пойти спать.

– В любом случае, на мой взгляд, сам ты в полной форме, даже в халате, – заметила Валентина, прикасаясь рукой к щеке Матиаса.

– Я в порядке, Валентина, я в порядке. Валентина катала по кухонной стойке кусочек сахара.

– Я снова начала брать уроки игры на гитаре, знаешь?

– Очень хорошо, я всегда говорил тебе, что не надо было бросать.

– Я думала, ты придешь ко мне в гостиницу вчера, ты же знал номер комнаты...

– Этого больше не будет, Валентина...

– У тебя кто-то есть? Матиас кивнул.

– И это настолько серьезно, что ты хранишь верность? Значит, ты действительно

изменился... Ей повезло.

Эмили скатилась по лестнице, промчалась через гостиную и бросилась в объятия матери. Мать и дочь слились в вихре поцелуев, Матиас смотрел на них, и неудержимая улыбка на его лице свидетельствовала, что никакие годы не стирают страниц, исписанных вместе.

Валентина взяла дочь за руку. Матиас проводил их. Он уже открыл входную дверь, но Эмили забыла рюкзак в своей комнате. Пока она за ним бегала, Валентина дожидалась ее на крыльце.

– Я приведу ее обратно к шести часам. Хорошо?

– Насчет пикника с дочерью, поступай как знаешь, но я обычно срезаю ей корки с хлеба.

Ладно, сегодня с ней ты, и делай что хочешь... но она больше любит без корок.

Валентина ласково погладила его по щеке:

– Расслабься, мы с ней как-нибудь разберемся. И перегнувшись через его плечо, она крикнула Эмили, чтобы та поторапливалась:

– Давай скорее, милая, мы теряем время!

Но девочка уже взяла ее за руку и потянула на тротуар.

Валентина вернулась к Матиасу и наклонилась к его уху:

– Я счастлива за тебя, ты этого стоишь, ты потрясающий мужчина.

Матиас постоял несколько секунд на крыльце, глядя, как Эмили и Валентина уходят вдаль по Клервил-гроув.

Когда он вернулся в дом, зазвонил его мобильник. Он начал шарить вокруг, но трубки нигде не было. Наконец он увидел его на подоконнике, успел нажать на кнопку и мгновенно узнал голос Одри.

– При свете дня, – сказала она грустным голосом, – фасад еще красивей, а твоя жена просто восхитительна.

Молодая журналистка, которая выехала на рассвете из Эшфорда, чтобы доставить приятный сюрприз мужчине, в которого влюбилась, отключила свой телефон и тоже покинула Клервил-гроув.

В такси, которое увозило ее в Брик-Лэйн, Одри убеждала себя, что лучше, наверно, вообще больше никогда не любить. Все стереть из памяти, забыть обещания, выплюнуть яд со вкусом предательства. Сколько дней и ночей понадобится на этот раз, чтобы рана затянулась? Главное, не думать сейчас о грядущих уик-эндах. Снова научиться сдерживать внезапно забившееся сердце, когда на улице за поворотом померещится знакомый силуэт. Не опускать глаза, когда на скамейке перед тобой целуется парочка. И больше никогда, никогда не ждать, когда зазвонит телефон.

Запретить себе думать, как живет тот, кого ты любила. Бога ради, не видеть его, когда закрываешь глаза, и не представлять себе, как он проводит дни. Криком кричать, что ты в ярости, что тебя обманули.

А как быть с теми волнами нежности, с руками, сплетавшимися, когда они шли рядом?

В зеркальце заднего вида шофер заметил, что его пассажирка плачет.

– Все в порядке, мадам?

– Нет, – ответила Одри, разразившись рыданиями.

Она попросила его остановиться; такси свернуло к обочине. Одри распахнула дверцу и, согнувшись вдвое, бросилась к парапету. И пока она выплескивала все свои горести, человек, который ее привез, выключил мотор и, не говоря ни слова, подошел и неловко положил ей руку на плечо. Он мог предложить ей только свое присутствие рядом. Когда ему показалось, что пик бури миновал, он вернулся за руль, выключил счетчик и довез ее до Брик-Лэйна.

* * *

Матиас натянул брюки, рубашку и первые попавшиеся под руку кроссовки. Он бежал до Олд, Бромптон, но опоздал. Вот уже два часа он бродил по улицам, но все они были так похожи. Нет, не та, и не та, на которую он только что свернул, и уж точно не этот тупик. На каждом перекрестке он выкрикивал имя Одри, но никто не показывался в окнах.

Совсем заблудившись, он направился к единственному месту, которое узнал, – к рынку. Официант приветственно замахал ему с террасы кафе, все дорожки были черны от народа. По кварталу он бродил уже два часа и, совершенно отчаявшись, вернулся к знакомой скамейке и уселся, внезапно ощутив чье-то присутствие у себя за спиной.

– Когда Ромен бросил меня, то сказал, что любит меня, но жить должен со своей женой. Как думаешь, у цинизма нет пределов? – спросила Одри, усаживаясь рядом.

– Я не Ромен.

– Я была его любовницей три года; тридцать шесть месяцев в ожидании, когда сбудется обещание, которое он так и не сдержал. Что же во мне так сломалось, что я опять влюбилась в мужчину, который на самом деле любит другую? У меня больше нет сил, Матиас. Я больше никогда не хочу смотреть на часы и думать, что вот сейчас мой любимый вернулся к себе домой, садится за стол с другой, говорит ей те же слова, делает вид, будто я вообще не существую... Я больше никогда не хочу говорить себе, что была всего лишь эпизодом, романчиком, который их только сблизил, что именно благодаря мне он понял, что любит ее... В этой истории я настолько потеряла собственное достоинство, что даже начала сочувствовать его жене; клянусь тебе, однажды я поймала себя на том, что злюсь на него за все вранье, которым он наверняка ее потчевал. Если б она могла его слышать, если б могла видеть его глаза, когда он тайком

прибегал ко мне. Я не могу себе простить, что была такой идиоткой. Я никогда больше не хочу слышать этого голоса подружки, которая уверена, что она тебе помогает, когда говорит, что тот, другой, возможно, просто ошибся, и не исключено, что он был вполне искренен; а главное, никогда, никогда не слышать, что так будет лучше! Я больше никогда не хочу жить полужизнью. Мне потребовались долгие месяцы, чтобы заставить себя поверить, что я тоже достойна полной жизни.

– Я не живу с Валентиной, она только заехала за дочерью.

– Самое ужасное не в том, что я увидела, как ты целуешься с ней на крыльце, ты в халате, а она такая красивая, какой я никогда не буду...

– Она не целовала меня, она сказала мне одну вещь, которую не хотела, чтобы Эмили слышала, – прервал ее Матиас, – если б ты только знала...

– Нет, Матиас, самое ужасное – это то, как ты на нее смотрел.

И поскольку он молчал, она дала ему пощечину.

Оставшуюся часть дня Матиас провел, рассказывая ей о своей новой жизни, о дружбе, которая связывала его с Антуаном, о том, какие они с ним разные и как именно эти различия легли в основу удивительного понимания. Она слушала, не говоря ни слова, а чуть позже, когда он описывал каникулы в Шотландии, она чуть было не улыбнулась.

Этим вечером ей хотелось остаться одной, она совершенно измучена. Матиас все понимал. Он сказал, что зайдет за ней завтра и они пообедают где-нибудь в ресторане. Одри приняла приглашение, но в голове у нее было совсем другое...

* * *

Когда он приехал на Клервил-гроув, то увидел, как за углом исчезает такси Валентины. Антуан и дети ждали его в гостиной. Луи провел потрясающий день с Софи. Эмили немного хандрила, но обрела всю ласку мира в объятиях отца. Этим вечером они клеивали в альбом фотографии шотландских каникул. Матиас дождался, пока Антуан пойдет спать, постучал в дверь его комнаты и зашел.

– Попрошу у тебя немного отступить от правила номер два, и ты не будешь задавать мне никаких вопросов, а просто скажешь «да».

В доме царила необычная тишина. Дети повторяли домашние задания, Матиас накрывал на стол, Антуан готовил ужин. Эмили положила книгу на стол и тихим голосом принялась пересказывать страницу из учебника по истории, которую выучила наизусть. Запнувшись на одном из параграфов, она тронула за плечо Луи, корпящего над своей тетрадью.

- Сразу после Генриха Четвертого кто был? – шепотом спросила она.
- Равальяк! – откликнулся Антуан, залезая в холодильник.
- И вовсе нет! – убежденно заявил Луи.
- Спроси Матиаса, сам увидишь!

Дети обменялись заговорщицкими взглядами и снова уткнулись в свои тетрадки. Матиас поставил на стол бутылку вина, которую только что открыл, и подошел к Антуану.

- Ну, что вкусенького ты приготовил нам на ужин? – сладким голосом поинтересовался он.

В небе загремело, тяжелые капли дождя застучали по оконным стеклам.

- Перерыв на грозу! – провозгласил Антуан.

* * *

Немного позже Эмили записала в своем секретном дневнике, что больше всего на свете из еды ее папа ненавидит кабачковую запеканку, а Луи добавил на полях, что именно кабачковую запеканку его папа и приготовил в этот вечер на ужин.

* * *

В дверь позвонили, Матиас последний раз проверил перед маленьким зеркальцем у входной двери, как он выглядит, и открыл Одри.

- Заходи скорей, ты совсем вымокла.

Одри сняла свой плащ и протянула его Матиасу. Антуан поправил фартук и подошел в свою очередь поздороваться. Она была неотразима в своем маленьком черном платье.

Стол был элегантно накрыт на троих. Матиас подал запеканку, и потекла плавная беседа. Журналистка по натуре, Одри привыкла сама направлять разговор; а чтобы не говорить о себе, лучший способ – задавать побольше вопросов о других, и эта стратегия особенно эффективна, если ваш собеседник о ней не подозревает. К концу трапезы Одри узнала много нового об архитектуре, а вот Антуан только с большим трудом мог бы сказать, чем занимается независимый журналист-репортер.

Когда Одри спросила его, как прошли каникулы в Шотландии, Антуан с удовольствием решил продемонстрировать фотографии. Он встал, взял с полки один альбом, потом второй, потом третий и подсел к ней, подвинув стул поближе.

Переворачивая страницу за страницей, он вспоминал историю за историей, каждая из которых неизменно заканчивалась взглядом в сторону его лучшего друга и присказкой: «Нет, ну каков Матиас!»

И хотя сам Матиас изо всех сил пытался подавить раздражение, он предпочитал держаться в стороне, чтобы не нарушить взаимопонимание, установившееся между Антуаном и Одри.

К концу ужина Эмили и Луи, в пижамах, спустились, чтобы пожелать всем доброй ночи, и представилось невозможным запретить им посидеть немного за столом. Эмили устроилась рядом с Одри и пришла на смену Антуану. Она взяла на себя комментарии к фотографиям – на этот раз прошлых годов каникул, когда они ездили кататься на лыжах. Дело в том, по очереди объясняли Эмили и Луи, что раньше Папа с Папой не жили в одном доме, но всегда ездили все вместе на каникулы, кроме рождественских, – с рождественскими получалось раз в два года, добавила девочка.

Одри листала третий альбом, Матиас, стоя на кухне, не спускал с нее глаз. Когда его дочка положила ладошку на руку Одри, его лицо озарилось улыбкой: он так и знал.

– Ваш ужин был очень вкусным, – сказала Одри Антуану.

Тот поблагодарил и тут же указал на фотографию, наклеенную наискосок.

– А это мы сняли сразу перед тем, как Матиаса на носилках спустили с лыжни. Вот под этим красным вязаным шлемом я, а дети в кадр не попали. На самом деле ничего страшного с Матиасом не случилось, просто полетел вверх тормашками.

А поскольку Матиас уже давно грыз ногти, Антуан воспользовался случаем и несильно хлопнул его по рукам.

– Может, детсадовские фотографии трогать не будем, – в сильнейшем раздражении взмолился Матиас и снова принялся за ногти.

На этот раз Антуан дернул его за рукав.

– Мусс из трех видов шоколада с апельсиновой цедрой, – объявил Антуан вполголоса. – Обычно у меня все рецепт спрашивают, а на этот раз прямо не знаю, что случилось, он опал, – добавил он, помешивая поварешкой в большой миске.

Он с таким огорченным видом разглядывал свою стряпню, что Одри поспешила вмешаться.

– У вас есть колотый лед? – спросила она. Матиас снова встал и принес плоску со льдом.

– Вот все, что есть.

Одри завернула кубики льда в полотенце и несколько раз сильно ударила им по кухонному столу. Когда она развернула ткань, внутри находилась снежная крошка, которую Одри тут же смешала с муссом. Несколько взмахов ложки, и десерт вновь обрел свою воздушность.

– Вот и готово, – заметила она, накладывая порции детям под замороженным взглядом Антуана.

– Десерт – и марш в постель! – велел Матиас Эмили.

– Ты им еще фильм обещал! – вмешался Антуан. Эмили и Луи уже забрались на диван в гостиную, Одри продолжала накладывать мусс.

– Ему слишком много не кладите, – предупредил Антуан, – по вечерам у него бывает несварение.

Не обратив ни малейшего внимания на убийственный взгляд, который послал ему Матиас, Антуан подвинул свой стул, чтобы дать Одри пройти.

– Давайте я вам помогу, – настояла она, когда Антуан попытался забрать у нее из рук тарелки.

– Значит, вы всегда работали журналисткой? – приветливо поинтересовался он, открывая кран.

– С пяти лет, – со смехом подтвердила Одри.

Матиас встал, взял полотенце из ее рук и настоял, чтоб она вернулась в гостиную. Одри присоединилась к детям на диване. Как только она отошла, Матиас наклонился к уху Антуана:

– А ты, кретин, всегда был архитектором? Продолжая его игнорировать, Антуан обернулся, чтобы посмотреть на Одри. Эмили и Луи прижались к ней, и по тому, как они пристраивали головы, было ясно, что сон уже на подходе.

Одри смотрела, как мужчины поднимаются по лестнице, неся на руках каждый своего ангелочка с сонным личиком. Когда они добрались до площадки, ни один из отцов не заметил, как дети подмигнули друг другу. А когда через несколько минут папы спустились вниз, Одри в плаще ждала их посреди гостиной.

– Мне пора, уже поздно, – заявила она. – Спасибо большое за этот вечер.

Матиас снял с вешалки свое габардиновое пальто и объявил Антуану, что он пойдет проводить ее.

– Я буду очень рада, если однажды вы поделитесь со мной рецептом вашего мусса, – сказала Одри, целуя Антуана в щеку. Она спустилась с крыльца под руку с Матиасом, и Антуан закрыл входную дверь.

– Возьмем такси на Ом Бромитон-роуд, – предложил Матиас. – Все прошло хорошо, да?

Одри молчала, прислушиваясь к гулкому эху их шагов на пустынной улице.

– Ты очень понравилась Эмили.

В знак согласия Одри чуть заметно кивнула.

– Я хочу сказать, – добавил Матиас, – что если ты и я...

– Я поняла, что ты хотел сказать, – прервала его Одри.

Она остановилась и повернулась к нему лицом:

– Мне сегодня позвонили из редакции. Меня приняли в штат.

– А это хорошая новость? – спросил Матиас.

– Очень! У меня наконец-то будет собственная еженедельная передача... в Париже, – добавила она, опустив глаза.

Матиас посмотрел на нее с нежностью.

– Полагаю, ты долго за это боролась?

– С пяти лет... – кивнула Одри с робкой улыбкой.

– Жизнь не простая штука, верно? – подхватил Матиас.

– Непросто делать выбор, – возразила Одри. – Ты мог бы вернуться жить во Францию?

– Ты это серьезно?

– Пять минут назад вон там, на тротуаре, ты собирался сказать мне, что любишь меня, ты это серьезно?

– Конечно, серьезно, но ведь есть Эмили...

– Я очень хочу полюбить ее, твою Эмили... но в Париже.

Одри подняла руку, и такси остановилось у бортика тротуара.

– И потом, книжный магазин... – пробормотал Матиас.

Она приложила руку к его щеке и отступила к дороге.

– Это просто замечательно, то, как вы устроили дом вместе с Антуаном; тебе очень повезло, ты нашел свою точку равновесия.

Она села в машину и быстро закрыла за собой дверцу. Опустив стекло, посмотрела на Матиаса, потерянно стоящего на тротуаре.

– Не звони мне, это и так трудно, – попросила она грустным голосом. – У меня твой голос на автоответчике, я еще несколько дней буду его слушать, обещаю, а потом сотру.

Матиас шагнул к ней, взял ее руку и поцеловал.

– Значит, у меня больше нет права тебя видеть?

– Отчего же, – возразила она, – ты сможешь видеть меня по телевизору.

Она дала знак водителю трогаться, и Матиас смотрел, как такси исчезает в ночи.

Он пошел обратно к дому по пустынной улице. Ему казалось, он различает следы Одри на мокром тротуаре. Он прислонился к дереву, взялся обеими руками за голову и сполз вниз по стволу.

Гостиная освещалась только маленькой лампой, стоящей на круглом столике. Антуан ждал, сидя в большом кожаном кресле. Матиас зашел в дом.

– Признаюсь, раньше я был против, но теперь... – воскликнул Антуан.

– Ну да, теперь... – повторил Матиас, падая в кресло напротив.

– Ну нет, потому что теперь, честное слово... она просто замечательная!

– Ну что ж, если ты так считаешь, тем лучше! – отвечал Матиас, сжимая зубы.

Он встал и направился к лестнице.

– Я тут спросил себя, мы ее случайно не напугали немного? – забеспокоился Антуан.

– Можешь себя больше не спрашивать!

– Мы немного смахивали на парочку, тебе не показалось?

– Да нет, с чего ты взял? – удивился Матиас, повышая голос.

Он подошел к Антуану и взял его за руку.

– Вовсе нет! А главное, ты же ничего для этого не сделал... Вот так мы больше похожи на парочку? – поинтересовался он, похлопывая его по ладони. – Успокойся, это совсем не похоже на парочку, – повторил он, похлопывая его снова. – Она такая замечательная, что только что меня бросила!

– погоди, не вали все на меня, тут и дети свое добавили.

– Заткнись, Антуан! – бросил Матиас и пошел к входной двери.

Антуан догнал его и придержал за рукав:

– А чего ты ждал? Что ей это будет легко? Когда, наконец, ты перестанешь смотреть на мир только сквозь свои крошечные зрачки?

Но когда он заговорил о его глазах, то увидел, как они наполняются слезами. Его гнев тут же утих. Он взял Матиаса за плечо и дал ему излить свое горе.

– Мне правда очень жаль, старина, ну ладно, успокойся, – говорил он, прижимая друга к себе, – может, еще не все потеряно?

– Нет, все кончено, – проговорил Матиас, выходя из дома.

Антуан позволил ему уйти. Матиасу было необходимо побыть одному.

Он остановился на перекрестке с Олд Бромптон, именно здесь в последний раз они брали такси вместе с Одри. Чуть подальше он прошел мимо мастерской настройщика роялей: Одри как-то призналась, что в свое время играла на пианино и мечтает возобновить занятия; но в витринном стекле отразилось только его собственное лицо, вызывавшее у него отвращение.

Ноги донесли его до Бьют-стрит. Он заметил лучик света, пробивавшийся из-под металлической шторы на ресторане Ивонны, зашел в тупик и постучал в служебную дверь.

Ивонна положила карты и встала.

– Извините, я на минутку, – обратилась она к подругам.

Даниэль, Колетт и Мартина хором заворчали. Если Ивонна встанет из-за стола, то потеряет свою ставку.

– У тебя гости? – спросил Матиас, заходя на кухню.

– Можешь поиграть с нами, если хочешь... С Даниэль ты уже знаком, она не любит уступать, но все время блефует, Колетт слегка навеселе, а с Мартиной легко справиться.

Матиас открыл холодильник.

– У тебя есть что-нибудь пожевать?

– Осталось немного жаркого с ужина, – кивнула Ивонна, разглядывая Матиаса.

– Я бы предпочел что-нибудь сладкое... да, кусочек сладкого – как раз то, что мне сейчас нужно.

А ты ступай, не отвлекайся на меня, я сам найду свое счастье в твоём холодильнике.

– Судя по твоей физиономии, сомневаюсь, что оно обнаружится именно там!

Ивонна вернулась в зал к подругам.

– Ты продула свою ставку, старушка, – сказала Даниэль, собирая карты.

– Она смухлевала, – объявила Колетт, наливая себе еще стаканчик белого.

– А мне? – возмутилась Мартина, протягивая свой стакан. – Кто тебе сказал, что меня не мучает жажда?

Колетт глянула на бутылку и успокоилась: на Мартину там еще хватит. Ивонна взяла карты из рук Даниэль. Пока она их тасовала, три подруги повернули голову в сторону кухни. Но поскольку хозяйка заведения не обратила на их жест никакого внимания, они пожали плечами и снова погрузились в игру.

Колетт кашлянула, Матиас зашел в зал, поздоровался и присел к ним за стол. Даниэль сдала ему тоже.

– По сколько играем? – обеспокоенно спросил Матиас, увидев на столе кучу фишек.

– По центу и молча! – в ту же секунду ответила Даниэль.

– Я пас, – тут же заявил Матиас, кидая карты.

Три приятельницы, которые даже не успели посмотреть, что им сдали, бросили на него испепеляющие взгляды и тоже спасовали. Даниэль собрала карты в колоду, дала снять Мартине и снова сдала.

И опять Матиас едва заглянул в то, что у него оказалось на руках, и сразу запасовал.

– Может, хочешь поговорить? – предложила Ивонна.

– Ну нет! – тут же ошетибилась Даниэль. – В кои-то веки ты не верещишь при каждом ходе, уж лучше помолчим!

– Она не к Мартине обращалась, а к нему! – возразила Колетт, тыча пальцем в Матиаса.

– Все равно, и он тоже пусть помолчит! – вступила Мартина. – Стоит мне слово сказать, как на меня все набрасываются. Он три круга подряд пасует, так что пусть беседует со своей ставкой или помалкивает!

Матиас взял колоду и раздал карты.

– Как же ты паршиво стареешь, старушка моя, – обратилась Даниэль к Мартине, – речь идет не о том, чтобы говорить за игрой, а о том, чтобы дать выговориться ему! Видишь, парень в полном дауне.

Мартина разложила свои карты и сонно покивала головой.

– Ну тогда другое дело, если ему хочется поговорить, пусть говорит, что я еще могу сказать!

Она выложила тройку королей и забрала ставку. Матиас взял свой стакан и осушил его залпом.

– Есть же люди, которые тратят каждый день по два часа в общественном транспорте, чтобы добраться на работу! – заметил он, обращаясь к самому себе.

Четыре подруги переглянулись, не сказав ни слова.

– А Париж всего в двух часах сорока минутах пути, – добавил Матиас.

– Мы будем прикидывать дорогу до всех европейских столиц или продолжим игру в покер? – возмутилась Колетт.

Даниэль толкнула ее локтем, чтобы та замолчала.

Матиас оглядел каждую по очереди, прежде чем вновь затянуть свои причитания.

– Ведь это ж трудно – оставить этот город и вернуться в Париж...

– Не так трудно, как иммигрировать из Польши в 1934 году, если хочешь выслушать мое мнение! – проворчала Колетт, бросая одну карту.

На этот раз ее пихнула Мартина.

Ивонна бросила на Матиаса осуждающий взгляд.

– В начале весны это не казалось таким уж трудным! – едко заметила она.

– Почему ты так говоришь? – опешил Матиас.

– Ты меня прекрасно понял!

– А вот мы ничего не поняли, – хором воскликнули три приятельницы.

– Для жизни вдвоем губительно не физическое расстояние, а то, которое отделяет вас друг от друга. Именно поэтому ты потерял Валентину, а не из-за того, что изменил ей. Она слишком любила тебя и потому рано или поздно простила бы. Но ты был так далеко от нее. Тебе давно пора решиться и немного повзрослеть, по крайней мере постарайся сделать это до того, как твоя дочь окажется более зрелой, чем ты! А теперь замолчи, твой ход!

* * *

Матиас залил свое горе в компании четырех сестричек Далтон. В тот вечер, поднимаясь по ступенькам крыльца, он испытывал реальное головокружение.

* * *

Назавтра Антуан отвел детей в школу и сразу же ушел на работу сам. В агентстве у него было полно дел из-за работ у Ивонны. А поскольку Матиас отправился бегать в парк, чтобы привести мысли в порядок, Софи пришла на пару часов посидеть с детьми. Эмили подумала про себя, что, если ее отец действительно хотел собраться с мыслями, для начала ему следовало выбрать какую-нибудь поумнее: бегать по парку в его состоянии вряд ли могло сойти за удачную идею. С того момента, как папа съел кабачковую запеканку, выглядел он ужасно, и его головокружения усилились. А поскольку это длилось уже два дня, значит, с ним что-то было неладно.

Обсудив все с Луи, они решили воздержаться от каких-либо комментариев. Можно надеяться, что Софи останется на ужин, а когда она оставалась, это всегда обещало массу приятностей: ужин у телевизора и отбой попозже.

* * *

Именно в тот вечер Эмили поделилась со своим дневником некоторыми наблюдениями: в последнее время она заметила, что все идет не очень гладко. Когда она услышала шум падения на лестнице, то сразу велела Луи вызывать подмогу, а Луи приписал на полях, что этой подмогой был его папа.

* * *

Антуан расхаживал по коридору медицинского центра. Приемная, где томились пациенты, была полна под завязку. Каждый ожидал своей очереди, перелистывая потрепанные журналы, кучей наваленные на низком столике. Но он так беспокоился, что не мог читать.

Наконец из кабинета, где проводилась диагностика, вышел врач и направился к нему. Доктор попросил следовать за ним и отвел Антуана в сторонку:

– Никаких повреждений головного мозга нет, только большая гематома на лбу, и рентген ничего тревожного не показывает. На всякий случай мы сделали эхографию. Ничего особенного там не разглядеть, но лучшая новость, которую я могу вам сообщить, это что с ребенком все в порядке.

Дверь в палату отворилась.

На Софи был голубой халат и тапочки, которые ее заставили надеть, чтобы пройти обследование.

– Подожди меня снаружи, – сказала она Антуану.

Он вернулся обратно на свой стул напротив регистрационной стойки. Когда она вышла к нему, у нее было маленькое напряженное лицо. – Чего ты дожидалась, чтобы все мне рассказать? – буркнул Антуан.

– Рассказать тебе что?... Это же не болезнь.

– А отец – тот тип, которому я пишу письма?

Кассирша диспансера сделала знак Софи. Результаты обследования были распечатаны, она могла забрать и расплатиться.

– Я устала, Антуан; сейчас я расплачусь и ты меня отвезешь, ладно?

* * *

Ключ повернулся в замке. Матиас положил свой бумажник в вазочку для содержимого карманов у входа. Устроившись в кожаном кресле, Антуан читал при свете лампы на круглом столике.

– Извини, уже поздно, но у меня было чертовски много работы.

– М-м-м-м.

– Что?

– Ничего, у тебя чертовски много работы каждый вечер.

– Ну да, у меня чертовски много работы!

– Говори потише, Софи спит в кабинете.

– Вы куда-то ходили?

– О чем ты говоришь?... Ей стало нехорошо.

– Господи, что-нибудь серьезное?

– Ее стошнило, и она потеряла сознание.

– Она что, съела твой шоколадный мусс?

– Женщина, у которой тошнота и обмороки, – тебе пояснения в письменном виде или титрами?

– Вот черт! – воскликнул Матиас и рухнул в кресло напротив.

* * *

Поздно ночью Антуан и Матиас сидели друг напротив друга за столом на кухне. Матиас так и не поужинал. Антуан достал бутылку красного вина, корзинку с хлебом и тарелку с сырами.

– Это просто потрясающе – наш двадцать первый век, – заметил Матиас. – Люди разводятся из-за любого пустяка, женщины заводят детей от проезжих серфингистов, а потом еще говорят, что нам не хватает той уверенности в себе, что была прежде...

– Да, а еще мужчины иногда живут вместе, под одной крышей... ты собираешься вылить мне на голову всю хрень, которая у тебя накопилась?

– Передай масло, – попросил Матиас, решивший приготовить себе бутерброд.

Антуан откупорил бутылку.

– Ей нужно помочь, – заявил он, наливая стакан.

Матиас отобрал у него бутылку и налил себе тоже.

– И что ты собираешься делать? – поинтересовался он.

– Отца нет... Я признаю ребенка своим.

– А почему ты? – возмутился Матиас.

– Из чувства долга, и потом, я сказал первым.

– Ну вот, две убедительные причины.

Матиас подумал еще несколько секунд и залпом выпил стакан Антуана.

– В любом случае это не можешь быть ты, она никогда не захочет, чтобы отцом ее ребенка был слепец, – заявил он с улыбкой на губах.

Друзья молча смотрели друг на друга, потому что Антуан явно не понял намека. Матиас продолжил:

– Уже сколько времени ты пишешь письма самому себе?

Дверь кабинета распахнулась, появилась Софи в пижаме, с покрасневшими глазами и обвела взглядом обоих папаш.

– Ваш разговор просто отвратителен, – бросила она им в лицо.

Она сгрэбла свои вещи, засунула ворох себе под мышку и вышла на улицу.

– Видишь, именно об этом я и говорил, ты совершенно слеп! – повторил Матиас.

Антуан кинулся вон из дома. Софи уже шагала вдалеке по тротуару, но в конце концов он нагнал ее. Она продолжала идти к бульвару.

– Да стой же! – взмолился он, обнимая ее.

Их губы сблизились, коснулись друг друга, и они впервые поцеловались. Поцелуй длился и длился, потом Софи подняла голову и посмотрела на Антуана.

– Я не хочу больше тебя видеть, Антуан, никогда больше, и его тоже.

– Не говори ничего, – прошептал Антуан.

– Ты устраиваешь ужины на десять человек, но сам не садишься за стол; ты едва сводишь концы с концами, но ремонтируешь ресторан Ивонны; ты завел общее хозяйство с твоим лучшим другом, потому что он чувствовал себя одиноко, хотя тебе самому этого по-настоящему не хотелось; и ты действительно веришь, что я позволю тебе воспитывать моего ребенка? А знаешь, что самое ужасное? Что именно из-за всего этого я и влюбилась в тебя с самого начала. А теперь иди, выполняй свой долг и оставь меня в покое.

Опустив руки, Антуан смотрел, как Софи уходит от него, одна, в пижаме, по направлению к Олд Бромптон-роуд.

* * *

Вернувшись в дом, он обнаружил Матиаса, сидящего в саду.

– Мы оба должны дать себе второй шанс.

– С этими вторыми шансами никогда ничего хорошего не получается, – проворчал Антуан.

Матиас достал сигару из кармана, снял с нее обертку, повертел в руках и раскурил.

– Это верно, – признал он, – но мы – другое дело, мы же не спим друг с другом!

– Ты прав, это действительно огромное преимущество! – насмешливо согласился Антуан.

– А чем мы рискуем? – спросил Матиас, разглядывая завитки дыма.

Антуан встал, отобрал сигару у Матиаса. Он пошел к дому, но вернулся с порога.

– Ладно, хватит шуток!

И зашел в гостиную, выпустив изо рта огромный клуб дыма.

* * *

Благие намерения следовало воплотить на практике не откладывая, а значит, начиная с завтрашнего дня. Взбивая шампуневую пену на волосах, Матиас во все горло распевал в своей ванной арию из «Травиаты», хотя на душе было муторно. Большим пальцем ноги он повернул кран, чтобы вода шла погорячее. Струйка, льющаяся в ванну, была совсем ледяной. По другую сторону стены Антуан, с резиновой шапочкой на голове, тер себе спину волосяной щеткой под обжигающим душем. Матиас зашел на половину Антуана, открыл дверцу душа, выключил горячую воду и вернулся к себе в ванную, оставляя по пути вереницу маленьких клочков пены на паркете.

Час спустя оба встретились на площадке второго этажа, в одинаковых домашних халатах, застегнутых на все пуговицы. Каждый направился в комнату своего ребенка, чтобы уложить его спать. Оказавшись вновь на площадке, они скинули халаты на пол и, шагая в ногу, спустились по лестнице – на этот раз в трусах, носках и белых рубашках при бабочках. Они натянули брюки, висевшие на спинке большого кресла, завязали шнурки на ботинках и, наконец, уселись на диван в гостиной, рядом с няней, вызванной по такому случаю.

Оторвавшись от кроссворда, Даниэль позволила своим очкам соскользнуть на кончик носа и по очереди оглядела их.

– Не позже часа ночи!

Оба мужчины вскочили и направились к входной двери. Когда они уже готовы были покинуть дом, Даниэль заметила халаты, валявшиеся на ступеньках, и поинтересовалась, не знают ли они слова из шести букв, означающего «большой беспорядок».

На дискотеке было полно народа. Матиаса прижало к бару, куда с трудом пробирался Антуан.

Некое создание, казалось, сошедшее со страниц модного журнала, подняло руку, пытаясь привлечь внимание бармена. Матиас и Антуан обменялись взглядами, но дело выглядело вполне безнадежным. Даже если один из них и набрался бы духу заговорить с ней, грохот музыки свел бы всю затею к нулю. Наконец бармен осведомился у молодой женщины, что она желает выпить.

– Все равно что, лишь бы в стакане был бумажный зонтик, – ответила та.

– Пойдем отсюда? – прокричал Антуан на ухо Матиасу.

– Последний, кто доберется до гардероба, платит за ужин, – отвечал Матиас, безуспешно стараясь перекричать голос Паффа Дэдди.

Им потребовалось почти полчаса, чтобы пересечь зал. Очутившись на улице, Антуан попросил переждать, пока утихнет пронзительный звон у него в голове. Матиас, со своей стороны, почти оглох. Они поймали такси и покатали в направлении клуба, который недавно открылся недалеко от квартала Майфаир.

Перед дверями тянулась длинная очередь. Лондонская золотая молодежь боролась за место. Вышибала заметил Антуана и сделал ему знак, что он может пройти без очереди. Тот, очень гордый, проложил дорогу через толпу, волоча за собой Матиаса.

Когда они добрались до двери, вышибала спросил, а где подростки, которых привел Антуан. Клуб всегда поощрял тех, кто приходил вместе с родителями.

– Уходим! – немедленно заявил Антуану Матиас.

Еще одно такси, теперь уже в направлении Сохо, где в одном «*DJ bouse*» намечался концерт в лаундж-стиле. Матиаса водрузили на звуковую колонку, Антуану досталась четверть приставного сиденья... ровно на то время, которое им потребовалось, чтобы переглянуться и двинуться к выходу. Очередной *black cab* повез их к Ист-Энд-Ривер, который на сегодняшний день считался одним из самых модных кварталов.

– Есть хочу, – буркнул Матиас.

– Я знаю один японский ресторанчик неподалеку отсюда.

– Идем куда хочешь, но такси пусть подождет... на всякий случай.

Матиас нашел заведение сногшибательным. Все сидели вокруг огромной стойки, по которой на движущейся ленте, как на конвейере, перемещались блюда с различными суси и сасими. Никто ничего не заказывал, достаточно было выбрать приглянувшуюся крошечную тарелку, проезжавшую мимо. Попробовав сырого тунца, Матиас спросил, можно ли получить хлеб и кусочек сыра; ответ был тот же, что и на просьбу о вилке.

Он положил свою салфетку на конвейер и вернулся в такси, которое ожидало, припарковавшись во втором ряду.

– Мне казалось, ты голоден? – заметил Антуан, присоединяясь к нему в машине.

– Не до такой степени, чтобы есть окуня пальцами!

По совету водителя, они отправились в «*lap dance club*». Наконец-то устроившись в удобных креслах, Матиас и Антуан потягивали по четвертому за этот вечер коктейлю, чувствуя, как подступает легкое опьянение.

– Мы слишком мало разговариваем друг с другом, – заявил Антуан, отставляя свой стакан. – Мы каждый вечер ужинаем вместе, но уже почти ничем не делимся.

– Именно из-за таких высказываний я и ушел от своей жены, – отреагировал Матиас.

– Это жена от тебя ушла!

– Ты уже в третий раз смотришь на часы, Антуан; даже если мы и договорились попробовать начать все заново, это не значит, что ты должен действовать из-под палки.

– Ты все еще думаешь о ней?

– Видишь, в этом весь ты: я задаю тебе один вопрос, а ты отвечаешь другим.

– Это чтобы сэкономить время. Я знаю тебя уже тридцать лет, Матиас, и тридцать лет все наши разговоры всегда сводились к твоим делам, так почему сегодня вечером что-то должно измениться?

– А потому, что это ты никогда не желаешь говорить о себе. Ну давай, на спор, скажи мне что-нибудь очень личное, хоть что-нибудь.

У них перед носом танцовщица, казалось, по уши влюбилась в металлический шест, с которым обжималась. Антуан набрал горстку миндаля, пропустил орехи сквозь пальцы и вздохнул.

– Я больше не испытываю желания, Матиас.

– Если ты имеешь в виду девицу у шеста, то могу тебя успокоить: я тоже.

– Пошли отсюда? – взмолился Антуан.

Но Матиас уже встал и ждал его у гардероба. Разговор возобновился в такси, которое везло их домой.

– Мне кажется, что сама мысль прикадрить кого-то всегда нагоняла на меня скуку.

– Ты скучал с Каролиной Леблон?

– Нет, когда я был с Каролиной Леблон, из-за меня скучал ты.

– Скажи, ведь может женщина сделать с тобой в постели такое, что ты просто с ума сойдешь?

– Да: спрятать пульт от телевизора.

– Тебя просто усталость одолела, и ничего больше. – Значит, я чертовски давно устал. Я же видел этих типов в ночном клубе: они как волки, почуявшие добычу. А меня это больше не развлекает, да и никогда не развлекало. Я по-другому устроен; если женщина разглядывает меня с противоположного конца барной стойки, то мне потребуется полгода, чтобы набраться смелости и подойти к ней. И потом, сама мысль, что я проснусь рядом с кем-то в постели, а никакого чувства и в помине нет... я так уже не могу.

– Завидую тебе, ты хоть представляешь, какое счастье знать, что кто-то любит тебя, а не только хочет? Прими себя таким, какой ты есть, твоя проблема вовсе не в отсутствии желания.

– Но это же чистая физиология, Матиас – уже три месяца у меня даже по утрам ничего не стоит. Хоть раз услышь то, что я тебе пытаюсь сказать: у меня больше нет желания!

Глаза Матиаса наполнились слезами.

– Что с тобой? – опешил Антуан.

– Это из-за меня? – спросил Матиас, плача.

– Ты совсем сдурел, что еще ты вбил себе в голову? Это не имеет к тебе никакого отношения, говорю же, все дело во мне!

– Это потому, что я тебе продохнуть не даю, ведь так?

– Да прекрати же, в конце-то концов! Ты просто псих!

– Вовсе нет, это я виноват, что у тебя не стоит!

– Ну вот, опять ты за свое! Ты просишь, чтобы я говорил о себе, но что бы я ни говорил и ни делал, разговор сводится к тебе! Клинический случай, и только. Ну давай, чего время терять, расскажи мне, что тебя так беспокоит! – заорал Антуан.

– Ты правда хочешь?

– За такси платишь ты!

– Тебе кажется, с Одри мне не хватило смелости? – спросил Матиас.

– Дай сюда твой бумажник!

– Зачем?

– Мы ж договорились, что за такси платишь ты, забыл? Так что давай бумажник!

Матиас повиновался, Антуан открыл бумажник и достал из кармашка маленькую фотографию, на которой улыбалась Валентина.

– Тебе не смелости не хватило, а здравого смысла! Переверни страницу, раз и навсегда, – проговорил Антуан, расплачиваясь с водителем деньгами Матиаса.

Он убрал фотографию на место и вышел из машины, которая прибыла по нужному адресу.

* * *

Когда Антуан и Матиас вошли в дом, они слышали мерный посвист. Антуан, который не зря потратил десять лет на изучение архитектуры, сразу же определил этот звук, как утечку горячего воздуха из дырявого радиатора. По его прикидке, бойлер выпускал дух. Матиас обратил его внимание, что шум идет не из подвала, а из гостиной. Из-за края дивана высывалась пара носков, которая двигалась в гармоничном соответствии с ритмом храпа, всполошившего друзей. Вытянувшись во всю длину, Даниэль мирно спала.

Когда Даниэль отбыла, два друга открыли бутылочку бордо и в свою очередь устроились на диване.

– Как хорошо дома! – воскликнул Матиас, вытягивая ноги.

А поскольку Антуан устался на его ступни, лежащие на журнальном столике, он добавил:

– Правило сто двадцать четыре: каждый делает что хочет!

* * *

Следующая неделя прошла под знаком великих усилий. Матиас изо всех сил старался сосредоточиться на работе, и только на работе. Когда он обнаружил в поступившей на адрес магазина почте рекламный проспект, объявляющий о выходе в свет новой коллекции Лагарда и Мишара, то почувствовал, что душа его уязвлена. Каталог он выбросил в мусорную корзину, но вечером, когда вытряхивал ее, вытащил каталог обратно и положил под кассу.

* * *

Каждый день, направляясь в агентство, Антуан проходил мимо магазинчика Софи. Почему ноги несли его именно по этой стороне тротуара, хотя его бюро было расположено напротив? Он представления не имел и даже дал себе слово об этом не думать. А когда Софи видела Антуана, стоящего перед ее витриной, то отводила глаза.

* * *

Работы скоро должны были начаться. Ивонна с помощью Энии наводила порядок в ресторане, бегая туда-обратно между баром и подвалом. Но когда однажды утром Эния решила передвинуть коробку с «Шато Лабегорс-Зеде», Ивонна взмолилась, чтобы она поставила его на место. Эти бутылки были совершенно особенными.

* * *

В один прекрасный день на черной классной доске учительница написала мелом задание по географии. Эмили записала его в тетрадку Луи, пока тот, устремив взгляд в окно, мечтал о землях Африки.

* * *

Однажды утром, направляясь в банк, Матиас увидел знакомую фигуру: Антуан переходил улицу. Он прибавил шаг, чтобы догнать друга, но тут же сбавил скорость. Антуан остановился перед магазином для новорожденных; после минутного колебания, бросив взгляд налево и направо, он толкнул дверь магазина.

Укрывшись за уличным фонарем, Матиас следил за ним через витрину.

Он увидел, как Антуан переходит от полки к полке, легко касаясь стопок вещей для младенцев. К нему обратилась продавщица, но взмахом руки он дал понять, что зашел только посмотреть. Его внимание привлекли два крошечных вязаных башмачка. Он взял их с полки и принялся внимательно разглядывать. Потом надел один башмачок на указательный палец, другой на большой.

Посреди плюшевых игрушек Антуан изображал на левой ладони танец маленьких булочек. Поймав на себе смеющийся взгляд продавщицы, он покраснел и положил башмачки обратно на

полку. Матиас отклеился от своего фонаря и пошел дальше по улице.

* * *

В обеденный перерыв Маккензи тихонько выскользнул из агентства и побежал к станции «Южный Кенсингтон». Он вскочил в такси и попросил водителя отвезти его на Сент-Джеймс-стрит. Расплатившись, он удостоверился, что никто за ним не следит, и в прекрасном расположении духа зашел в лавочку Арчибальда Лексингтона, портного, поставщика двора Ее Величества. После краткого пребывания в примерочной он поднялся на специальное возвышение и позволил сэру Арчибальду внести все необходимые поправки в костюм, который заказал ему. Оглядев себя в большом зеркале, он пришел к выводу, что неплохо сложен. На будущей неделе во время торжественного открытия ресторана Ивонны он будет еще более привлекателен, чем обычно, то есть неотразим.

* * *

В середине дня Джон Гловер вышел из своего коттеджа и отправился в деревню. Он прошел по главной улице, толкнул дверь в мастерскую стекольщика и предъявил квитанцию. Его заказ был готов. Подмастерье, который взял у него квитанцию, на секунду вышел и вернулся с пакетом под мышкой. Джон аккуратно снял оберточную бумагу и вынул фотографию в рамке. В посвящении на фотографии значилось: «Моей дорогой Ивонне, с самой искренней дружбой. Эрик Кантона». Джон жестом поблагодарил работавших в мастерской и забрал фотографию с собой. Сегодня вечером он повесит ее в большой комнате на втором этаже.

* * *

Этим же вечером, пока Матиас готовил ужин, Антуан смотрел телевизор вместе с детьми. Эмили завладела пультом и принялась переключать каналы. Протирая стаканы, Матиас узнал голос журналистки, которая рассказывала о французской общине, обосновавшейся в Англии. Он поднял голову и увидел, как слева от лица Одри высветилась шкала громкости. Антуан вытащил пульт из рук Эмили.

* * *

В Париже в студии телеканала директор отдела информации, выходя с планерки, разговаривал с молодой журналисткой. После их ухода в комнату зашел техник.

– Ну как? – спросил Натан. – Порядок, все подписано, тебе дали собственную передачу?

Одри утвердительно кивнула.

– Тебя проводить?

И Одри кивнула опять.

* * *

В середине ночи, пока Софи перечитывала письма, одна в своей подсобке, Ивонна доверила Энии, сидевшей на краешке ее кровати, кое-какие секреты своей жизни и рецепт своего карамельного крема.

Уставившись в пустоту, Матиас крутил ложечкой в кружке с кофе. Антуан присел рядом и отнял ложку.

– Ты что, плохо спал? – спросил он.

Луи спустился из своей комнаты и сел к столу.

– Ну что она там застряла, моя дочь? Мы опоздаем в школу.

– Она вот идет, – сообщил Луи.

– Говорят не «вот идет», а «сейчас идет», – поправил его Матиас, повышая голос.

Он поднял голову и увидел, как Эмили съезжает по перилам.

– Немедленно слезь оттуда, – заорал Матиас, вскакивая на ноги.

Насупившись, девочка забилась в угол дивана в гостиной.

– Сил моих больше нет с тобой! – продолжал орать ее отец. – Немедленно садись за стол!

Эмили послушалась и с дрожащими губами уселась на стул.

– Ты совершенно избаловалась, тебе все надо повторять по сто раз или мои слова больше до тебя не доходят? – продолжал Матиас.

Сбитый с толку Луи вопросительно глянул на отца, тот взглядом посоветовал ему притвориться прозрачным.

– И не надо на меня смотреть с таким видом! – горячился Матиас, распаляясь все больше. – Ты наказана! Сегодня вечером, когда вернешься... домашние задания, ужин и немедленно спать, никакого телевизора, ясно?

Девочка ничего не ответила.

– Ясно или нет? – не отступал Матиас, еще больше повышая голос.

– Да, папа, – пролепетала Эмили с полными слез глазами.

Луи взял свой ранец, испепелил Матиаса взглядом и потащил подругу к выходу. Антуан без единого слова забрал из вазочки ключи от машины.

Доставив детей в школу, Антуан припарковал свой «остин» у дверей книжного магазина. В тот момент, когда Матиас вылезал из машины, он придержал его за локоть.

– Я хорошо понимаю, как тебе сейчас скверно, но ты слегка перегнул с дочерью этим утром.

– Когда я увидел, как она забирается на перила, я испугался, здорово испугался, можешь мне поверить!

– Если у тебя головокружения, это не значит, что она шага не может ступить без твоего позволения!

– Кто бы говорил. Ты напяливаешь на своего сына свитер всякий раз, когда холодно тебе... А что, я действительно здорово раскричался?

– Нет, ты действительно здорово разорался! Обещай мне одну вещь: прогуляйся как следует, побегай еще разок по парку после обеда, тебе это и правда необходимо!

Антуан дружески хлопнул его по плечу и направился на работу.

* * *

В час дня Антуан пригласил Маккензи пообедать в ресторане Ивонны. Для начала, заявил он, они захватят с собой рабочие чертежи, которые доделал Маккензи, и воспользуются случаем, чтобы проверить последние детали на месте.

Когда они сидели за столиком в зале, подошла Ивонна и позвала Антуана к телефону. Тот извинился перед своим сотрудником и подошел к телефону на стойке.

– Скажи мне правду, думаешь, Эмили может меня разлюбить?

Антуан глянул на трубку и повесил ее, ничего не ответив. Он не стал отходить от аппарата и оказался прав, потому что телефон снова заверещал. Он послушно снял трубку.

– Ты меня достал, Матиас... Простите? Нет, днем мы столики не резервируем... Да, благодарю вас.

Под заинтригованным взглядом Ивонны он осторожно положил трубку на место. Антуан направился обратно к столику, но тут же совершил полный поворот кругом, потому что телефон опять зазвонил. Ивонна протянула ему трубку.

– Не говори ничего и выслушай меня! – взмолился Матиас, который метался по своему книжному магазину. – Сегодня вечером ты отменишь наказание, а я вернусь позже тебя и что-нибудь придумаю.

Едва договорив, Матиас разъединился.

По-прежнему прижимая трубку к уху, Антуан изо всех сил старался сохранить спокойствие. А поскольку Ивонна не спускала с него глаз, ему тоже пришлось что-то придумывать.

– Пусть это будет последний раз, когда ты меня дергаешь во время совещания! – заявил он, в свою очередь хлопая трубку.

* * *

Сидя на скамейке, Даниэль отложила в сторону кроссворды и принялась вязать детский костюмчик. Она потянула за шерстяную нить и спустила очки на кончик носа. Напротив нее Софи, сидя по-турецки на лужайке, играла в карты с Эмили и Луи. У нее разболелась спина, она извинилась перед детьми и встала, чтобы немного размять ноги.

– Что такое с твоим отцом в последние дни? – тихонько спросил Луи у Эмили.

– Думаю, это из-за той журналистки, которая приходила к нам ужинать.

– А что именно у них приключилось? – поинтересовался мальчик и сделал ход.

– Ну, вспомни своего отца... и мою мать, – ответила девочка и открыла свои карты.

* * *

Матиас торопливым шагом двигался по аллее парка. Он открыл пакет из булочной, достал оттуда слойку с изюмом и впился в нее зубами. Внезапно он замедлил ход, и выражение его лица изменилось. Спрятавшись за деревом, он решил понаблюдать за открывшейся перед ним сценой.

Эмили и Луи хохотали от всей души. Стоя на четвереньках в траве, Софи щекотала то одного, то другого. Она распрямилась, чтобы задать им вопрос:

– Сюрприз из восьми букв?

– Карусель! – воскликнул Луи.

Как по волшебству, в ее ладони оказались два билетика. Она поднялась на ноги и махнула детям, призывая их идти за ней к карусели.

Луи двинулся последним, услышал свист и оглянулся. Из-за ствола дерева высунулась голова Матиаса. Он жестом попросил мальчика тихонько подойти к нему. Луи быстро глянул на дам, шагавших впереди него, и подбежал к скамейке, где его уже ждал Матиас.

– Ты что здесь делаешь? – спросил мальчик.
– А что здесь делает Софи? – вопросом на вопрос ответил Матиас.
– Я не могу тебе сказать, это секрет!
– Подумать только, а когда я заметил, как один маленький мальчик отодрал чешуйку у динозавра в музее, я никому ничего не сказал!
– Ну, это ж совсем другое дело, динозавр-то и так мертвый.
– А почему это секрет, что Софи здесь? – настаивал Матиас.
– В самом начале, когда ты разошелся с Валентиной и тайком приходил повидаться с Эмили в Люксембургский сад, это ж тоже был секрет, верно?
– А, понимаю... – протянул Матиас.
– Да нет, ничего ты не понимаешь! С тех пор, как вы поругались с Софи, она по нас скучает, и я тоже по ней скучаю.
Мальчик вскочил.
– Ладно, мне надо идти, они заметят, что меня нет.
Луи отошел на несколько шагов, но Матиас окликнул его:
– Наш разговор тоже секрет, договорились?
Луи кивнул и подтвердил обещание, торжественно приложив руку к сердцу. Матиас улыбнулся и кинул ему пакет с выпечкой:
– Там остались две плюшки с изюмом, поделишься с моей дочкой?
Мальчик глянул на него с сожалением.
– И что я скажу Эмили – что твои плюшки на дереве выросли? Старик, ты действительно совсем не умеешь врать!
Он бросил пакет обратно и удалился, покачивая головой.

* * *

Вечером, вернувшись домой, Матиас застал Эмили и Луи перед телевизором. Шли мультфильмы. Антуан готовил на кухне ужин. Матиас направился к нему и скрестил руки на груди.

– Может, я чего-то не понимаю? – спросил он, указывая на включенный телевизор. – Я что сказал?

Оторопевший Антуан поднял голову.

– Ни-ка-ко-го те-ле-ви-зо-ра! Получается, что я говорю, что не говорю – всем все равно? Ну это уж слишком! – возопил он, воздев руки к небесам.

С дивана Эмили и Луи наблюдали за сценой.

– Мне бы все-таки хотелось, чтобы в этом доме относились с уважением и ко мне, и к тому, что я говорю. И когда я принимаю какое-то решение относительно детей, я рассчитываю на твою поддержку. а то здорово получается: один все время наказывает, а другой добренький и все разрешает!

Антуан, который и до того не сводил с Матиаса глаз, даже перестал помешивать свое рагу.

– Это проблема согласия в семье! – провозгласил Матиас, запустив палец в кастрюлю и подмигнув при этом другу.

Инцидент был исчерпан, и все расселись за столом. После ужина Матиас поднялся уложить Эмили.

Он прилег рядом с ней и рассказал самую длинную историю из всех, какие знал. Теодор, кролик, наделенный волшебными свойствами, увидел, как в небе орел летает кругами (у бедной

птицы с самого рождения одно крыло было короче другого... на несколько перьев). Эмили засунула большой палец в рот и прижалась к отцу.

– Ты спишь, моя принцесса? – прошептал Матиас.

Он тихонько сполз с кровати. Встав на колени, он погладил волосы дочки и долго смотрел, как она спит.

Одну руку Эмили положила на лоб, другая так и осталась в руке отца. Время от времени ее губы вздрагивали, словно она собиралась что-то сказать.

– Как же ты на нее похожа, – пробормотал Матиас.

Он прикоснулся поцелуем к ее щеке, сказал, что любит ее больше всех на свете, и бесшумно выскользнул из комнаты.

* * *

Антуан в пижаме лежал в кровати и мирно читал. В его комнату постучали.

– Я забыл забрать костюм из химчистки, – сказал Матиас, просовывая голову в приотворенную дверь.

– Я забрал, он висит у тебя в шкафу, – ответил Антуан, возвращаясь к началу страницы.

Матиас подошел к кровати и растянулся поверх одеяла. Потом взял пульт и включил телевизор. – Удобный у тебя матрас!

– Такой же, как у тебя!

Матиас подтянулся и взбил подушку, чтобы другу было удобнее.

– Я тебе не мешаю? – поинтересовался он.

– Мешаешь!

– Видишь, а потом ты жалуешься, что мы никогда не разговариваем.

Антуан отобрал у него пульт и выключил телевизор.

– Знаешь, я думал о твоём головокружении, это не такая уж случайная проблема. Ты боишься взрослеть, боишься двигаться вперед, именно это тебя парализует, в том числе и в отношениях с другими людьми. С твоей женой ты боялся быть мужем, а иногда даже с дочерью боишься быть отцом. Когда в последний раз ты что-то делал ради другого, а не ради себя?

Антуан нажал на выключатель лампы и повернулся на другой бок. Матиас посидел несколько минут молча, в темноте; наконец встал и перед тем, как выйти из комнаты, пристально взглянул на друга:

– Знаешь что? Совет за совет, мне тоже есть что тебе сказать, Антуан. Впустить кого-то в свою жизнь – значит разрушить стены, которые ты возвел для собственной защиты, а не ждать, пока другой эти стены проломит!

– Почему ты мне это говоришь? Может, я не снес эту стену?! – закричал Антуан.

– Нет, это сделал я, но сейчас я о другом! Какого размера были башмачки в магазине для новорожденных?

И дверь захлопнулась.

* * *

Антуан не спал всю ночь... ну, или почти всю. Он снова зажег лампу, достал из прикроватной тумбочки листок бумаги и принялся писать. И только под утро, когда послание было окончено, сон сморил его.

Матиас тоже не спал всю ночь... или почти всю. Он тоже зажег свет и тоже заснул только под утро, приняв несколько решений.

В пятницу Эмили и Луи действительно здорово опоздали в школу. Напрасно они трясли отцов, пытаясь вытащить тех из постелей, ничего не помогало. И пока они смотрели мультфильмы (с ранцами за спиной, на случай, если у кого-то хватит нахальства их в чем-то упрекнуть), Матиас брлся в ванной, а запаниковавший Антуан звонил Маккензи, чтобы предупредить, что будет в агентстве через полчаса.

Матиас зашел в книжный магазин, написал на листе кальки: «Сегодня магазин не работает», прикрепил надпись на стекло двери и тут же отбыл.

Он зашел в агентство, вытащил Антуана с совещания, чтобы заставить его одолжить машину. На первом этапе своего долгого пути он поехал вдоль Темзы. Припарковавшись у башни Оксо, он присел на скамейку у пирса, чтобы сосредоточиться.

Ивонна удостоверилась, что ничего не забыла, и еще раз проверила билет. Этим вечером на вокзале Виктории она в восемнадцать часов сядет в поезд. Соответственно через пятьдесят пять минут она прибудет в Чатем. Она заперла маленький черный чемоданчик, оставила его на кровати и вышла из комнаты.

Со сжавшимся сердцем она спустилась по лестнице и зашла в зал; у нее была назначена встреча с Антуаном. Уехать на эти выходные оказалось хорошей мыслью. Ей было бы невыносимо видеть, как в ресторане все меняется и становится совсем по-другому. Но настоящая причина этой поездки, даже если ее несносный характер не позволял в этом признаться, шла скорее от сердца. Этой ночью впервые она будет спать в Кенте.

Выходя с совещания, Антуан глянул на часы. Ивонна ждала его уже как минимум четверть часа. Он порылся в кармане куртки, удостоверился, что конверт на месте, и побежал на назначенную встречу.

Софи встала в профиль перед зеркалом в подсобке. Она погладила свой живот и улыбнулась.

Матиас в последний раз взглянул на катящиеся по реке волны. Он глубоко вздохнул и встал со скамейки. Решительным шагом он направился к башне Оксо, пересек холл и заговорил с лифтером. Тот внимательно его выслушал и принял щедрые чаевые, которые протянул ему Матиас в обмен на услугу, которая все же казалась как минимум странной. Потом он попросил остальных пассажиров отойти в глубину лифта. Матиас зашел в кабину, встал лицом к двери и объявил, что готов. Лифтер нажал на кнопку.

* * *

Эния пообещала Ивонне, что во время работ она неотлучно будет в ресторане. И проследит, чтобы рабочие не повредили кассовый аппарат. Ивонне и без того было трудно себе представить, что, когда она вернется, все будет совсем по-другому, но если что-то случится с ее старенькой кассой, то испарится сама душа ресторана.

Она отказалась смотреть последние рисунки, которые принес ей Антуан. Она полностью ему доверяет. Зайдя за стойку, она достала из ящика конверт и протянула ему.

– Что это?

– Увидишь, когда откроешь! – заявила Ивонна.

– Если это чек, я его не приму!

– Если не примешь, я возьму два горшка краски и сведу на нет всю твою работу, когда вернусь, ты меня хорошо понял?

Антуан собирался поспорить, но Ивонна отобрала конверт и силой запихнула ему в карман куртки.

– Ты их возьмешь или нет? – спросила она, потряхивая связкой ключей. – Я очень хочу обновить зал, но моя гордость умрет только вместе со мной, я принадлежу к старой школе. Я и так знаю, что ты ни за что не позволишь, чтобы я выплатила тебе гонорар, но уж за работы я заплачу!

Антуан взял ключи из рук Ивонны и заявил, что ресторан поступает в полное его распоряжение до вечера воскресенья. И чтоб ноги ее здесь до утра понедельника не было.

* * *

– Мистер! уберите, ради бога, ногу от двери, люди нервничают и не могут больше ждать, – взмолился лифтер башни Оксо.

Кабина по-прежнему пребывала на первом этаже, и, хотя служитель постарался объяснить ситуацию всем клиентам, некоторые из них не желали больше дожидаться, пока их доставят к заказанным столикам на последнем этаже.

– Я почти готов, – твердил Матиас, – почти готов.

Он вздохнул поглубже и поджал в ботинках большие пальцы ног.

Стоявшая рядом дама в деловом костюме наподдала ему зонтиком по икре. Матиас согнул ногу, и кабина наконец вознеслась в лондонское небо.

* * *

Ивонна вышла из ресторана. У нее был назначен визит к парикмахеру, а позже она зайдет за

чемоданчиком. Энии пришлось почти вытолкнуть ее за дверь и заверить, что она вполне может на нее положиться. Прежде чем сесть в такси, Ивонна обняла ее и расцеловала.

Антуан прошел дальше по улице, остановился у магазинчика Софи, постучал в дверь и вошел.

* * *

Двери лифта открылись на последнем этаже. Клиенты ресторана устремились наружу. Вцепившись в поручень в глубине кабины, Матиас открыл глаза. Совершенно очарованный, он смотрел на город, как если бы никогда его не видел. Лифтер неуверенно хлопнул в ладоши раз, потом второй и наконец зааплодировал от всей души.

– Может, проедемся еще разок, только мы с вами? – предложил служитель.

Матиас глянул на него и улыбнулся.

– Разве что разок, потому что мне еще предстоит длинная дорога, – согласился Матиас. – Можно, я сам? – добавил он, поднося палец к кнопке.

– Угощаю! – гордо провозгласил лифтер.

* * *

– Ты пришел купить цветы? – спросила Софи, глядя на приближавшегося к ней Антуана.

Он достал из кармана конверт и протянул ей.

– Что это?

– Знаешь, тот дурак, которому я писал по твоей просьбе... думаю, он наконец-то тебе ответил, поэтому я решил принести тебе его письмо лично.

Софи ничего не сказала, только нагнулась, открыла дверцу шкафчика и положила письмо на стопку других.

– Ты его не распечатаешь?

– Распечатаю, но попозже, и потом, вряд ли ему понравилось бы, что я читаю при тебе.

Антуан медленно подошел к ней, обнял, поцеловал в щеку и вышел из магазина.

* * *

«Остин» катился по шоссе M25, Матиас перегнулся и достал из бардачка дорожную карту. Через десять миль он должен будет свернуть на M2. Этим утром он выполнил первое свое решение. На такой скорости он выполнит второе меньше чем через час.

* * *

Антуан провел остаток дня в компании Маккен-зи в ресторане. Вместе с Энией они сдвинули старые столы в глубь зала. Завтра грузовичок столярной мастерской их увезет. Теперь они все вместе синим мелом набрасывали на стенах будущий декор, отмечая для столяров, которые будут работать в субботу, где должна быть деревянная обкладка, а для маляров, которые придут в воскресенье, очертания арок и проемов.

Во второй половине дня Софи получила телефонное сообщение от Матиаса. Он понимал, что она больше не хочет с ним разговаривать, но умолял хотя бы выслушать.

В середине разговора Софи положила трубку на прилавок и пошла запереть дверь магазина, чтобы никто им не помешал. Она ни разу его не прервала. Когда Матиас повесил трубку, Софи открыла шкафчик. Она распечатала конверт и прочла слова, о которых мечтала все годы дружбы, которая, в сущности, была не дружбой.

Софи, Я всегда думал, что следующая моя любовь станет еще одним поражением, и боялся потерять тебя, ведь ты – единственное, что у меня было.

И все же я потерял тебя – из-за моих страхов.

Все эти годы я писал твои письма и никогда не осмеливался признаться, что мечтал оказаться на месте того, кому они адресованы. И в наш последний вечер я опять не сумел тебе это сказать...

Я буду любить этого ребенка больше, чем родной отец, потому что этот ребенок твой, больше, чем любовник, пусть он и родится от другого мужчины.

Если ты еще хочешь, чтобы мы были вместе, я не подпущу к тебе одиночество, я возьму тебя за руку и выведу на дорогу, по которой мы пойдем вместе.

Я хочу стареть у тебя на глазах и быть рядом каждую ночь до конца моих дней.

Эти слова я пишу только для тебя, любовь моя.

Антуан.

Матиас остановился на заправке. Он попросил залить полный бак и снова выехал на шоссе M25 в направлении Лондона. Только что в маленькой деревушке в Кенте он выполнил свое второе решение. Провожая его к машине, мистер Гловер признался, что ждал этого визита, но, что касается личности Попино, он не может ничего сказать.

Выезжая на автостраду, Матиас набрал номер мобильного Антуана. Он все устроил, нашел, кто посидит с детьми, и приглашает Антуана поужинать тет-а-тет.

Тот осведомился, что именно они собираются праздновать, но вместо ответа Матиас только предложил выбрать место.

– Ивонна уехала, и в нашем распоряжении будет весь ресторан на двоих, устраивает?

Он быстренько спросил Энию, та охотно согласилась приготовить им небольшой ужин. Она оставит все на кухне, им нужно будет только подогреть.

– Отлично, – согласился Матиас, – я принесу вино, ровно в восемь, идет?

Эния накрыла им очень милый стол. Прибираясь в подвале, она нашла подсвечник и теперь выставила его на середину стола. Блюда дожидались в духовке, оставалось только их достать. Когда Матиас пришел, она попрощалась с обоими и поднялась к себе в комнату.

Антуан открыл бутылку, которую принес Матиас, и разлил вино по стаканам.

– Здесь будет красиво. К вечеру воскресенья ты здесь ничего не узнаешь. Если не ошибаюсь,

дух этого места не изменится, здесь будет по-прежнему «у Ивонны», но только в более современном варианте.

А поскольку Матиас не говорил ни слова, он поднял свой стакан:

– Итак, что же мы празднуем?

– Нас, – ответил Матиас.

– В каком смысле?

– В смысле всего, что мы сделали друг для друга, в основном, правда, ты. Видишь ли, дружбу не скрепляют в мэрии, поэтому точной даты для юбилея не существует; и все же это может длиться всю жизнь, потому что таков наш выбор.

– А ты помнишь, как мы впервые встретились? – спросил Антуан чокаясь.

– За Каролину Леблон, – поднял свой стакан Матиас вместо ответа.

Антуан хотел принести блюда, но Матиас не отпустил его.

– Сиди, мне надо сказать тебе кое-что важное.

– Слушаю.

– Я люблю тебя.

– Ты репетируешь свою речь перед свиданием? – уточнил Антуан.

– Нет, я правда люблю тебя.

– Ты опять какую-то чушь городишь? Немедленно прекрати, потому что ты меня действительно пугаешь!

– Я покидаю тебя, Антуан.

Антуан поставил свой стакан и взгляделся в Матиаса.

– У тебя появился кто-то другой?

– А теперь чушь городишь ты.

– Почему ты это делаешь?

– Ради нас обоих. Ты спросил меня, когда в последний раз я что-то сделал не для себя, а для кого-то другого, и сейчас я могу тебе ответить.

Антуан встал.

– Знаешь, мне что-то есть расхотелось, давай пройдемся?

Матиас отодвинул свой стул. Оставив нетронутый стол, они закрыли за собой дверь служебного входа.

Они шли вдоль берега, и каждый уважал молчание другого.

Облокотившись о парапет моста, нависающего над Темзой, Антуан достал последнюю сигару, оставшуюся в кармане. Он размял ее в пальцах и чиркнул спичкой.

– Во всяком случае, я не хотел еще одного ребенка! – с улыбкой заметил Матиас.

– А вот я хотел! – возразил Антуан, протягивая ему сигару.

– Пошли, перейдем на тот берег, оттуда вид красивее, – продолжил Матиас.

– Ты завтра придешь?

– Нет, я думаю, нам лучше не видеться некоторое время, но я позвоню тебе в воскресенье, чтобы узнать, как прошли работы.

– Понимаю, – сказал Антуан.

– Я повезу Эмили в путешествие. Это не страшно, что она пропустит неделю в школе. Мне нужно побыть с ней вдвоем и кое о чем поговорить.

– У тебя какие-то планы? – спросил Антуан.

– Да, именно об этом я и хочу с ней поговорить.

– А со мной ты поговорить не хочешь?

– Хочу, – согласился Матиас. – Но сначала с ней.

Через мост проехало такси, Матиас махнул ему. Антуан сел в машину, Матиас закрыл за

ним дверцу и склонился к опущенному стеклу – Возвращайся, а я еще немного поброжу.

– Хорошо, – согласился Антуан. – Ты знаешь, сколько времени? – добавил он, взглянув на часы. – Мне здорово влетит от одной моей знакомой няни.

– Не беспокойся о мадам Даутфайер, я все устроил.

Матиас подождал, пока такси отъедет. Потом засунул руки в карманы плаща и зашагал. Было два часа двадцать минут; он скрестил пальцы, чтобы осуществилось и третье его решение.

* * *

Антуан зашел в дом и посмотрел на вазочку для карманной мелочи у двери. В гостиной царил полутьма, только мерцал экран телевизора.

Две пятки высывались из-за края дивана, одна в розовом носке, другая в голубом. Он направился на кухню и открыл холодильник. На решетчатой полке банки с содовой были расставлены строго по цветам. Он вытащил их все, потом расставил обратно в полном беспорядке и закрыл дверцу. Налил большой стакан воды из-под крана и выпил его залпом.

И только вернувшись в гостиную, обнаружил на диване Софи. Она спала глубоким сном. Антуан снял свою куртку и накрыл ей плечи. Наклонившись, он погладил ее волосы, тихонько поцеловал в лоб, скользнул к губам. Потом выключил телевизор и пристроился на другом конце дивана. Осторожно приподняв ноги Софи, он уселся и положил их к себе на колени. Наконец, поерзав в диванных подушках, нашел удобную позу и приготовился заснуть. Когда он успокоился, Софи приоткрыла один глаз, улыбнулась и закрыла его снова.

Антуан ушел из дома ранним утром. Он хотел быть на месте, когда приедет грузовичок из столярной мастерской. Софи собрала маленький чемоданчик для Эмили и положила часть вещей ее отца в большую сумку. Матиас должен был зайти за дочкой около девяти часов. Они отправлялись в Корнуолл, чтобы побыть вдвоем и поговорить о будущем. Эмили поцеловала Луи и пообещала, что будет каждый день отправлять открытку. Софи проводила их до двери дома.

– Спасибо за сумку, – сказал Матиас.

– Тебе спасибо, – ответила Софи, крепко обнимая его. – Все будет хорошо? – спросила она.

– Конечно, ведь со мной мой маленький ангел-хранитель.

– Когда ты вернешься?

– Через несколько дней, точно еще не знаю.

Матиас взял дочь за руку и спустился по ступенькам с крыльца, потом оглянулся и оглядел фасад дома. По обеим сторонам двери вились глицинии. Софи смотрела на них, и он взволнованно ей улыбнулся.

– Заботься о нем хорошенько, – прошептал он.

– Можешь на меня положиться.

Матиас взбежал обратно по ступенькам, поднял Луи и расцеловал его в обе щеки.

– А ты позаботься как следует о Софи, пока меня не будет, ты остаешься за мужчину в доме.

– А папа? – спросил Луи, когда его ноги вновь оказались на земле.

Матиас заговорщицки подмигнул ему и отправился вдаль по улице.

* * *

Антуан зашел в пустой ресторан. В глубине зала на столе, застеленном белой скатертью, торжественно возвышался подсвечник. Все приборы и тарелки оставались нетронутыми, только в двух стаканах было налито вино. Антуан подошел и сел на то место, которое накануне занимал Матиас.

– Оставьте, я все уберу, – окликнула его Эния, стоя внизу у лестницы.

– Я не слышал, как вы вошли.

– А я вас слышала, – заметила она, подходя ближе.

– Хорошая была весна, верно?

– Несколько гроз прошло, но так каждую весну, – ответила она, оглядывая пустой зал.

– Кажется, я слышу грузовик на улице.

Эния посмотрела сквозь витрину.

– Что-то мне боязно, – признался Антуан.

– Ивонна будет в восторге.

– Вы меня успокаиваете?

– Нет, я так говорю, потому что вчера, после вашего ухода, она вернулась и посмотрела все ваши рисунки, и можете мне поверить, у нее в глазах такие чертики плясали, каких мне еще не приходилось видеть.

– И никаких комментариев?

– Отчего ж, она сказала: «Видишь, папа, у нас все получилось». А сейчас я сварю вам кофе. Ну же, вылезайте оттуда, мне надо прибрать этот стол. Пошевеливайтесь!

В ресторан уже входила толпа столяров.

В воскресенье утром Джон показывал Ивонне свою деревню. Она просто влюбилась в эти места. Вдоль главной улицы все фасады домов были выкрашены каждый в свой цвет: розовый, голубой, иногда белый и даже фиолетовый, а на всех балконах пышно цвели цветы. Они пообедали в местном пабе. Солнце сияло в небе Кента, и хозяин усадил их на воздухе. Как ни странно, именно в этот день у всех местных жителей оказались срочные дела, и каждый из них прошел туда-обратно перед террасой, приветствуя Джона Гловера и его французскую подругу.

Обратно они вернулись короткой дорогой, через поля; английская деревня всегда была прекраснейшей в мире. Погода после полудня стояла чудесная, Джону нужно было поработать в оранжерее, а Ивонна воспользовалась этим, чтобы провести сиесту в саду. Он устроил ее в шезлонге, поцеловал и отправился за своими инструментами в пристройку.

* * *

Столяры выполнили свое обещание. Вся деревянная обшивка была закреплена. Антуан и Маккензи каждый у своего края стойки проверяли стыки. Все было сделано идеально, между брусками не было ни одной щели. Наложенный в мастерской лак отшлифовали минимум шесть раз, чтобы добиться такого блеска. С тысячью предосторожностей, под бдительным безжалостным оком Энии старый кассовый аппарат был водружен на свое законное место. Луи уже принялся его драить. В зале маляры заканчивали отделку проемов, которые они отшкурили и загрунтовали ночью. Антуан бросил взгляд на часы, оставалось только закрыть все чехлами, как следует подмести и расставить по местам новые столы и стулья. Электрики уже крепили к стенам светильники. Вошла Софи с большой вазой в руках. Венчики пионов едва приоткрылись; завтра, к возвращению Ивонны, они как раз распустятся.

* * *

К югу от Фальмута отец показывал дочери скалы Корнуолла. Когда он подошел к самому краю прибрежного обрыва, чтобы указать на видневшиеся вдали берега Франции, она сначала не поверила своим глазам, а потом кинулась к нему на шею и заверила, что ужасно им гордится. Вернувшись в машину, она воспользовалась случаем, чтобы выяснить, можно ли ей теперь, когда у папы больше нет головокружения, съезжать по перилам, не получая за это нагоняй.

* * *

Время близилось к четырем, и почти все было закончено. Стоя у дверей, Антуан, Софи, Луи и Эния разглядывали результаты выполненной работы.

– Мне просто не верится, – проговорила Софи, любуясь залом.

– Мне тоже, – признался Антуан, беря ее за руку. Софи наклонилась к Луи, чтобы сказать ему кое-что по секрету.

– Через две секунды твой отец спросит меня, понравится ли все это Ивонне, – прошептала она на ухо мальчику.

Зазвонил телефон. Эния подошла и сделала знак Антуану: спрашивали его.

– Это она, хочет узнать, все ли закончено, – предсказал он, подходя к стойке.

Он обернулся, чтобы спросить у Софи, как она думает – понравится новый зал Ивонне или нет...

Он взял трубку, и выражение его лица изменилось. На другом конце провода была не Ивонна, а Джон Гловер.

* * *

Она почувствовала боль сразу после обеда. Но ей не хотелось тревожить Джона. Он так ждал этого момента. Деревенский пейзаж вокруг нее был залит солнцем, листва на деревьях медленно колыбалась под ветром. Как прекрасны ароматы зарождающегося лета. Она так устала, чашка заскользила из ее пальцев, но зачем пытаться удержать ручку, это всего лишь фарфор; Джон в оранжерее, он не услышит звона. Ей очень нравилось, как он подстригает вьющиеся розы.

Забавно, она только подумала о нем, и вот он уже появился в конце аллеи. Как он похож на ее отца, та же мягкость, та же сдержанность, та же естественная элегантность. А кто эта маленькая девочка, что держит его за руку? Это не Эмили. Она размахивает шарфиком, который был на ней в тот день, когда он повел ее на большое колесо обозрения. Она машет ей рукой, зовет.

Лучи солнца горячи, она чувствует, как они касаются ее кожи. Не надо бояться, все главное она сказала. Может, последний глоток кофе? Кофейник стоит на столике, так близко и уже так далеко от нее.

Птица пролетела в небе: этим вечером она полетит над Францией.

Джон приближался к ней, пусть бы свернул в лесок, сейчас ей лучше остаться одной.

Голова вдруг стала слишком тяжелой. Она позволила ей упасть на плечо. Лишь бы веки остались приоткрытыми, чтобы впитать все, что ее окружало, она хотела бы увидеть магнолии, склониться к розам; свет мерк, солнце уже не было таким горячим, птица улетела; девочка машет ей, и отец улыбается. Боже, как прекрасна жизнь, когда она уходит... и чашка упала в траву.

Она сидела очень прямо на стуле, склонив голову, у ног валялись осколки фарфора.

Джон бросил свои инструменты и побежал по аллее, выкрикивая ее имя...

Ивонна только что умерла в саду Кента.

Ивонне понравился бы лазурный небесный шлейф над кладбищем Олд Бромптона. Джон шел первым в траурном кортеже, Даниэль, Колетт и Мартина следовали за ним в один ряд, Софи, Антуан, Эния и Луи поддерживали Маккензи, безутешного в своем новом костюме. А позади коммерсанты, клиенты, все жители Бьют-стрит выстроились в длинную вереницу.

Когда они опускали тело в могилу, со стороны большого стадиона донесся невероятный хор воплей. В эту среду «Манчестер Юнайтед» выиграл матч. И кто сегодня мог бы возразить, что силуэт, идущий вон там по аллее, вовсе не тот великий игрок... Заупокойной службы не было, Ивонна этого не хотела, – всего несколько слов, чтобы сказать, что, даже умерев, она осталась с ними.

Церемония была короткой, как того и пожелала Ивонна. Все вернулись к ней в ресторан; это уже было пожелание Джона.

Общее мнение было единодушным, и, хотя Антуан плакал, следовало радоваться: ресторан стал куда красивее, чем она могла себе представить. Конечно, ей бы понравилось! Все расселись за столы и подняли стаканы в память Ивонны.

В полдень в ресторан зашли случайные посетители. Эния не знала, что делать, Даниэль подала ей знак: следовало обслужить клиентов. Когда они решили расплатиться, Эния подошла к кассе, не понимая, должна ли она пробить этот счет.

Джон, который, поднявшись со своего места, встал у нее за спиной, нажал на рычаг, и в зале раздался звон открывшегося ящика.

– Видите, она здесь, рядом с нами, – сказал он Энии.

Ресторан снова был открыт для посетителей. Кстати, шепнул Джон на ухо Энии, Ивонна однажды сказала ему, что если б ресторан закрылся, она умерла бы во второй раз. Энии не надо ни о чем беспокоиться, этим утром он видел, как она работает, мелькая между столиками и вроде бы никуда не торопясь, и теперь Джон уверен, что она вполне справится.

Она бы мечтала об этом, но где ей взять деньги, чтобы выкупить дело. Джон успокоил ее, деньги не понадобятся, они договорятся, она станет управительницей. Как Матиас в книжном магазине, он все объяснит. И потом, если ей понадобится помощь, он будет неподалеку. У Джона только одна просьба. Он протянул ей деревянную рамку из тонкого багета и попросил повесить эту фотографию над баром и никогда ее не снимать. Прежде чем удалиться – ему нркну было уладить еще одно дело, – Джон указал на свое пальто, висевшее на вешалке, и подарил его ей во второй раз. Пусть сохранит его, оно приносит удачу, верно?

Софи смотрела на Антуана. Матиас только что зашел.

– Ты пришел? – спросил Антуан, подходя к нему.

– Нет, как видишь!

– Я думал, ты будешь на кладбище.

– Я узнал обо всем только сегодня утром, когда позвонил Гловеру. Я старался приехать как можно быстрее, но ты же знаешь эти английские машины, которые даже ездят не с той стороны!

– Ты останешься?

– Нет, мне надо ехать.

– Понимаю.

– Можно оставить у тебя Эмили на несколько дней?

– Ну конечно!

– А как ты собираешься поступить с домом? Антуан глянул на Софи, та принесла пачку носовых платков для Маккензи.

– В любом случае, мне понадобится твоя комната, – заметил он, глядя, как Софи придерживает свой живот.

Матиас направился к двери, вернулся и обнял друга.

– Обещай мне одну вещь: не думай сегодня о мелочах, которые не получились, посмотри на все, что тебе удалось сделать, это же замечательно.

– Обещаю, – произнес Антуан.

* * *

Матиас зашел в книжный магазин, где его уже поджидал Джон Гловер. Джон подписал все бумаги, о которых они договорились в Кенте. Перед тем как уйти, Матиас поднялся на стремянку. Он взял книгу с самой верхней полки и вернулся к кассе.

Выдвижной ящик он починил, и теперь он не издавал того странного звука, когда его открывали.

Он еще раз поблагодарил старого книготорговца за все, что тот для него сделал, и вернул ему единственный имевшийся в магазине экземпляр приключений Дживса.

Перед тем как покинуть это место, Матиас должен был задать последний вопрос: так кто же такой этот Попино?

Гловер улыбнулся и предложил Матиасу забрать два пакета, которые он приготовил для него и положил у входа. Матиас развернул подарочную упаковку, в которую они были обернуты. В первом оказалась эмалевая пластина, а во втором – замечательный зонтик с резной ручкой вишневого дерева. Куда бы вы ни шли и где бы вы ни жили, однажды вечером может пойти дождь, сказал Джон, раскланиваясь.

Едва Матиас вышел из книжного магазина, Джон просунул руку в ящик кассы и вернул пружинку ровно на то место, что и раньше.

Поезд въехал в здание вокзала; Матиас бегом промчался по перрону, обогнал длинную процессию пассажиров и вскочил в первое подъехавшее такси. От этого свидания зависит его жизнь, – прокричал он в окошко разгневанной очереди, осыпавшей его руганью; но такси уже двинулось по бульвару Мажента, где движение в тот день было на редкость спокойным.

Он ускорил шаги у начала пешеходной аллеи и наконец побежал бегом.

За большим застекленным проемом можно было разглядеть съемочную площадку, на которой уже шла подготовка к вечернему выпуску новостей. Дежурный у входа попросил назвать свое имя и имя того, к кому он пришел.

Охранник позвонил в режиссерское управление.

Она уехала на несколько дней, а внутренние правила запрещали сообщать, где именно она находится.

По крайней мере она во Франции? – дрожащим голосом осведомился Матиас. – Ничего не можем сказать... правила такие, повторил охранник; в любом случае, это даже в список командировок не вписано, добавил он, перелистывая толстую тетрадь; она вернется на той неделе, вот все, что он знал. – Может ли он по крайней мере передать ей, что приходил Матиас?

Какой-то техник проходил через входную рамку и наострил ухо, расслышав знакомое имя.

Да, его зовут именно Матиас, а что? Откуда он знает его имя?... – Он просто узнал его, Одри столько раз его описывала, так часто говорила о нем, ответил молодой человек. И приходилось все выслушивать, да еще утешать ее, когда она вернулась из Лондона. К черту правила, заявил Натан, увлекая его в сторонку; она была его другом; правила – штука хорошая, особенно если нужно их нарушить, когда того требуют обстоятельства... Если Матиас

поторопится, то, возможно, застанет ее на Марсовом поле, в принципе, она собиралась снимать там.

Шины такси закрипели, когда они свернули на набережную Вольтера.

С дороги вдоль берега открывалась потрясающая перспектива анфилады мостов; слева только что высветились синеватые стекла Большого дворца, перед ним сверкала Эйфелева башня. Париж действительно был самым прекрасным городом в мире, особенно если смотреть на него немного издалека.

Было уже больше восьми; после разворота у моста Альма такси наконец остановилось у тротуара.

Матиас поправил пиджак, проверил в зеркальце заднего вида, не слишком ли он растрепан. Пряча чаевые в карман, шофер заверил его, что выглядит он безукоризненно.

Она уже заканчивала свой репортаж и переговаривалась с коллегами. Когда она увидела его на площади, лицо ее застыло. Она бегом бросилась ему навстречу.

На нем был элегантный костюм; Одри глянула на руки Матиаса, они слегка дрожали; она заметила, что он забыл вставить запонки в манжеты.

– Я никогда не помню, куда их засунул, – пробормотал он, глядя на свои запястья.

– Я унесла с собой твою чашку, но запонки не трогала.

– Знаешь, у меня больше нет головокружений.

– Чего ты хочешь, Матиас? Он посмотрел ей прямо в глаза:

– Я вырос, дай мне второй шанс.

– Из этих вторых шансов редко получается что-то путное.

– Да, я знаю, но мы же спали вместе.

– Как же, помню.

– Ты по-прежнему уверена, что сможешь полюбить мою дочь, если она будет жить в Париже?

Она долго на него смотрела, потом взяла его руку и улыбнулась.

– Идем, – сказала она, – я хочу проверить одну вещь.

И Одри бегом потащила его на верхний ярус Эйфелевой башни.

ЭПИЛОГ

Следующей весной одна роза завоевала большой приз на празднике в Челси. Имя ее было Ивонна. На кладбище в Олд Бромптон она уже цвела на ее могиле.

* * *

Много лет спустя молодой человек и его лучшая подруга встретились, как они это делали всегда, если выдавалась хоть малейшая возможность.

– Извини, мой поезд опоздал. Ты давно ждешь? – спросила Эмили, присаживаясь на скамейку.

– Только что пришел, я ездил встречать маму в аэропорт, она только что вернулась из командировки. Я уеду с ней на выходные, – ответил Луи. – Значит, Оксфорд? Как прошли твои экзамены?

– Папа будет доволен, я все-таки заняла одно из мест на пьедестале...

Сидя рядышком на скамейке у карусели в парке, они разглядывали мужчину в синем костюме, который только что устроился напротив них. Он положил большую сумку у ножки стула и повел свою дочку к карусельному кругу.

– Шесть месяцев, – изрек Луи.

– Три месяца, не больше! – возразила Эмили.

Она протянула руку, и Луи хлопнул по ее ладони:

– Спорим!

...а Матиас до сих пор не знает, кто такой Попино.

notes

Примечания

Имеется в виду французская двадцатибалльная система школьных оценок (здесь и далее примеч. переводчика).

«Черный кэб» – лондонское такси.

Французская спортивная газета.

«Лягушачья аллея» – намек на прозвище французов – «лягушатники».

Алкогoльнoй кoктeйлъ нa oснoвe тeкилы.

На набережной Орсе расположено Министерство иностранных дел Франции.

Конюшни (англ.).

Поезда «Евростар» курсируют между Лондоном, Парижем и Брюсселем по туннелю, проложенному под проливом Ла-Манш.

Английский футбольный клуб.

Эрик Кантона – знаменитый игрок «Манчестер Юнайтед».

Детская настольная игра.

Прозвище Луи Армстронга.

Уильям Клакстон (William Claxton) (1914-1996) – известный американский фотограф, выпустил несколько фотоальбомов, посвященных джазовым музыкантам, в частности – серию портретов Чета Бейкера.

Чет Бейкер (Chet Baker) (1929-1988) – знаменитый американский джазовый трубач.

Традиционное британское блюдо – рыба с картошкой.

Лондонская газета.